ПУТЬ

Петр Успенский

Четвертый путь

ВЕСЬ

4 путь

Петр Успенский

Четвертый путь

ИГ "Весь"

2013

Успенский П. Д.

Четвертый путь / П. Д. Успенский — ИГ "Весь", 2013 — (4 путь)

П. Д. Успенский начинает свою книгу с того, что рассказывает о сути системы «Четвертый путь» и кратко формулирует ее основные идеи. А затем конкретизирует их в ответах на вопросы, которые ему задавали ученики из разных стран.С точки зрения автора, мы не используем даже малой части своих способностей и сил. Мы рождены, чтобы жить в четырех состояниях сознания, но, по сути, постоянно находимся лишь в двух из них: либо спим, либо «бодрствуем». Но и в последнем случае, по мнению Успенского, человек действует всего лишь как «машина», автоматически реагирующая на внешние обстоятельства. Но в нашей власти по-разному использовать то, что нам дано. Аэроплан может стать повозкой, если в него запрячь лошадей, а может парить в небе.П. Д. Успенский рассказывает о том, как достичь высших состояний сознания (самосознание и объективное сознание) и, в конечном счете, вести подлинно человеческую жизнь, в которой мы не жертвы реальности, разбивающей наши мечты, а ее полноправная часть.Эта книга состоит из дословных выдержек бесед с Успенским периода между 1921 и 1946 годами.

© Успенский П. Д., 2013
© ИГ "Весь", 2013

Содержание

Предисловие 6
Глава I 7
Глава II 27
Глава III 47
Глава IV 67
Глава V 88
Конец ознакомительного фрагмента. 89

П. Д. Успенский
Четвертый путь

P. D. Ouspensky
The Fourth Way

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Предисловие

Когда П. Д. Успенского спросили, намерен ли он публиковать свои лекции, он ответил: «Какая в этом польза? Важнее не лекции, а вопросы и ответы».

Эта книга состоит из дословных выдержек из бесед с Успенским и ответов, данных им на вопросы в период между 1921 и 1946 годами. Глава I – это общий обзор основных идей, которые в последующих главах разрабатываются очень подробно, вопрос за вопросом, в определенном порядке, которому следовал сам Успенский.

Чтобы сохранить этот порядок, некоторый материал дается вне хронологической последовательности, но ни в одном случае не было сделано никаких изменений в стиле или смысле.

Глава I

О чем эта система. – Изучение психологии. – Незавершенность человека. – Изучение мира и изучение человека. – Принцип масштаба. – Возможная эволюция. – Самоизучение. – Многие «Я». – Разделение функций. – Четыре состояния сознания. – Самонаблюдение. – Самовоспоминание. – Две высшие функции. – Неправильная работа машины. – Воображение. – Ложь. – Отсутствие воли. – Недостаток контроля. – Выражение неприятных эмоций. – Отрицательные эмоции. – Изменение отношений. – Наблюдение функций. – Отождествление. – Учитывание. – Сон. – Тюрьма и бегство из нее. – Семь категорий человека. – Механичность. – Закон Трех. – Закон Семи. – Иллюзии. – Мы не можем «делать». – Добро и зло. – Мораль и совесть. – Только немногие могут развиваться. – A, B и C влияния. – Магнетический центр. – Мы живем в плохом месте Вселенной. – Луч Творения. – Порядки законов.

Прежде чем начать объяснять, что представляет из себя эта система, и говорить о наших методах, я хотел бы обратить ваше внимание на то, что самые важные идеи и принципы этой системы принадлежат не мне. И это есть то главное, что придает им ценность, так как если бы они принадлежали мне, то были бы подобны прочим теориям, созданным обычным умом, то есть давали бы только субъективный взгляд на вещи.

Когда в 1907 году я начал писать книгу «Новая модель Вселенной», я сформулировал для себя (как это делали многие другие люди до и после меня), что за внешней стороной жизни, которую мы знаем, лежит нечто намного более крупное и более важное. И я сказал тогда самому себе, что до тех пор, пока мы не узнаем об этом больше, все наше знание о жизни и о нас самих ничего в действительности не стоит. Я вспоминаю, как сказал в одном разговоре в то время: «Если бы возможно было принять как доказанное, что сознание (или, как лучше назвать его теперь, разум) способен проявляться отдельно от физического тела, то можно было бы доказать и многие другие вещи. Но это нельзя принять как доказанное». Я понимал, что проявления сверхнормальной психологии (такие как передача мыслей, ясновидение, возможность знать будущее, заглядывать в прошлое и так далее) не имеют доказательств. Поэтому я пытался найти метод изучения этих явлений и работал в этом направлении в течение нескольких лет. Таким образом я обнаружил несколько любопытных вещей, но результаты были весьма неясны и трудноуловимы. Отдельные эксперименты оказались довольно успешны, но повторить их было практически невозможно.

В ходе этих экспериментов я пришел к двум выводам. Во-первых, что мы недостаточно знаем обычную психологию. Мы не можем изучать сверхнормальную психологию, потому что не знакомы с обычной. Во-вторых, я заключил, что существует некое реальное знание; что где-то должны быть школы, которые точно знают то, что мы хотим узнать, но по какой-то причине они скрыты, и это знание также скрыто. Поэтому я начал искать такие школы. Я путешествовал по Европе, Египту, Индии, Цейлону, Турции и Ближнему Востоку, но только по окончании всех путешествий я встретил в России во время войны{ Имеется в виду Первая мировая война. – *Здесь и далее примеч. ред.*} группу людей, изучавших систему, которая изначально шла из восточных школ. Эта система начинала с изучения психологии, и именно так она должна была делать по моим представлениям.

Главной идеей этой системы являлась следующая: мы не используем даже малой части своих способностей и сил. Мы, скажем так, имеем в себе очень большую и тонкую организацию, только не знаем, как ею пользоваться. Члены упомянутой группы использовали некоторые восточные метафоры. Они говорили, что внутри нас есть большой дом, полный прекрасной мебели, с библиотекой и многими другими комнатами, но мы живем в подвале и на кухне, даже не пытаясь покинуть эти помещения. Если люди говорят нам, что этот дом имеет верхние этажи, мы не верим им, смеемся и называем это суеверием, сказками или баснями.

Эта система занимается (на некоторых новых принципах) изучением мира и изучением человека. Таковое изучение включает в себя некий специальный язык. Мы стараемся использовать обычные слова (те же, что используем в обыденной речи), но придаем им несколько другое, более точное значение.

Изучение мира, изучение Вселенной основано на изучении некоторых основных законов, которые науке большей частью не известны или ею не признаются. Два основных закона – это Закон Трех и Закон Семи (они будут объяснены позже). В них входит – и является с этой точки зрения необходимым – принцип *масштаба*: принцип, который в обычные научные исследования или не входит вовсе, или же входит в очень малой степени.

Изучение человека тесно связано с идеей его эволюции, но эволюцию в данном случае следует понимать несколько иначе, чем обычно. Обычно под словом «эволюция» (в отношении чего бы то ни было) подразумевается некий механический процесс: некоторые вещи по каким-то известным или неизвестным законам трансформируются в другие вещи, которые трансформируются в следующие, и так далее. Но с точки зрения системы, о которой идет речь, такой эволюции не существует – я говорю не абстрактно, но конкретно об эволюции *человека*. Эволюция человека, если она происходит, может быть только результатом знаний и усилий. Пока человек знает только то, что можно узнать обычным путем, ни о какой эволюции не может быть и речи.

Серьезное изучение начинается в этой системе с изучения психологии, то есть с изучения самого себя, потому что психологию невозможно осваивать как астрономию – вне самого себя. Человек должен изучать самого себя. Когда я услышал об этом, мне сразу стало ясно, что у нас нет никаких методов такого изучения, но существует масса ложных представлений о самих себе. И я понял, что мы должны освободиться от этих ложных представлений и в то же время найти методы изучения самих себя.

Надеюсь, вы понимаете, насколько трудно дать определение тому, что понимается под психологией? Существует так много значений, которые придаются одним и тем же словам в разных системах, что трудно найти общее определение. Поэтому мы начнем со следующего: психология – это *изучение самого себя*. Вам нужно узнать некоторые методы и принципы, а на их основе вы можете попытаться увидеть себя с новой точки зрения.

Когда мы начинаем изучать себя, то в первую очередь сталкиваемся с одним словом, которое употребляем чаще, чем какое-либо другое. Это слово – «Я». Мы говорим: «Я делаю», «Я сижу», «Я чувствую», «Я люблю», «Я не люблю» и так далее. Это наша главная иллюзия, так как самое первое наше заблуждение относительно самих себя заключается в том, что мы считаем себя едиными. Мы всегда говорим о себе «Я» и подразумеваем все время одну и ту же вещь, тогда как в действительности мы разделены на сотни и тысячи различных «Я». В один момент я произношу «Я» – и это говорит одна часть меня; в другой момент это слово произносит совершенно другое «Я». Мы не ведаем о том, что у нас не одно «Я», а много различных, связанных с нашими чувствами и желаниями. Мы и не подозреваем, что нет никакого управляющего «Я». Эти «Я» все время меняются: одно подавляет другое, второе вытесняет третье, и такая борьба составляет всю нашу внутреннюю жизнь.

«Я», которые мы видим в себе, делятся на несколько групп. Некоторые из них вполне правомерны. Другие же совершенно искусственны, так как созданы недостаточным знанием и рядом воображаемых идей о самом себе.

Чтобы начать изучение себя, необходимо освоить методы самонаблюдения, но прежде необходимо понять определенное разделение функций. Наше обычное представление о них совершенно ошибочно. Мы знаем разницу между интеллектуальными и эмоциональными функциями. Например, когда мы обсуждаем, обдумываем, сравниваем, объясняем или находим истинные значения каких-либо вещей – это интеллектуальная работа, тогда как любовь, ненависть, страх, подозрение и так далее – это эмоции. Но очень часто при попытке наблю-

дать себя мы путаем интеллектуальную функцию с эмоциональной: когда мы чувствуем, мы называем это мыслями, а когда думаем, называем это чувствами. Но в процессе изучения мы узнаем, чем одно отличается от другого. Например, существует огромное различие в скорости, но об этом мы подробно поговорим позже.

Существуют еще две функции, которые ни одна система привычной психологии не разделяет и не понимает должным образом, – инстинктивная и двигательная. Инстинктивная относится к внутренней работе организма: пищеварение, кровообращение, дыхание – это инстинктивные функции. К ним относятся также обычные ощущения – зрение, слух, обоняние, вкус, осязание, ощущение холода и тепла и тому подобные вещи, впрочем, я назвал почти все. Из внешних движений инстинктивной функции принадлежат только простые рефлексы, так как более сложные относятся к двигательной функции. Различать инстинктивную и двигательную функции очень легко. Нам не нужно учиться тому, что относится к инстинктивной функции, – мы рождаемся со способностью использовать все эти умения. С другой стороны, всем двигательным функциям мы должны быть обучены – ребенок учится ходить, писать и так далее. Между этими двумя функциями существует очень большая разница, поскольку в двигательных функциях нет ничего врожденного, а инстинктивные именно что врожденные.

Поэтому при самонаблюдении прежде всего необходимо разделять эти четыре функции и сразу классифицировать все, что вы наблюдаете, говоря: «Это интеллектуальная функция», «Это эмоциональная функция» и так далее.

Если вы будете практиковать подобное наблюдение в течение некоторого времени, то сможете заметить некоторые странные вещи. Например, вы обнаружите, что самое трудное в самонаблюдении – это то, что вы забываете о нем. Вы начинаете наблюдать, а ваши эмоции связываются с какой-то мыслью, и вы забываете о самонаблюдении.

Кроме того, спустя некоторое время, если вы будете продолжать это усилие наблюдения, которое представляет собой новую функцию, не используемую таким способом в обычной жизни, вы заметите другую интересную вещь – что большую часть времени вы не *помните себя*. Если бы вы могли осознавать себя все время, то могли бы и наблюдать все время, или, во всяком случае, столько, сколько пожелали бы. Но так как вы не способны помнить себя, то не способны и сосредоточиться. Поэтому вы должны признать, что не имеете воли. Если бы вы помнили себя, то имели бы волю и могли делать, что пожелаете. Но вы не способны помнить себя, не способны осознавать себя и потому не имеете воли. Иногда какое-то короткое время вы имеете волю, но она направляется на что-то другое, и вы забываете о ней.

Это та ситуация, то состояние бытия, то состояние, с которого нам приходится начинать изучение себя. Но очень скоро, если вы продолжите наблюдение, то придете к выводу, что почти с самого начала изучения себя вы должны исправить в себе некоторые вещи, которые неправильны, привести в порядок то, что находится не на своем месте. Система дает этому объяснение.

Мы созданы таким образом, что можем жить в четырех состояниях сознания, но, по сути, живем лишь в двух: в одном – когда спим, а в другом – когда мы, что называется, «бодрствуем», то есть в том самом обычном состоянии, где мы можем говорить, слушать, читать, писать и так далее. Но это только два состояния из четырех возможных. Третье состояние сознания – очень странное. Когда нам объясняют, что это такое, мы начинаем думать, что мы его имеем. Третье состояние может быть названо *самосознанием*, и большинство людей, если их об этом спросят, скажут: «Конечно, мы сознательны!»

Необходимо время и частые усилия самонаблюдения, чтобы убедиться в том, что на деле мы не сознательны, что мы сознательны только потенциально. Если нас спрашивают, мы говорим: «Да, я сознателен», и в этот момент мы действительно сознаем себя, но в следующий момент мы снова не помним себя, мы уже не сознательны. Таким образом, в процессе самонаблюдения мы понимаем, что не имеем третьего состояния сознания, что живем только в

двух. Мы живем либо во сне, либо в бодрствующем состоянии, которое в этой системе называется *относительным сознанием*. Четвертое состояние, которое называется *объективным сознанием*, недоступно для нас, так как его можно достичь только через самосознание, то есть сначала осознав самих себя, чтобы гораздо позже суметь достичь объективного состояния сознания.

Поэтому, наряду с самонаблюдением, мы пытаемся осознавать себя путем поддержания ощущения «Я здесь» – и ничего больше. И это тот факт, который вся западная психология, без малейшего исключения, упустила. Хотя многие люди подходили к этому очень близко, они не оценили всей важности этого факта и не поняли того, что обычное состояние человека может быть изменено – что человек способен помнить себя, если старается делать это достаточно долго.

Это вопрос не дня и не месяца. Это очень долгий процесс: изучение того, как устранить препятствия, потому что мы не помним и не сознаем себя по причине многих ошибочных функций в нашей машине, и все эти функции должны быть исправлены и отрегулированы. Когда большинство этих функций начнут работать правильно, периоды самовоспоминания будут становиться дольше и дольше, а когда они становятся достаточно долгими, мы приобретаем две новых функции. С самосознанием, которое есть третье состояние сознания, мы приобретаем функцию, называемую *высшей эмоциональной*, хотя она в такой же степени и интеллектуальная, поскольку на этом уровне, в отличие от уровня обычного, нет разницы между интеллектуальным и эмоциональным. А когда мы подходим к состоянию объективного сознания, то приобретаем еще одну функцию, называемую *высшей интеллектуальной*. Те явления, которые я называю сверхнормальной психологией, принадлежат этим двум функциям; вот почему, когда я проводил свои эксперименты двадцать пять лет назад, я пришел к выводу, что экспериментальная работа невозможна, так как это вопрос не эксперимента, но изменения состояния сознания.

* * *

Я только что дал вам некоторые общие идеи. Теперь постарайтесь сформулировать для меня то, чего вы не поняли, что нужно объяснить лучше. Задавайте любые вопросы, которые у вас возникнут, – как в связи со сказанным мною, так и свои собственные вопросы. Так нам будет легче начать.

В. Необходимо ли постоянно сознавать себя, чтобы достичь высшего состояния сознания?

О. Мы на это не способны, поэтому не может быть и речи о постоянном осознании. Пока мы говорим только о начале. Мы должны изучать себя в связи с этим делением на различные функции, когда можем – когда мы помним о том, чтобы делать это, – потому что в этом мы зависим от случая. Когда мы помним, мы должны пытаться сознавать себя. Это все, что мы можем.

В. Нужно ли пытаться осознавать свои инстинктивные функции?

О. Только ощущения. Нет необходимости делать внутреннюю инстинктивную работу сознательной. Она сознательна для самой себя, независимо от интеллектуальной функции, и нет необходимости это усиливать. Мы должны пытаться сознавать себя такими, какими себя видим, а не свои внутренние функции. Через некоторое время мы можем начать осознавать некоторые из внутренних функций, которые полезно осознавать, но не теперь. Видите ли, мы не приобретаем никаких новых чувств. Мы только лучше классифицируем свои обычные впечатления, обычные вещи, которые получаем от жизни, от людей, от всего.

В. Правильно ли будет сказать, что при изучении чего-то нового (например, вождения автомобиля) интеллектуальная функция указывает двигательной, что нужно делать, а когда последняя приобретает опыт, она работает сама по себе?

О. Совершенно верно. Вы можете наблюдать множество подобных примеров. Вначале вы учитесь посредством интеллектуальной функции.

В. Насколько важно знание, приобретенное путем наблюдения собственных физических действий? Или это просто подготовка к наблюдению своего ума?

О. Нет, оно очень важно, так как мы смешиваем многое и не знаем причин многих вещей. Мы способны понять причины только путем постоянного наблюдения в течение долгого времени.

В. Можем ли мы получить указания к тому, как работать над каждой из четырех функций?

О. Все это будет объяснено, но позже. Сейчас – и еще довольно долго – вы можете только наблюдать.

В. Является ли примером работы различных «Я» следующая ситуация: человек ложится спать поздно, но твердо решает в следующую ночь лечь пораньше, а когда приходит ночь, поступает иначе?

О. Совершенно верно: одно «Я» решает, а другое «Я» должно это сделать.

В. Как лучше организовать свои усилия для того, чтобы больше осознавать себя?

О. Это очень просто объяснить, но трудно достичь. Нет окольных путей. Лучшее состояние может быть достигнуто только путем прямого усилия. Нужно просто стараться быть более сознательным, спрашивая себя как можно чаще: «Сознаю я себя или нет?»

В. Но как можно быть сколько-нибудь уверенным в том, что ваш метод правилен?

О. Просто сравнивая одно наблюдение с другим. Кроме того, мы беседуем, когда встречаемся. Люди говорят о своих наблюдениях, сравнивают их; я стараюсь объяснить то, что они не могут понять; есть другие люди, которые мне помогают; и таким путем человек приобретает уверенность в обычных вещах – точно так же, как он знает, что трава зеленая.

Во всем этом нет никакого вопроса веры и доверия. Совсем наоборот, система учит не верить абсолютно ничему. Вы должны проверять все, что видите, слышите, чувствуете. Только таким путем можно к чему-то прийти.

В то же время вы должны понять, что наша машина работает не лучшим образом. Ее работа далека от совершенства вследствие многих ошибочных функций, поэтому очень важная часть работы связана с их изучением. Мы должны их узнать, чтобы от них избавиться. И одна из наиболее ошибочных функций, которую мы иногда очень любим, это воображение. В этой системе под воображением понимается не сознательное мышление о некотором предмете или намеренное вызывание зрительных образов, но воображение, которое происходит без какого-либо контроля и результата. Оно отнимает очень много энергии и направляет мышление в неверную сторону.

В. Когда вы говорите «воображение», то подразумеваете представление чего-то реального, а не рисование мысленных картин?

О. Воображение имеет много аспектов. Оно может быть просто обычными снами наяву или, например, представлением несуществующих сил в самом себе. Это одна и та же вещь, оно работает без контроля, оно течет само собой.

В. И все это самообман?

О. Человек не принимает это за самообман: он воображает нечто, затем верит в это и забывает, что это всего лишь плоды воображения.

Изучая человека в его обычном состоянии сна, отсутствия единства, механичности и недостатка контроля, мы находим несколько других неправильных функций, которые являются результатом этого состояния, – в частности, постоянную ложь самому себе и другим

людям. Психологию обычного человека даже можно назвать изучением лжи, так как человек лжет чаще, чем делает что-то еще. По сути, он не может говорить правду. Не так просто ее говорить: человек должен научиться этому, а иногда это занимает очень долгое время.

В. Объясните, пожалуйста, что вы понимаете под ложью.

О. Ложь – это мышление или говорение о вещах, которых человек не знает. Именно так начинается ложь. Это не означает намеренной лжи, как происходит при рассказывании небылиц – о том, например, что в соседней комнате находится медведь. Вы можете пойти в другую комнату и увидеть, что медведя там нет. Но если вы соберете все теории, которые люди создали о любом предмете, без какого-либо знания о нем, вы увидите, где начинается ложь. Человек не знает себя, он ничего не знает, и, тем не менее, на любой счет у него есть теории. Большинство этих теорий – ложь.

В. Я хочу знать ту часть истины, которую мне было бы полезно знать в моем нынешнем состоянии. Как я могу проверить, не ложь ли это?

О. Почти для всего, что вы знаете, существуют методы проверки. Но прежде всего вы должны узнать, что вы можете знать, а чего не можете. Это помогает проверке. Если вы начнете с этого, то скоро, даже не размышляя, будете слышать ложь. Ложь имеет особое звучание, особенно ложь о вещах, которых мы знать не можем.

В. Говоря о воображении – если мы стараемся мыслить вместо того, чтобы воображать, должны ли мы все время осознавать это усилие?

О. Да, вы будете осознавать его – не столько усилие, сколько контроль. Вы будете чувствовать, что контролируете вещи, что они происходят не сами собой.

В. Когда вы говорите – «помните себя», подразумеваете ли вы под этим вспоминать после того, как мы наблюдали себя, или помнить о вещах, которые, как мы знаем, в нас есть?

О. Нет, берите это совершенно отдельно от наблюдения. Помнить себя означает то же, что и сознавать себя – «Я есть». Иногда это приходит само собой; это очень странное ощущение. Это не функция, не размышление, не чувство – это другое состояние сознания. Само собой оно приходит только на очень короткие моменты, обычно в совершенно новой обстановке, и человек говорит себе: «Как странно, я здесь». Это – самовоспоминание, в такой момент вы себя помните.

Позже, когда вы начнете различать эти моменты, вы придете к другому интересному выводу: вы поймете, что то, что вы помните из детства, есть не что иное, как вспышки самовоспоминания, поскольку все, что вы *знаете* об обычных моментах, это лишь то, что они имели место. Вы знаете, что были там, но точно ничего не помните. Когда же происходит такая вспышка, вы вспоминаете все, что окружало тот момент.

В. Может ли человек с помощью наблюдения осознать, что каких-то вещей у него нет? Нужно ли наблюдать вещи с той точки зрения, что все возможно?

О. Я не думаю, что необходимо употреблять такое слово, как «все». Просто наблюдайте, без какого-либо гадания, и наблюдайте только то, что вы можете видеть. В течение долгого времени вам нужно лишь наблюдать и пытаться выяснить все, что можно, об интеллектуальной, эмоциональной, инстинктивной и двигательной функциях. Тогда вы сможете прийти к заключению, что у вас есть четыре отдельных ума – не один ум, но целых четыре различных ума. Один ум контролирует интеллектуальные функции, другой, совершенно отличный от него, контролирует эмоциональные, третий контролирует инстинктивные, и четвертый, опять-таки, совершенно особый, контролирует двигательные функции. Мы называем их центрами: интеллектуальный, эмоциональный, двигательный и инстинктивный центры. Они вполне независимы. Каждый центр имеет свои собственные память, воображение и волю.

В. Возможно ли в случае разноречивых желаний, зная себя достаточно, следить за тем, чтобы они друг другу не противоречили?

О. Одного знания недостаточно. Человек может знать, а желания все же могут быть противоречивыми, так как каждое желание означает другую волю. То, что мы называем нашей волей в обычном смысле, это лишь равнодействующая желаний. Равнодействующая иногда принимает какую-то определенную линию действия, а в другое время не может сложиться в какую-либо определенную линию, так как одно желание идет в одну сторону, а другое в другую, и мы не можем решить, что делать. Это наше обычное состояние. Конечно, цель должна быть в том, чтобы прийти к единству, а не быть множеством, какие мы теперь, ибо, чтобы делать что-то правильно, знать что-то правильно, к чему-то прийти, мы должны стать едиными. Это очень далекая цель, и мы не сможем приблизиться к ней, пока не узнаем себя. А в том состоянии, в котором мы пребываем сейчас, наше невежество о себе таково, что когда мы видим его, то приходим в ужас от того, что не можем обнаружить никакого выхода.

Человек – это очень сложная машина, и он должен изучаться именно как машина. Мы понимаем, что для управления любой машиной (будь то автомобиль или железнодорожный локомотив) сперва нужно учиться. Мы не можем управлять такими машинами инстинктивно, но почему-то считаем, что для управления человеческой машиной обычного инстинкта достаточно, хотя она значительно более сложна. Это одно из первых неверных допущений: мы не понимаем, что должны учиться, что управление – вопрос знания и мастерства.

*** * ***

Итак, скажите мне, что вас сильнее всего интересует из того, о чем мы уже говорили и о чем вам хотелось бы услышать больше.

В. Меня заинтересовал вопрос воображения. По-видимому, при обычном употреблении этого слова мы придаем ему неверное значение.

О. В обычном значении слова «воображение» упущен самый важный фактор, но в терминологии этой системы мы начинаем именно с самого важного. Для каждой функции таким фактором является следующий: «Управляем мы этой функцией или нет?» Поэтому, когда мы управляем своим воображением, мы называем его по-другому – визуализацией, творческим мышлением, изобретением – можно найти имя для каждого отдельного случая. Но когда оно приходит само собой и *управляет нами*, так что мы находимся в его власти, тогда мы называем его воображением.

Кроме того, есть и другая сторона воображения, которую в обычном понимании мы упускаем. Я говорю о процессе воображения несуществующего – несуществующих способностей, например. Мы приписываем себе силы, которых не имеем; мы воображаем себя сознательными, хотя себя и не сознаем. Мы имеем воображаемые силы и воображаемое самосознание, воображаем себя едиными, тогда как в действительности мы есть множество различных «Я». И таких вещей, которые мы воображаем о себе и о других, очень много. Например, мы воображаем, что можем «делать», что у нас есть выбор. Но у нас нет выбора, мы не можем «делать», вещи с нами просто случаются.

Поэтому, в сущности, мы *себя* воображаем. На самом деле, мы не то, чем себя воображаем.

В. Есть ли какая-то разница между воображением и грезами наяву?

О. Если вы не можете управлять этими грезами, это значит, что они часть воображения, но это еще не все воображение. Воображение имеет много различных аспектов. Мы воображаем несуществующие состояния, несуществующие возможности, несуществующие силы.

В. Не могли бы вы дать определение отрицательного воображения?

О. Воображение всякого рода неприятных вещей, самоистязание, воображение всего того, что может случиться с вами или с другими людьми. Отрицательное воображение при-

нимает разные формы. Некоторые воображают различные болезни, некоторые воображают несчастные случаи, другие воображают неудачи.

В. Станет ли управление эмоциями нашей реальной целью?

О. Управление эмоциями – очень трудная вещь. Это очень важная часть самоизучения, но мы не можем начинать с управления эмоциями, так как у нас недостаточно понимания об эмоциях.

Я объясню. То, что мы можем делать с самого начала наблюдения эмоциональной функции, – это пытаться остановить одно весьма определенное наше проявление. Мы должны стараться остановить проявление неприятных эмоций. Для многих людей это одна из наиболее трудных вещей, так как неприятные эмоции выражаются столь быстро и столь легко, что за ними невозможно поспеть. И все же, если вы не стараетесь этого делать, вы не сможете реально себя наблюдать, поэтому с самого начала при наблюдении эмоций вы должны пытаться останавливать выражение неприятных эмоций. Это первый шаг. В этой системе мы называем такого рода неприятные, грубые или подавляющие эмоции *отрицательными эмоциями*.

Как я сказал, первым шагом будет попытка не выражать эти отрицательные эмоции; второй шаг – это изучение самих отрицательных эмоций, составление их списков, нахождение их связей (поскольку некоторые из них просты, а другие очень сложны), а также постепенное понимание того, что они совершенно бесполезны. Это звучит странно, но очень важно понять, что все отрицательные эмоции абсолютно бесполезны: они не служат какой-либо полезной цели; они не знакомят нас с новым и не подводят к нему поближе; они не дают нам энергии; они только растрачивают энергию и создают неприятные иллюзии. Они способны даже разрушить физическое здоровье.

И, в-третьих, при некотором опыте изучения и наблюдения мы можем прийти к выводу, что от отрицательных эмоций можно избавиться, что они вовсе не обязательны. Здесь помогает система, так как она показывает, что на самом деле не существует реального центра для отрицательных эмоций, но что они принадлежат искусственному центру в нас, который мы создаем в детстве, подражая людям с отрицательными эмоциями, которые нас окружали. Люди даже учат детей выражать отрицательные эмоции. Затем дети научаются еще большему через подражание; они копируют старших детей, старшие копируют взрослых, и, таким образом, уже в самом раннем возрасте они становятся специалистами по отрицательным эмоциям.

И это большое облегчение, когда мы начинаем понимать, что нет никаких обязательных отрицательных эмоций. Мы рождаемся без них, но по какой-то неизвестной причине обучаемся таким эмоциям.

В. Чтобы быть свободными от отрицательных эмоций, должны ли мы быть способны останавливать их в самом начале?

О. Нет, это неправильно, потому что мы не можем управлять эмоциями. Я упоминал о различной скорости различных функций. Самая медленная – интеллектуальная функция. Следующими идут двигательная и инстинктивная, имеющие примерно равную скорость (которая несравнимо быстрее скорости интеллектуальной функции). Эмоциональная функция должна быть еще быстрее, но обычно работает примерно с той же скоростью, что и инстинктивная. То есть двигательная, инстинктивная и эмоциональная функции значительно быстрее, чем мысль, и невозможно поймать эмоции мыслью. Когда мы находимся в эмоциональном состоянии, эмоции следуют одна за другой столь быстро, что у нас нет времени думать. Но мы можем получить представление о разнице в скорости путем сравнения мыслительных функций с двигательными. Если, совершая какое-либо быстрое движение, вы попытаетесь наблюдать за собой, то увидите, что не способны это делать. Мысль не может следовать за движением. Либо вы должны совершать движение очень медленно, либо не сможете наблюдать. Таков факт.

В. Под движением вы подразумеваете физические движения?

О. Да, обычные вещи, как вождение автомобиля или письмо; ничего из этого вы не можете наблюдать. Вы можете вспомнить, и позже это создает иллюзию наблюдения. На самом деле вы не можете наблюдать быстрые движения.

Вы видите, что для нас – таких, какие мы есть теперь, – реальная борьба с отрицательными эмоциями по этой причине является вопросом будущего, пускай и не очень далекого. Есть много вещей, которые нам необходимо узнать, и методов, которые мы должны изучить: нет прямого пути, и мы должны изучить окольные методы борьбы с ними.

Прежде всего, мы должны изменить многие из своих умственных отношений, которые более или менее находятся в нашей власти. Я имею в виду интеллектуальные отношения (взгляды на вещи). У нас слишком много неправильных отношений к отрицательным эмоциям: мы считаем их необходимыми, красивыми или благородными; мы воспеваем их и так далее. Мы должны от всего этого освободиться. Мы должны очистить свой разум в отношении отрицательных эмоций. Когда наш разум будет правильно относиться к отрицательным эмоциям, когда мы перестанем их воспевать, тогда, мало-помалу, мы найдем способ бороться с ними, с каждой по-своему. Для кого-то будет легче бороться с одной отрицательной эмоцией, для кого-то – с другой. Вы должны начать с самой легкой, причем самая легкая для меня может быть самой трудной для вас, поэтому вам нужно найти собственную самую легкую, а позже перейти к более трудным.

В. Объясняет ли это, почему я ассоциирую некоторые отрицательные эмоции с людьми, которых помню из своего детства?

О. Весьма вероятно, так как многим отрицательным эмоциям обучаются путем подражания. Но некоторые могут быть присущи нашей собственной натуре, ибо наша натура может иметь различные склонности в ту или иную сторону. Эмоции могут быть разделены на группы, и один человек может быть более склонен к одной группе, а другой – к другой группе. Например, некоторые люди склонны к различным формам страха, другие – к различным формам гнева. Но они различны и не идут от подражания.

В. С ними бороться труднее всего?

О. Да, но они обычно основаны на некой слабости, так как в основе отрицательных эмоций обычно есть какое-то потакание себе – человек что-то себе позволяет. И если кто-то не позволяет себе страхов, он позволяет гнев, а другой не позволяет гнева, но позволяет жалость к себе. Отрицательные эмоции всегда основаны на каком-то позволении.

Но прежде чем подойти к таким сложным вопросам, как борьба с отрицательными эмоциями, очень важно себя наблюдать в небольших ежедневных проявлениях двигательной функции, а также того, что мы можем наблюдать из инстинктивной функции, то есть наши ощущения приятного и неприятного, тепла и холода – те ощущения, которые постоянно через нас проходят.

В. Вы не упоминали об отождествлении, могу ли я задать вопрос о нем?

О. Пожалуйста. Но не каждый из присутствующих здесь слышал о нем, поэтому я немного поясню. Видите ли, когда мы начинаем наблюдать (в данном случае речь идет об эмоциях, но это касается и всех других функций), мы находим, что все наши функции сопровождаются определенным отношением – мы становимся слишком поглощенными вещами, слишком потерянными в них, особенно если возникает хотя бы самый небольшой эмоциональный элемент. Это называется отождествлением. Мы отождествляемся с вещами. Понятие отождествления существует в индийских писаниях, а буддисты говорят о привязанности и непривязанности. Эти слова кажутся мне еще менее удовлетворительными, так как до того, как я встретил эту систему, я читал эти слова и не понимал их, или, вернее, понимал, но брал эту идею чисто интеллектуально. Я полностью понял ее только тогда, когда нашел то же понятие, выраженное по-русски и по-гречески у ранних христианских писателей. У них есть четыре разных названия для четырех степеней отождествления, но для нас в этом пока нет необходимости. Мы пыта-

емся понять эту идею не путем определения, но путем наблюдения. Это некоторое свойство привязанности – быть потерянным в вещах.

В. Теряется ощущение наблюдения?

О. Когда вы отождествляетесь, вы не можете наблюдать.

В. Это обычно начинается с эмоции? Входит ли в него также собственничество?

О. Да. Много вещей. Оно начинается с интереса. Вы интересуетесь чем-то, а в следующий момент вы в этом и уже больше не существуете.

В. Но если, например, мы мыслим и сознаем это усилие мышления, спасает ли это нас от отождествления? Невозможно делать то и другое одновременно, не так ли?

О. Да, это спасает вас на одно мгновение, но в следующий момент приходит другая мысль и уводит вас в сторону. Поэтому нет никакой гарантии. Вы должны быть начеку все время.

В. Какие отрицательные эмоции люди склонны воспевать?

О. Некоторые люди очень гордятся своей раздражительностью, гневом или иными схожими эмоциями. Им нравится, когда их считают суровыми. Не существует практически ни одной отрицательной эмоции, которой человек не мог бы наслаждаться, и осознать это – самая трудная вещь. Есть люди, которые получают все свои удовольствия от отрицательных эмоций.

Отождествление в отношении к людям принимает особую форму, которая в этой системе называется *учитыванием*. Но учитывание может быть двух видов – когда мы учитываем чувства других людей и когда учитываем собственные. Главным образом мы учитываем собственные чувства. Мы учитываем обычно то, что по какой-то причине люди недостаточно нас ценят, недостаточно о нас думают или заботятся. Мы находим много слов для этого. Это очень важная грань отождествления, и очень трудно быть свободным от нее: некоторые целиком находятся в ее власти. Во всяком случае, очень важно наблюдать учитывание.

*** * ***

Лично для меня с самого начала наиболее интересной была идея самовоспоминания. Я просто не мог понять, как люди могли не заметить такую вещь. Вся европейская философия и психология просто упустили этот вопрос. В старых учениях есть следы этого понятия, но они столь хорошо замаскированы и так хитро расположены среди менее важных вещей, что невозможно увидеть всего значения этого понятия.

Когда мы стараемся помнить об этом и наблюдать себя, то приходим к весьма определенному выводу, что в том состоянии сознания, в котором мы находимся, со всем этим отождествлением, учитыванием, отрицательными эмоциями и отсутствием самовоспоминания, мы на самом деле спим. Мы только воображаем, что бодрствуем. Поэтому, когда мы стараемся себя помнить, это означает только одно – мы стараемся пробудиться. И мы пробуждаемся на секунду, но потом снова засыпаем. Это наше состояние бытия, поэтому фактически мы спим. Мы сможем пробудиться только в том случае, если исправим многие вещи в машине и будем очень долго и упорно работать над идеей пробуждения.

В. Искажает ли сильная физическая боль мышление человека?

О. Несомненно. Поэтому мы не говорим об этом. Когда мы говорим о человеке, то подразумеваем, что он находится в нормальном состоянии. Мы можем упоминать и о приобретении этих новых функций, сознания и так далее. Исключительные случаи не должны приниматься во внимание, так как они искажают все целое.

Есть много связанных с этим интересных вещей. Та группа, которую я встретил в Москве, использовала восточные метафоры и иносказания, и одной из излюбленных тем была тема тюрьмы – человек находится в тюрьме, и поэтому чего он может хотеть, что может быть его главным желанием? Если он более или менее в своем уме, то может желать только одного – бегства из тюрьмы. Но прежде, чем он сможет сформулировать свое желание бежать, он дол-

жен осознать, что находится в тюрьме. Если он не понимает, что заключен в тюрьму, то не будет желать освобождения. Затем, когда он сформулирует это желание, он начнет оценивать возможности побега и поймет, что сам по себе он не сможет бежать, потому что нужно подрывать стены и так далее. Он поймет, что должен, прежде всего, найти других людей, которые захотели бы бежать вместе с ним, – небольшую группу людей. Он поймет, что некоторое количество людей, возможно, сумеют сбежать. Но *все* не смогут. Один не сумеет, и все не сумеют, но небольшое количество сможет. Но, опять-таки, при каких условиях? Он приходит к выводу, что необходима помощь. Без этого побег невозможен. Они должны иметь карты, напильники, инструменты и так далее, то есть им необходима помощь извне.

Таково в точности и положение человека. Мы можем научиться тому, как применять неиспользуемые части нашей машины. Эта тюрьма по сути означает, что мы сидим на кухне и в подвале нашего дома и не способны покинуть эти пределы. Выбраться возможно, но не в одиночку. Без школы не может никто. Школа означает, что есть люди, которые уже бежали, или, по меньшей мере, готовятся бежать. Школа не может начаться без помощи другой школы, без помощи тех, кто бежал прежде. От них мы можем получить некие идеи, некий план, некое знание – это наши инструменты. Я повторяю: *все* бежать не сумеют. Против этого есть много законов. Говоря проще – это было бы слишком заметно, и это немедленно вызвало бы реакцию со стороны механических сил.

В. Желание бежать по сути своей инстинктивно?

О. Нет. Инстинктивна только внутренняя работа организма. Такое желание должно быть интеллектуальным и эмоциональным, так как инстинктивная функция принадлежит, на самом деле, более низким функциям, то есть физическим. Однако в некоторых условиях может иметь место и физическое желание бежать. Например, если в комнате слишком жарко, а мы знаем, что снаружи прохладно, – конечно, мы можем желать бегства. Но для осознания того, что мы в тюрьме, а побег возможен, необходимы разум и чувство.

В. Кажется, очень трудно без длительного самонаблюдения понять, какова цель твоего бегства.

О. Да, конечно. Тюрьма – это просто пример. Для нас тюрьма – это наш сон, и, говоря без всяких метафор, мы хотим проснуться, когда понимаем, что спим. Это нужно понять эмоционально. Мы должны осознать, что во сне мы беспомощны – может случиться все что угодно. Мы можем наблюдать жизнь, видеть, почему вещи случаются так или иначе – как крупные, так и мелкие – и понять, что это происходит только оттого, что люди спят. Естественно, что люди ничего не могут делать во сне.

Вы знаете, в отношении к этим идеям и этим методам мы живем в некотором смысле в довольно странное время, так как школы быстро исчезают. Тридцать или сорок лет назад можно было найти самые различные школы, которых теперь практически не существует или их намного труднее найти.

В. Они исчезают на Востоке так же, как и на Западе?

О. Я имею в виду Восток, конечно. На Западе они давно перестали существовать.

Но о школах, мне кажется, мы должны говорить отдельно. Это очень интересная тема, так как мы не знаем, как правильно их различать. Есть разные виды школ.

* * *

В. Когда мы начинаем себя наблюдать, не лучше ли выбрать для этого множество различных коротких действий, чем какое-то одно долгое дело? Имеет ли это значение?

О. Нет. Вы должны стараться себя наблюдать в различных условиях, не только в одних и тех же.

В. В таком случае, хорошо ли будет затем анализировать?

О. Нет. Вообще говоря, поначалу (и вообще довольно долго) не должно быть никакого анализа. Чтобы анализировать, необходимо знать законы: почему вещи случились именно так и не могли произойти никак иначе. Поэтому пока вы не знаете законов, лучше не пытаться анализировать. Только наблюдать вещи, как они есть, и пытаться отнести их к эмоциональной, интеллектуальной, двигательной или инстинктивной функциям. Каждая из этих функций имеет свой собственный центр или разум, через который она проявляется.

В связи с функциями и состояниями сознания (а также с точки зрения возможной эволюции) люди делятся на семь категорий, при этом рождаются только в одной из трех первых. Человек, в котором преобладает инстинктивная или двигательная функция, а интеллектуальная и эмоциональная менее развиты, называется человеком № 1; если преобладает эмоциональная функция, он будет человеком № 2; если же преобладает интеллектуальная функция, то это человек № 3. Выше этих трех видов людей, но таковым не рождающийся, – человек № 4. Это означает начало изменения – главным образом в сознании, но также в знании и способности к наблюдению. Следующим идет человек № 5, который уже развил в себе третье состояние сознания (самосознание) и в котором работает высшая эмоциональная функция. Следующим идут человек № 6 и, наконец, человек № 7, имеющий полное объективное сознание и в котором работает высшая интеллектуальная функция.

В. Как мы можем распознать более развитого человека, чем мы сами, если не знаем, по каким признакам судить?

О. Когда мы больше знаем о том, чего нам недостает, что мы себе приписываем, но чем на самом деле не обладаем, мы начнем видеть что-то об этом, хотя людей более высокого уровня можно отличить только по их знанию. Если они знают что-то, чего не знаем мы, и если мы понимаем, что больше никто этого не знает, и что это не могло быть изучено каким-то обычным образом, то это может являться показателем.

Попытайтесь подумать немного о характеристиках этих семи категорий. Например, какие могут быть общие характеристики людей № 1, № 2 и № 3? Прежде всего – сон. Люди № 1, № 2 и № 3, пока они не начинают изучать себя в связи с какой-либо системой, которая даст им возможность самоизучения, проводят всю свою жизнь во сне. Они только выглядят бодрствующими, но на самом деле никогда не просыпаются (или случайно просыпаются на мгновение, оглядываются вокруг и снова засыпают). Это и есть первая характеристика людей № 1, № 2 и № 3. Второй характеристикой является тот факт, что, хотя такие люди имеют много различных «Я», некоторые из этих «Я» даже не знают друг друга. Человек способен иметь вполне определенные отношения, убеждения и взгляды, и одновременно с этим он может иметь совершенно другие убеждения, взгляды, симпатии и антипатии, и обладатели этих разных отношений и убеждений не знают друг о друге. Это одна из главных характеристик людей № 1, № 2 и № 3. Люди очень разделены, и они не знают и не могут знать об этом, ибо каждое из этих «Я» знает только некоторые «Я», которые оно встречает по ассоциациям; другие «Я» остаются совершенно неизвестными. «Я» разделены в соответствии с функциями: есть интеллектуальные, эмоциональные, инстинктивные и двигательные «Я». Вокруг себя они кое-что знают, но дальше этого они не знают ничего, поэтому до тех пор, пока человек не начнет себя изучать со знанием этого деления, он никогда не сможет прийти к правильному пониманию своих функций или реакций.

Этот сон человека и это отсутствие в нем единства создают другую очень важную характеристику, а именно – полную механичность человека. Человек в этом состоянии, человек № 1, № 2 и № 3, является машиной, управляемой внешними влияниями. Он не имеет возможности сопротивляться этим влияниям, отличать их друг от друга, изучать себя отдельно от них. Он видит себя независимо держащимся на ногах и имеет стойкую и очень сильную иллюзию того, что свободен идти, куда хочет, может двигаться согласно своему желанию, может идти направо или налево. Но он не может этого делать – если он движется направо, это означает, что он не

может двигаться налево. «Воля» – совершенно ошибочное понятие, ее не существует. Воля может существовать только в человеке, который имеет одно управляющее «Я». Но до тех пор, пока человек имеет много различных «Я», которые не знают друг о друге, он имеет точно так же много различных воль: каждое «Я» имеет свою собственную волю, не может быть одного «Я» или одной воли. Но человек способен прийти к состоянию, когда приобретает управляющее «Я» и волю. Он может достичь этого состояния только путем развития сознания. Таковы самые элементарные принципы этой системы.

* * *

Теперь я хочу сказать еще одну вещь. Мы начинаем с психологии – изучения самого себя, человеческой машины, состояний сознания, методов исправления вещей и так далее; но в то же самое время важной частью системы являются доктрины общих законов мира, ибо мы не можем понять даже самих себя, если не знаем некоторых основных законов, которые стоят за всеми вещами. Обычного научного знания для этого недостаточно, так как именно такие важные вопросы, как отсутствие самовоспоминания, в психологии упущены. Поэтому наша наука либо забыла, либо никогда не знала основных законов, на которых все основано.

Как я сказал, все вещи в мире, большие и малые, основаны на двух основных законах, которые в этой системе называются Законом Трех и Законом Семи.

Закон Трех, если описать его кратко, означает, что в каждом проявлении, в каждом явлении и в каждом событии задействованы три силы. Они называются (но это только слова, так как они не выражают их качеств) положительной, отрицательной и нейтрализующей, или активной, пассивной и нейтрализующей, или, еще более просто, их можно назвать первой, второй и третьей силой. Эти три силы входят во все. Во многих случаях мы понимаем необходимость двух сил, потому как одна сила не может произвести действия, и существуют действие и противодействие. Но третьей силы мы обычно не сознаем. Это связано с состоянием нашего бытия, состоянием нашего сознания. В другом состоянии мы осознавали бы ее во многих случаях, где не видим ее теперь. Иногда мы можем найти примеры третьей силы в обычном научном исследовании – например, в химии и биологии можно найти необходимость третьей силы в создании процессов и явлений.

Мы начинаем с изучения психологии. Позднее мы больше поговорим о трех силах и сможем найти несколько примеров их взаимодействия. Но лучше быть подготовленными и уже теперь привыкнуть к идее необходимости изучения этих трех сил.

Также необходимо вкратце описать Закон Семи. Он означает то, что ни один процесс в мире не возможен без перерывов. Чтобы проиллюстрировать эту идею, давайте возьмем некоторый период, в котором количество вибраций увеличивается. Допустим, все началось с тысячи вибраций в секунду, а затем их количество увеличилось до двух тысяч. Такой период был назван октавой, поскольку этот закон был применен в музыке, где этот период был разделен на семь нот и повторение первой ноты. Октава, особенно мажорная октава, – это на самом деле картина или формула космического закона, так как в космических процессах в пределах одной октавы есть два момента, когда вибрации ослабевают сами собой. Вибрации не развиваются постоянно. В мажорной октаве это показано отсутствием полутонов; вот почему говорят, что это картина космического закона, но этот закон не имеет никакого отношения к музыке.

Понимать Закон Семи необходимо прежде всего потому, что он играет очень важную роль во всех событиях. Если бы не было Закона Семи, все в мире пришло бы к концу, но, вследствие этого закона, все отклоняется. Например, если дождь начался, он шел бы без остановки, если наводнение началось, оно покрыло бы все, если землетрясение началось, оно продолжалось бы безгранично. Но эти явления прекращаются вследствие Закона Семи, так как при каждом пропуске полутона события отклоняются, они не идут по прямым линиям. Закон Семи

объясняет также, почему в природе нет прямых линий. Все в нашей жизни, и наша машина также, основано на этом Законе. Поэтому мы будем изучать его в работе нашего организма, так как мы должны себя изучать не только психологически, не только в связи со своей умственной жизнью, но также в связи с жизнью физической. В своих физических процессах мы находим много примеров действия этого Закона.

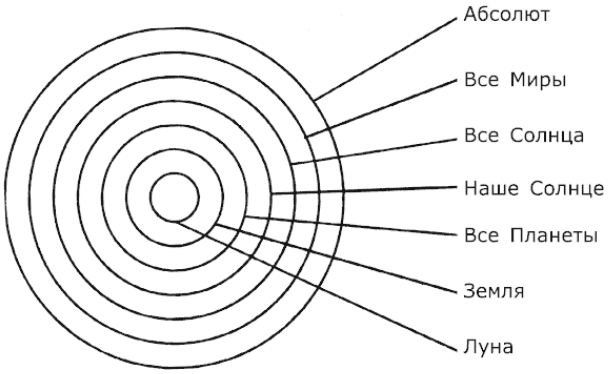
В то же самое время Закон Семи объясняет, как дать добавочный толчок октаве и сохранить прямую линию (если вы знаете, как и в какой момент это сделать). В человеческой деятельности мы порой наблюдаем, как люди начинают делать одну вещь, а спустя некоторое время делают уже совершенно иную вещь, но по-прежнему называют ее первым именем. Они не замечают, что вещь полностью изменилась. Но в личной работе – особенно в работе, связанной с этой системой, – мы должны изучить, как удерживать октавы от отклонения, как сохранять прямую линию. Иначе мы ни к чему не придем.

* * *

Мы должны постоянно возвращаться к психологии, даже когда изучаем другие стороны системы, так как только с помощью изучения психологии мы реально увеличим наше знание; без этого мы будем только учить слова. Только когда мы узнаем, как изучать себя психологически, в связи с работой нашего ума, нашей познавательной способностью и так далее, мы можем начать что-либо понимать.

Я попытаюсь дать некоторые примеры того, как необходимо начинать самоизучение. Мы уже говорили о лжи, и я дал возможное определение психологии как «изучения лжи». Поэтому одной из первых и наиболее важных вещей для наблюдения является ложь. Весьма близки ко лжи наши иллюзии, вещи, относительно которых мы себя обманываем, ошибочные идеи, ошибочные убеждения, ошибочные взгляды и так далее. Все это нужно изучать, так как, пока мы не начнем понимать свои иллюзии, мы никогда не сумеем увидеть истину. Во всем мы должны сперва отделить иллюзии от фактов. Только тогда можно будет увидеть, сможем ли мы на самом деле научиться чему-то новому.

Одна из самых важных и самых трудных для преодоления иллюзий – это наше убеждение, что мы можем «делать». Попытайтесь понять, что это значит. Мы считаем, что составляем планы, решаем, начинаем и достигаем того, чего хотим, но система говорит о том, что человек № 1, 2 и 3 не способен «делать» – он не может делать ничего, с ним все только случается. Это может звучать странно – особенно в наше время, когда каждый думает, что способен что-то делать. Но шаг за шагом вы поймете, что многие вещи, которые мы привыкли говорить о человеке вообще, могут быть истинны только по отношению к людям более высокого уровня и неприменимы к людям уровня низкого. Если вы говорите, что человек может «делать», это будет правильно по отношению к человеку № 7 или № 6. Даже человек № 5 может кое-что делать по сравнению с нами, но мы не можем делать ничего. Точно так же можно сказать, что человек имеет сознание. Это будет правильно по отношению к человеку № 5, 6 или 7 (начиная с № 5), а если сказать, что человек имеет совесть, это будет правильно по отношению к человеку № 4, но не к человеку № 1, 2 или 3. Мы должны научиться различать, к какой категории человека относятся те или иные вещи, ибо некоторые вещи правильны в отношении одной категории, но ошибочны в отношении другой.



Понять, что человек не может «делать», очень важно, так как в этом основа нашего взгляда на самих себя, и даже когда мы разочаровываемся в себе, мы продолжаем думать, что другие люди способны «делать». Мы не можем целиком и полностью принять то, что вещи происходят механически и что никто не дает им толчка. Вначале это трудно увидеть в большом масштабе, но уже очень скоро вы увидите это в самих себе. При изучении себя, когда вы попытаетесь делать некоторые вещи, которых обычно не делаете (например, если вы попытаетесь себя помнить, если попытаетесь себя осознавать), вы очень скоро увидите, можете ли вы «делать» что-то или нет. И в большинстве случаев вы обнаружите, что не можете это делать.

В. Если мы ничего не можем делать с собой, как люди № 1, 2 или 3, должны ли мы привлечь некую помощь извне, если хотим стать сознательными?

О. Нет такой внешней помощи, которую мы могли бы привлечь, потому что мы механичны. Мы ничего не можем делать, но в делании есть различия, и самонаблюдение покажет их. Например, мы способны оказать некоторое сопротивление. Мы можем иметь какое-то желание, какую-то склонность, но способны оказать сопротивление этому желанию и можем продолжать сопротивляться каждый день. В совсем малых вещах мы имеем выбор, так что, хотя мы и не можем «делать», – есть много небольших вещей, которые мы можем делать уже сейчас. Например, мы можем пытаться себя осознавать. Конечно, мы не способны делать это долго. Но стараемся мы или нет? Вот в чем вопрос. При наблюдении своих различных действий мы видим, что хотя, как общий принцип, человек № 1, 2 или 3 ничего не может «делать», если он становится в чем-то заинтересован, если начинает хотеть чего-то большего, чем обычные вещи, то он не всегда остается на одном и том же уровне, и он может выбрать моменты, когда способен начать делать в неком очень элементарном смысле.

Другая очень важная проблема, которую мы должны рассмотреть, это идея добра и зла в этой системе. Обычно взгляды людей на эту тему очень запутанны, и необходимо самому определить, как ее понимать. С точки зрения этой системы есть только две вещи, которые можно сравнивать или рассматривать в человеке, – проявления механических законов и проявления сознания. Если вы захотите, с целью прийти к некоторому стандарту, найти примеры того, что вы называете хорошим или плохим, то сразу увидите, что то, что мы называем злом, всегда механично, оно никогда не может быть сознательным, а то, что мы называем добром, всегда сознательно, оно не может быть механичным. Понадобится много времени, чтобы увидеть причину этого, так как понятия механического и сознательного смешаны в нашем уме. Мы никогда не описываем их правильно, поэтому это тот вопрос, который вы должны рассмотреть и изучить следующим.

Далее, в связи с вопросом о добре и зле, мы должны попытаться понять отношение морали и совести друг к другу. Что такое мораль и что такое совесть? Прежде всего мы должны сказать, что мораль непостоянна. Она различна в разных странах, в разных столетиях, в разных десятилетиях, у разных классов, у людей разного образования и так далее. То, что может быть нравственным на Кавказе, окажется безнравственным в Европе. Например, в некоторых

странах кровная месть – самая нравственная вещь; если человек отказывается убить кого-то, кто убил его дядю, его будут считать самым безнравственным человеком. Но в Европе никто не будет так думать, наоборот, большинство людей будут считать человека очень безнравственным, если он убил кого бы то ни было, пусть даже родственника убийцы своего дяди. Поэтому мораль всегда различна и изменчива. Но совесть никогда не меняется. Совесть – это род эмоционального понимания истины в некоторых определенных отношениях, обычно в отношении к поведению, к людям и так далее. Она всегда одна и та же. Она не способна изменяться, не может быть разной у разных народов, в разных странах, у разных людей.

Попробуйте связать в вашем уме то, что я сказал об изучении добра и зла, механичности и сознательности, морали и совести, а затем задать вопрос: «Возможно ли сознательное зло?» Это потребует изучения и наблюдения, но с точки зрения этой системы существует вполне определенный принцип, что сознательное зло невозможно – механичность всегда несознательна.

В. Понятие о зле, которое всегда несознательно, довольно трудно для понимания. Можете ли вы объяснить это более подробно?

О. Прежде всего попытайтесь самостоятельно обнаружить, что вы называете злом, но не путем определения, а на примерах. Когда вы будете иметь некоторое количество примеров, спросите себя, могут ли они быть сознательными? Можно ли сознательно делать зло? Позднее вы увидите, что оно может делаться только несознательно. Другой ответ – что все, что вы называете злом, может случаться механически, и оно всегда случается механически, поэтому ему не нужно сознание.

Я сказал, что нам нужно изучать идеи этой системы главным образом в связи с эволюцией человека, и объяснил, что под эволюцией мы должны понимать сознательный процесс и сознательные усилия, постоянные и связанные друг с другом. Той механической эволюции, как она иногда понимается, не существует. Эволюция, если она возможна, может быть только сознательной, и в начале эволюции всегда идет эволюция сознания, это не может быть эволюцией чего-то другого. Если начинает эволюционировать сознание, то начинают расти и эволюционировать другие вещи. Если сознание остается на том же уровне, то и все прочее остается на том же уровне.

Есть несколько вещей, которые важно понять с самого начала в отношении к эволюции. Во-первых, то, что из очень большого количества людей № 1, 2 и 3 только очень немногие могут стать № 4, 5, 6 и 7, или даже начать становиться ими. Это нужно понять очень хорошо, потому что если мы начинаем думать, что каждый человек способен эволюционировать, то мы перестаем понимать условия, необходимые для начала эволюции, как я описал их вам в примере бегства из тюрьмы.

В. Имеют ли все расы людей одни и те же возможности развития?

О. Это интересный вопрос. Я сам его задал, когда впервые подошел к этой работе, и мне сказали, что он обсуждался в очень серьезных школах в весьма важный период. И после проведения всевозможных экспериментов был сделан вывод, что с точки зрения возможного развития нет никакой разницы между белой, желтой, черной, коричневой и красной расами. В настоящее время белая и желтая расы имеют преобладающее влияние, тогда как в прошлом преобладала, вероятно, какая-то другая. Например, сфинкс напоминает скорее негра, нежели европейца.

В. В связи с тем, что вы сказали о добре и зле: может ли последователь этой системы участвовать в войне?

О. Это его дело. Нет никаких внешних запрещений или условий.

В. Но можно ли примирить одно с другим?

О. Опять-таки, это его дело. Эта система оставляет человека очень свободным. Он хочет создать сознательность и волю. Ни сознательность, ни воля не могут быть созданы следованием

каким-то внешним ограничениям. Человек должен быть свободным. Вы должны понять, что внешние вещи значат меньше всего. Самое важное – это внутренние вещи, внутренняя война.

В. Есть много вещей, которые кажутся мне дурными и которые я способен совершить.

О. Вы не должны брать самих себя, так как можно брать только примеры зла, которое уже совершено. Поэтому лучше брать идею вообще. Найдите все возможные примеры, – я не имею в виду несчастные случаи или ошибки, так как многие преступления случайны, – но возьмите все, что мы определенно называем умышленным злом, и вы увидите, что оно не нуждается в сознании, достаточно только одного механического действия, и все идет само по себе.

В. Это создает иллюзию выбора.

О. Это и есть величайшая иллюзия – иллюзия «делания» и иллюзия выбора. Эти вещи принадлежат более высокому уровню. Начиная с № 4, человек уже начинает иметь выбор, но люди № 1, 2 и 3 имеют очень мало выбора.

В. Разве нельзя считать изучение черной магии сознательным злом?

О. Знаете ли вы кого-нибудь, кто изучал ее, за исключением людей, которые прочли книги со страшными картинками и обманывают самих себя?

В. Если умышленно решить действовать так, чтобы обмануть другого человека, разве это не умышленное зло?

О. Вероятнее всего, вы не могли иначе – было такое давление обстоятельств или чего-то еще, что вы не могли действовать иначе.

Все это трудные проблемы, и нужно долгое время, чтобы привыкнуть к ним, так как мы привыкли думать неправильно. Например, когда мы смотрим на исторические события, мы принимаем за сознательное как раз то, что не может быть сознательным, а то, что может быть сознательным, принимаем за механическое, за некий процесс.

*** * ***

Теперь, если мы возвратимся к идее, что только очень немногие способны развиться и найти в себе скрытые возможности, то естественно возникает вопрос: что определяет это различие? Почему одни люди имеют какой-то шанс, а другие его не имеют? Это правда, что некоторые люди не имеют никаких шансов с самого начала. Они родились в таких условиях, что ничему не могут научиться, или сами имеют какие-то дефекты, – поэтому мы исключаем дефективных людей, так как о них сказать нечего. Мы говорим о тех, кто находится в нормальных обстоятельствах, сам является нормальным, имел обычные возможности обучения, понимания и так далее. И вот из этих людей только очень немногие будут способны сделать даже первый шаг на пути развития. Как и почему это так?

Все люди в обычной жизни находятся под двумя разными влияниями. Во-первых, влияния, созданные в жизни: желания богатства, славы и прочего, – мы называем их влияниями А. Во-вторых, влияния, приходящие в жизнь извне и действующие в тех же условиях, хотя по своему существу совершенно иные, – мы называем их влияниями В. Они приходят к человеку в форме религии, литературы или философии. Эти влияния по своему происхождению сознательны. Влияния А – механические изначально. Человек может столкнуться с влияниями В, может пройти мимо них и не заметить или же может слышать их и думать, что понимает их, употреблять слова и при этом не иметь никакого истинного понимания. Эти два влияния определяют дальнейшее развитие человека. Если человек накапливает влияния В, то их результаты в нем кристаллизуются (я использую слово «кристаллизуются» в прямом смысле) и формируют в человеке некий центр притяжения, который мы называем *магнетическим центром*.

Плотная масса памяти этих влияний может притягивать человека куда-либо или же поворачивать его в некотором направлении. Когда в человеке сформировался магнетический центр, ему становится легче привлечь к себе влияния В, и он не отвлекается влияниями А. У обыч-

ных людей влияния А могут отнимать так много времени, что для других влияний ничего не остается, и на них вообще с трудом воздействуют влияния В. Но если магнетический центр в человеке растет, тогда спустя некоторое время он встретит другого человека или группу людей, у которых он может научиться чему-то особому, чему-то, что не входит во влияния В и что мы называем влияниями С. Эти влияния являются сознательными по своему происхождению и действию и могут быть переданы только путем непосредственного обучения. Влияния В могут идти через книги, произведения искусства и тому подобные вещи, но влияния С способны происходить только путем прямого контакта. Если человек, в котором магнетический центр набрал вес, встречается с человеком или группой, через которых он входит в контакт с влияниями С, это означает, что он сделал первый шаг. Тогда он получает возможность развития.

В. Что значит первый шаг?

О. Это связано с идеей «пути». Важно понять, что путь не начинается на обычном уровне жизни, он начинается на более высоком. Первый шаг – это тот момент, когда человек встречается с влияниями С. С этого момента начинается лестница с некоторым количеством ступеней, которые должны быть преодолены, прежде чем можно будет достичь пути. Путь не начинается в самом низу, но лишь после преодоления последней верхней ступени.

В. Кого вы называете нормальным человеком?

О. Это может показаться парадоксальным, но у нас нет другого определения – это означает человека, который способен развиваться.

В. Есть ли какое-нибудь соотношение между влияниями В и влияниями А? Когда влияния В достигают человека, воздействуют ли они на влияния А, трансформируют ли их?

О. Они могут воздействовать на них, но в то же время одно исключает другое. Человек живет на земле под этими двумя различными влияниями. Он может выбрать одно из них, а может иметь оба. Когда вы говорите о влияниях А и В, вы говорите о фактах. Если вы поставите на место этого выражения тот или иной определенный факт, то увидите, в каком соотношении они находятся. Это очень легко.

По этому поводу естественно возникает вопрос – почему так трудно человеку начать изменять самого себя, прийти к возможности роста? Дело в том (и мы должны об этом помнить), что человек создан природой очень интересным образом. Он развивается только до определенного уровня, после чего должен развиваться сам. То есть природа не развивает человека дальше определенного уровня. Позднее мы изучим во всех деталях, до какого уровня человек развивается, и как должно начаться его дальнейшее развитие, и увидим, почему с этой точки зрения он никогда не способен развиваться сам и не может быть развит от природы. Но перед этим необходимо понять некоторые общие условия.

Для человека трудно даже начать любого рода работу над собой, так как он живет в очень плохом месте Вселенной. Поначалу это может прозвучать как весьма странная идея. Мы не можем представить, что во Вселенной есть хорошие и плохие места, и мы, конечно, не осознаем, что нам выпало жить почти в самом худшем месте. Мы не можем понять этого либо потому, что наше знание о Вселенной слишком сложно, либо потому, что оно не учитывает реальных фактов.

Если мы захотим найти ближайшее к нам место во Вселенной, то поймем, что живем на Земле, а Луна находится под ее влиянием. В то же время мы видим, что Земля – одна из планет Солнечной системы, что есть более крупные планеты (вероятно, более могущественные, чем Земля), и что все эти планеты вместе взятые должны как-то воздействовать на Землю и управлять ею. Следующим по масштабу идет Солнце, и мы понимаем, что Солнце управляет всеми планетами и Землей в том числе. Если вы подумаете с этой точки зрения, то вы получите несколько другое представление о Солнечной системе, хотя в этом нет ничего нового – вопрос только в том, как соотнести одну вещь с другой.

Земля – одна из планет Солнечной системы, Солнце – одна из звезд Млечного пути. За пределами этого мы можем предположить всевозможные миры. Это все, что нам известно с обычной точки зрения. В качестве чисто философского термина мы можем добавить к этому некое состояние или соотношение вещей, которое называем Абсолютом, – состояние, в котором все является единым. Теперь мы можем выразить отношение Луны к Земле, Земли к планетам и так далее несколько по-другому.

- Абсолют – неизвестное начало всего.
- Все миры. Все галактики, похожие и непохожие на нашу галактику.
- Все Солнца. Наша галактика.
- Наше Солнце. Наша Солнечная система.
- Все планеты. Все планеты Солнечной системы.
- Земля.
- Луна.

Глядя сверху вниз, мы начнем понимать огромную разницу в масштабе, если сравним все солнца с нашим Солнцем, а Землю – с остальными планетами. Мы можем понять, что они находятся в некотором определенном масштабном отношении друг к другу. Меньше всех по масштабу Луна, и за Луной мы ничего не знаем. Все это целое названо Лучом Творения. Есть и другие лучи, ибо этот луч не включает в себя всю Вселенную, но поскольку мы живем на Земле, а он проходит через Землю, мы принадлежим этому Лучу Творения. Из этой диаграммы видно, что подразумевается под «плохим» местом во Вселенной. Наихудшее место – это Луна, но Земля – это почти так же плохо. Это похоже на жизнь около Северного полюса, чем объясняется то, почему столь многие вещи трудны на Земле. Изменить это или что-то с этим сделать мы не можем, но, когда мы об этом знаем, мы способны приспособиться и таким образом избежать многого из того, чего в другом случае избежать бы не смогли. Однако мы не должны позволить нашему воображению увлечь нас и заставить поверить, что убежать полностью возможно.

Мне хотелось бы добавить еще кое-что. По причинам, которые пока трудно объяснить, все эти миры в Луче Творения связаны друг с другом: влияния переходят от более высокого к более низкому, но между планетами и Землей имеется разрыв. Чтобы избавиться от этого разрыва, чтобы влияния всех планет достигали Земли, было изобретено особое приспособление. Это некий род чувствительной пленки, обволакивающей Землю, – то, что названо органической жизнью. Это значит, что растения, животные и люди служат определенной цели – они поддерживают связь между Землей и планетами. С помощью органической жизни, которая может получать и удерживать их, планетные влияния достигают Земли. Таково значение и смысл органической жизни на Земле.

В. Вы допускаете органическую жизнь только на Земле. Полагаете ли вы, что ее нет на других планетах?

О. Отнюдь, но мы интересуемся органической жизнью на Земле, потому что находимся именно на Земле и являемся частью ее органической жизни. Поэтому мы говорим только о Земле. Все другие планеты мы берем вместе, как одну массу, но о Земле мы говорим особо. В этом состоит принцип масштаба. Чем ближе что-то находится к вам, тем ближе ваше изучение к реальному масштабу – один к одному. Если вы изучаете эту комнату, вам необходимо знать, сколько людей собирается прийти и сколько понадобится стульев, то есть вы изучаете детально, но если вы возьмете весь дом, то вам нет необходимости знать такие мелочи. А если станете изучать улицу, то это уже совершенно иной масштаб. Таким же образом мы изучаем Луч Творения в различных масштабах. Мы говорим об органической жизни на Земле, но не

говорим об органической жизни на любой другой планете; у нас нет возможности изучать ее нигде, кроме как на Земле.

* * *

Я дам вам немного больше подробностей о Луче Творения, которые объяснят вам, что я имею в виду, когда говорю, что Земля – это плохое место во Вселенной. Вы помните, я говорил, что мы должны подойти к изучению основных законов Вселенной, и я сказал, что два закона, которые мы должны изучить, это Закон Трех и Закон Семи. Затем я упомянул принцип масштаба. Теперь вы уже столкнулись с этим принципом и знаете, что мы не изучаем все в одном и том же масштабе. Это поистине самое слабое место в обычной науке: ученые пытаются изучать все в одном и том же масштабе, не понимая, что это вовсе не является необходимым. На самом деле, все совсем наоборот. Для всех практических целей мы должны научиться изучать вещи в различных масштабах.

Мы должны вернуться к Закону Трех. Вы помните, что было объяснено, что все происходящее является результатом действия трех сил, и что две силы сами по себе не могут произвести какого-либо действия. Я попытаюсь связать эту идею с Лучом Творения.

Абсолют – это Мир 1, так как эти три силы в нем составляют одно. Своей собственной волей и сознанием Абсолют создает миры. Там все намеренно, и каждая сила в нем занимает свое место. Для нас это непостижимо. В следующем мире, Мире 3, присутствуют те же самые три силы, только они уже разделены. Эти три силы снова создают миры, из которых мы берем один, но этот Мир 6 отличается от Мира 3, который находится в контакте с Абсолютом, ибо он уже механичен. Мир 6 имеет три силы из предыдущего мира и три своих собственных. Следующий мир, Мир 12, имеет три силы из мира второго порядка, шесть из мира третьего порядка и три своих собственных. Следующий мир, Мир 24, имеет двадцать четыре силы, следующий за ним – сорок восемь сил, и последний – девяносто шесть сил.

Мир 1 – Абсолют 1
Мир 3 – Все миры 3
Мир 6 – Все Солнца 6 (3 + 3)
Мир 12 – Солнце 12 (3 + 6 + 3)
Мир 24 – Все планеты 24 (3 + 6 + 12 + 3)
Мир 48 – Земля 48 (3 + 6 + 12 + 24 + 3)
Мир 96 – Луна 96 (3 + 6 + 12 + 24 + 48 + 3)

Эти цифры обозначают число законов, управляющих каждым миром. Чем больше число законов, тем труднее что-либо изменить. Например, человек живет на Земле, которая находится под сорока восемью законами. Сам он находится под значительно бóльшим количеством законов, но даже эти сорок восемь делают для него какое-либо изменение очень трудным, так как каждая мелочь управляется этими законами. К счастью, не все из законов, под которыми человек живет, обязательны для него, поэтому он может избежать некоторых из них. Возможность эволюции человека связана главным образом с бегством от некоторых законов. Точно так же, как он бежит от законов, перелезая через тюремную стену.

Глава II

Человек – незавершенное существо. – Он живет ниже своего законного уровня. – Переоценка старых ценностей. – «Полезное» и «вредное». – Иллюзии. – Человек спит. – Практическое изучение себя. – Изучение препятствий. – Психология лжи. – Человек – это машина. – Создание постоянного «Я». – Аллегория дома в беспорядке. – Роли. – Буфера. – Самовоспоминание. – Почему эта система не может быть популярной. – Тюрьма. – Формулирование цели. – Быть свободным. – Грех. – Раскаяние. – Помощь человечеству. – Притяжение и отталкивание. – Самонаблюдение. – Деление всего, что относится к человеку, на семь категорий. – Знание и бытие. – Их соотношение. – Мы можем иметь больше знания. – Необходимость изменения бытия. – Понимание. – Вредные функции. – Выражение отрицательных эмоций. – Бесполезные разговоры. – Отличие этой системы от других. – Уровни бытия. – Мышление в других категориях. – Опасность настоящего положения.

Мне хотелось бы, чтобы вы пересмотрели то, что я сказал в прошлый раз, так как многое из этого не было толком разработано. Я дал только намеки, общие идеи вещей, которые мы должны изучить, поэтому необходимо вспомнить их последовательность и относительное значение. Некоторые понятия, о которых я говорил, насущно необходимы для понимания дальнейших идей, а что-то я привел просто как иллюстрацию к другим примерам.

Но для начала я хотел бы еще раз подчеркнуть один важный пункт. Эта система принадлежит к тому классу систем, которые рассматривают человека как незавершенное существо и изучают его с точки зрения возможности развития. Обычная психология весьма далека от реальности. Человек, которого она изучает, – это воображаемая величина. Человек не есть то, чем он должен быть. Мы приписываем себе многие качества, которыми не обладаем. Мы не сознательны. Если мы не сознательны, мы не можем иметь единства, не можем иметь индивидуальности, не можем иметь эго или «Я». Все эти понятия изобретены человеком, чтобы сохранить иллюзию сознательности. Человек может быть сознательным, но в своем нынешнем состоянии он таковым не является. Необходимо признать, что человек живет ниже своего законного уровня. Есть также много других вещей, которые человек может приобрести, но сейчас я говорю о том, что принадлежит ему по праву, но чего он не имеет.

Эта система переворачивает вверх дном все, что мы знаем или о чем когда-либо размышляли. Ее невозможно согласовать с обычными психологическими идеями. Мы должны решить, как мы рассматриваем человека – как яйцо или как птицу. И если мы его рассматриваем как яйцо, мы не должны приписывать ему свойств птицы. Если мы рассматриваем его как яйцо, вся психология становится другой: вся человеческая жизнь становится жизнью эмбрионов, зародышей, незавершенных существ. И для некоторых из них смыслом жизни становится возможность перехода к другому состоянию.

Очень важно понять, что значит завершенное и незавершенное существо, так как, если этого не понять с самого начала, трудно будет идти дальше. Возможно, пример поможет уяснить, что я имею в виду. Сравним повозку с аэропланом. Аэроплан имеет много таких возможностей, которых обычная повозка не имеет, но, в то же время, аэроплан можно использовать как обычную повозку. Будет весьма громоздко, неудобно и очень дорого, но вы можете привязать к аэроплану пару лошадей и передвигаться в нем по дороге. Допустим, что человек, которому принадлежит этот аэроплан, не знает, что у того есть мотор и что он может двигаться сам по себе. Предположим, что он узнает о моторе, – теперь он может обойтись без лошадей и пользоваться аэропланом как автомобилем. Но это все еще слишком громоздко. Допустим, человек изучает эту машину и открывает, что она может летать. Конечно, она будет иметь много преимуществ, которые он проглядел, когда использовал аэроплан как повозку. Это то, что мы делаем с собой: мы используем себя как повозку, тогда как могли бы летать. Но при-

меры – одно дело, а факты – другое. Нет необходимости в аллегориях и аналогиях, ибо, когда мы начинаем должным образом изучать сознание, мы можем говорить о реальных фактах.

Если вернуться на минуту к аналогии с аэропланом – в чем причина того, что наш аэроплан не может летать? Естественно, первая причина в том, что мы не знаем машины – мы понятия не имеем, как с ней обращаться и как приводить в действие. И вторая причина – в результате этого незнания машина работает с очень малой скоростью. И эффект этой низкой скорости куда более серьезен, нежели использование аэроплана в качестве повозки.

Чтобы полностью следовать идеям и методам системы, необходимо признать две вещи: низкий уровень сознания и практическое отсутствие у человека воли и индивидуальности. Когда это принято, необходимо и очень полезно научиться правильному употреблению двух понятий – «полезный» и «вредный», – потому что трудно применять эти слова к психологическим состояниям и понимать, что полезно в психологической структуре человека, а что вредно. Но если рассматривать человека с точки зрения его возможного развития, то становится ясным, что то, что помогает его развитию, – полезно, а что ему препятствует – вредно. Даже странно, что это необходимо объяснять, но, к сожалению, наше обычное мышление (особенно когда встречается с серьезными проблемами) не использует этой идеи. Мы как-то теряем понимание того, что полезно и что вредно. Наше мышление приобрело много плохих привычек, и одна из них – отсутствие цели. Мышление стало автоматическим. Мы вполне удовлетворены, когда думаем о всевозможных побочных вопросах и развиваем их, не имея никакого понятия о том, почему это делаем. С точки зрения этой системы такое мышление бесполезно. Всякое изучение, всякое мышление и исследование должно иметь одну цель, одно намерение, и этой целью должно являться достижение сознания. Бесполезно себя изучать без этой цели. В изучении себя есть смысл только тогда, когда человек понял, что не имеет сознания и желает обрести его. Иначе это становится поверхностным и несерьезным. Достижение сознания связано с постепенным освобождением от механичности, ибо человек, такой как есть, целиком и полностью находится под механическими законами. Чем больше сознания человек приобретает, тем больше он избавляется от механичности, что означает, что он становится более свободным от случайных механических законов.

Первый шаг в достижении сознания – это понимание того, что мы несознательны. Но изменить эту иллюзию невозможно сразу, потому что есть много других. Как я сказал раньше, наихудшая из них – это иллюзия того, что мы можем «делать». Вся наша жизнь основана на этой иллюзии. Мы всегда думаем, что делаем, когда на самом деле не делаем ничего, – все просто случается.

Другая иллюзия – то, что мы пробуждены. Когда мы поймем, что спим, то увидим, что вся история творится спящими людьми. Они воюют и издают законы, а другие спящие люди повинуются или не повинуются им. Наихудшие из наших иллюзий – это те ложные идеи, среди которых мы живем и которые управляют нашей жизнью. Если бы мы смогли изменить свое отношение к этим ложным идеям и понять, что они собой представляют, это само по себе стало бы большой переменой и сразу же изменило бы многое.

Теперь нам лучше, пожалуй, начать следующим образом: вы подумали за эту неделю, поэтому постарайтесь вспомнить, что было неясно из услышанного, и задавайте вопросы, тогда я смогу развить ту или иную мысль.

В. Если мы несознательны, можем ли мы судить о том, что полезно для нас, а что вредно?

О. Я уже говорил, что самонаблюдение не может быть безличным, так как мы сами заинтересованы в правильной работе своей машины. Правильная работа организма полезна для нас, неправильная – вредна. Мы должны иметь простое коммерческое отношение к своей жизни и внутренним функциям, мы должны знать, в чем выгода и в чем убыток, поэтому мы не можем наблюдать себя совершенно беспристрастно, как какие-нибудь исторические события, произошедшие тысячу лет назад. Когда человек усвоил такое отношение к себе, он готов к тому,

чтобы начать практическое самоизучение, ибо практическое самоизучение означает изучение наиболее механических вещей. Некоторые функции в нас могут стать сознательными, другие никогда таковыми стать не смогут. Инстинктивным функциям, например, нет необходимости становиться сознательными, но есть много других – вся наша жизнь наполнена ими – которые очень важно сделать сознательными, или, если они не могут стать сознательными, остановить или избавиться от них, так как они по-настоящему вредны. Они не просто механичны в том смысле, что автоматичны, – они результат длительной неправильной работы машины, то есть они уже причинили определенный вред: что-то сломалось, погнулось, деформировалось.

В. Пытаясь изучать самого себя, я не могу найти ничего реального, ничего осязаемого.

О. Изучайте то, что есть – будь это реальное или нереальное. Вы не можете изучать только то, что реально, вы должны изучать все, что есть. Это не препятствие к самоизучению. Если вы не находите ничего реального – вы должны изучать то, что находите. На самом деле вы совершенно правы, что нет ничего реального, но каждый должен изучать себя и изучать препятствия.

Главное препятствие для достижения самосознания – это наша мысль о том, что мы им уже обладаем. Человек никогда не приобретет самосознания, пока верит, что имеет его. Есть много других вещей, о которых мы думаем, что имеем их, и вследствие этого мы не можем их достичь. Среди них – индивидуальность, то есть единство: мы думаем, что мы одно, неделимое. Мы думаем, что имеем волю, или, если мы не всегда имеем ее, мы думаем, что можем иметь ее, а также многое другое. Есть много аспектов этого, так как, не имея одного, мы не можем иметь и другого. Мы полагаем, что обладаем этим, и так происходит потому, что мы не понимаем значения слов, которые употребляем.

Есть одно определенное препятствие, определенная причина, почему мы не можем иметь сознания в своем нынешнем состоянии. Главное препятствие на пути развития – это ложь. Я уже говорил о лжи, но мы должны говорить о ней больше, потому что не знаем, что такое ложь, так как никогда не изучали этот вопрос серьезно. На самом деле психология лжи – это наиболее важная часть изучения человека. Если бы человека можно было определить как зоологический тип, он был бы определен как лгущее животное.

Я оставлю в стороне всю внешнюю ложь и возьму только ложь человека самому себе о самом себе. Это та причина, почему мы находимся в нынешнем состоянии сознания и не можем прийти к лучшему, высшему, более сильному и эффективному. Согласно системе, которую мы сейчас изучаем, мы не можем знать истину, потому что истина достижима только в объективном сознании. Поэтому мы не способны определить, что есть истина, но если мы примем, что ложь ей противоположна, то сможем определить ложь.

Самая серьезная ложь – это когда мы прекрасно понимаем, что не знаем и не можем знать истины о вещах, и, тем не менее, не поступаем соответственно этому пониманию. Мы всегда думаем и действуем так, будто истина нам известна. Это и есть ложь. Когда я знаю, что я не знаю чего-то, и в то же самое время говорю или поступаю так, как если бы я это знал, это ложь. Например, мы ничего не знаем о самих себе и по-настоящему знаем, что ничего не знаем, но, тем не менее, никогда не допускаем этого. Мы никогда не признаемся в этом даже самим себе: мы действуем, думаем, говорим так, как если бы знали, кто мы есть. Это и является источником лжи, ее началом.

Когда мы поймем это и последуем данному ходу мысли, когда попытаемся связать эту идею со всем, что мы думаем, со всем, что говорим, со всем, что делаем, мы начнем устранять препятствия, которые лежат на пути к сознательности. Но психология лжи значительно сложнее, чем мы думаем, так как есть много различных видов лжи и много весьма тонких форм, трудных для обнаружения в самом себе. В других мы видим их сравнительно легко, но не в нас самих.

В. Если мы не знаем, что такое истина, как мы поймем, что лжем?

О. Вы знаете, что не способны знать истину, и если вы говорите, что знаете или способны ее знать, это будет ложью, поскольку никто не может знать истину в том состоянии, в котором мы находимся. Не думайте об этом философски, рассматривайте это по отношению к фактам. Люди говорят обо всем так, как будто они знают. Спросите человека, есть ли люди на Луне, и у него будет свое мнение об этом. И так во всем остальном. У нас есть мнения обо всем, и все эти мнения – ложь, особенно о себе самих. Мы не знаем о состояниях сознания или о различных функциях, или о скорости функций, или об их отношении друг к другу. Мы не знаем о подразделениях внутри функций. Мы ничего не знаем и все же думаем, что знаем себя. Все, что у нас есть, – это мнения, и все они – ложь.

В. Если все мнения – ложь, должны ли мы избегать мнений?

О. Вы должны знать им цену. Первая ложь, которую мы себе говорим, – это когда мы говорим «Я». Это ложь потому, что, говоря «Я», мы предполагаем определенные вещи: мы предполагаем некоторое единство и некоторую власть над собой. И если я говорю «Я» сегодня и говорю «Я» завтра, то предполагается, что это одно и то же «Я», тогда как в действительности между ними нет никакой связи. Мы пребываем в теперешнем состоянии вследствие некоторых препятствий или некоторых фактов в нас самих, и самый важный факт, которого мы не понимаем, это то, что мы не имеем права говорить «Я», потому что это будет ложью. Когда вы начнете себя наблюдать, вы увидите, что это так на самом деле: у вас есть «Я», которые не знают друг друга и никогда не встречаются. Например, начните изучать свои симпатии и антипатии, и вы увидите, что можете любить что-то в один момент и ненавидеть в другой, и обе эти вещи столь противоположны друг другу, что вы сразу поймете, что ваши «Я» никогда не встречаются. Если вы наблюдаете свои решения, то увидите, что одно «Я» решает, а другое должно выполнять решение, и это «Я» либо не хочет этого делать, либо никогда не слышало об этом. Если вы найдете, что какой-то человек не лжет себе по поводу хотя бы одной вещи, это будет исключением. Окруженные такой ложью, рожденные и воспитанные в этой лжи, мы не можем быть чем-то другим, чем мы есть, – мы просто результат, просто продукт этой лжи.

В. Если я пытаюсь найти истину и нахожу это невозможным, не следует ли мне отойти от будничного мира?

О. Тогда вы будете изучать искусственное бытие, а не реальное. Вы можете себя изучать только в тех условиях, в которых вы находитесь, ибо вы результат этих условий. Вы не можете изучать себя отдельно от них.

В. Есть ли что-то общее у всех «Я»?

О. Только одно – они механичны. Быть механичным – значит зависеть от внешних обстоятельств.

В. Из того, что вы сказали, кажется очень трудным себя изучать безо лжи самому себе.

О. Нет, ложь нужно остановить. Вы должны помнить принцип: ложь способна породить только ложь.

Когда вы узнаете главные виды лжи, вы станете способны – не скажу, что бороться с ними – но наблюдать их. Борьба приходит позже. Необходимо очень многое, чтобы бороться с чем-либо в нас самих. В течение долгого времени мы можем только изучать. Когда мы знаем общее устройство и классификацию вещей в самих себе, только тогда приходит возможность с чем-то бороться. Такие, как мы есть, мы не можем ничего изменить, поскольку человек – очень хорошо сбалансированная машина, сбалансированная в том смысле, что одно обусловливает другое. Вещи кажутся несвязанными, но на самом деле они связаны, ибо каждая вещь уравновешена многими другими.

В. Не могли бы вы разъяснить, что вы подразумеваете под машиной? Машины не способны иметь потенциальных возможностей, они не имеют надежды на получение сознания.

О. Аналогии не бывают полными, так как их нельзя продолжать бесконечно. Это также одно из ограничений нашего ума, или, если хотите, ограничение сознания. Поэтому сравне-

ние с машиной не может быть продолжено в произвольном направлении. Но человек является машиной в совершенно реальном, совершенно определенном смысле: он не способен совершить никакого действия из самого себя, он только передаточный механизм, ничего больше, и, будучи таковым, он является машиной. Если бы человек имел какую-то идею или мог сделать что-то без внешних причин, действующих на него, то он не был бы машиной или был бы не вполне машиной. Такой, какой он есть, он полностью машина, особенно в том состоянии сознания, в котором мы находимся. И тот факт, что мы считаем, что находимся в совершенно ином состоянии, делает нас еще более механичными.

Наша машина даже работает неправильно, поэтому, если человек хочет создать благоприятные условия для возможности внутреннего роста, которая есть в нем, он должен сначала стать нормальной машиной, так как такой, какой он есть, он не может ею считаться. Когда мы слышим о механичности, то часто думаем, что, хотя человек является машиной, не все его функции одинаково механичны, равно как и не вся человеческая деятельность одинаково механична. Каждый человек находит что-то, что, как он думает, менее механично, в соответствии со своими взглядами или вкусами. На самом деле вся человеческая деятельность одинаково механична, с этой точки зрения нет разницы между мытьем полов и сочинением стихов.

Вообще говоря, следует понять, что необходима полная переоценка всех ценностей на основе их полезности; без этого мы никогда не сможем сдвинуться с той точки, где находимся. У нас много ложных ценностей – мы должны быть смелыми и начать эту переоценку.

В. Насколько я понимаю, мы должны создать «Я» из ничего. Что создает «Я»?

О. Во-первых, знание самого себя. Есть очень хорошая восточная аллегория, в которой говорится о создании «Я». Человек сравнивается с домом, полным слуг, но без хозяина или управляющего, чтобы следить за ними. Поэтому слуги делают, что им нравится, никто из них не выполняет своей настоящей работы. Дом находится в состоянии полного хаоса, так как все слуги пытаются делать чужую работу, которую они не умеют делать. Повар работает в конюшне, кучер – на кухне, и так далее.

Единственная возможность исправить положение – это если некоторое число слуг решат выбрать кого-то одного заместителем управляющего и таким образом передадут ему контроль над персоналом. Выбранный заместитель может сделать только одну вещь: он ставит каждого слугу на его настоящее место, и таким образом они начинают делать ту работу, для которой и предназначены. Когда это сделано, появляется возможность прийти настоящему управляющему, чтобы заменить заместителя управляющего и приготовить дом для хозяина. Мы не знаем, что значит «настоящий управляющий» или «хозяин», но мы можем принять, что дом, полный слуг, и возможность появления заместителя управляющего описывает существующую ситуацию. Эта аллегория помогает нам понять начало возможности создания постоянного «Я».

В целях самоизучения и работы по достижению единого «Я» мы должны понять процесс, посредством которого способны перейти от существующей множественности к единству. Это сложный процесс, имеющий различные стадии. Между нынешним состоянием множественности «Я» и одним управляющим «Я», которое мы хотим создать, есть определенные стадии развития, которые необходимо изучить. Но прежде всего мы должны понять, что в нас есть некоторые образования, без знания которых мы не сумеем понять, как мы в итоге переходим от сегодняшнего состояния к состоянию одного «Я», если это вообще для нас возможно.

Дело в том, что хотя громадное количество наших «Я» разобщены и даже не знают друг о друге, они разделены на определенные группы. Это не значит, что они разделены сознательно, – они разделены по обстоятельствам жизни. Эти группы «Я» проявляют себя как роли, которые человек играет в своей жизни. Каждый человек имеет некоторое количество ролей: одна соответствует одному ряду условий, другая – другому. Сам человек редко замечает эти различия. Например, он имеет одну роль на работе, другую дома, третью среди друзей, еще одну – если он интересуется спортом, и так далее. Эти роли легче наблюдать в других людях, чем в

самом себе. Люди часто настолько различны в различных условиях, что эти роли становятся вполне очевидными и определенными, но иногда они лучше скрыты или даже играются только внутри, без каких-либо внешних проявлений. Все люди, знают они об этом или нет, желают они этого или нет, имеют определенные роли, которые они играют. Эта игра бессознательна. Если бы она была сознательной, то была бы совершенно иной, но человек никогда не замечает, как он переходит от одной роли к другой. Или, если человек замечает это, он убеждает себя, что делает это с определенной целью, что это сознательное действие. В действительности эта смена всегда управляется обстоятельствами, она не может управляться самим человеком, так как сам он еще не существует. Иногда есть явные противоречия между одной ролью и другой. В одной роли человек говорит одно, имеет некоторые определенные взгляды и убеждения, затем он переходит в другую роль и имеет абсолютно иные убеждения и говорит абсолютно другие вещи, не замечая этого или думая, что делает это намеренно.

Есть вполне определенные причины, которые не дают человеку видеть отличий между одной ролью, или маской, и другой. Причины эти – некоторые искусственные образования, которые называются буферами. Буфер – очень удачное название для таких приспособлений. Буфера между железнодорожными вагонами препятствуют столкновению, ослабляют удар. То же самое с буферами между различными ролями и различными группами «Я», то есть личностями. Люди могут жить с различными личностями и без их столкновения. Но если эти личности не имеют внешних проявлений, они все равно существуют внутри.

Очень полезно постараться понять, что такое буфера. Попытайтесь увидеть, как человек лжет самому себе с помощью буферов. Допустим, кто-то говорит: «Я никогда не спорю». Затем, если этот человек на самом деле твердо убежден, что он никогда не спорит, он может спорить сколько ему угодно и никогда не замечать этого. Это результат буфера. Если человек имеет определенное количество хороших буферов, то он вполне огражден от неприятных противоречий. Буфера полностью механичны. Буфер похож на деревянный предмет: он не приспосабливается, но играет свою роль очень хорошо – он не дает человеку видеть противоречия.

В. Как создаются роли?

О. Роли не создаются, они не сознательны. Это приспособление к обстоятельствам.

В. Трудно ли остановить проигрывание роли?

О. Это вопрос не остановки, это вопрос неотождествления.

В. Могут ли некоторые роли быть хорошими?

О. Мы говорим только о сознательности и механичности. Если роль механична, мы должны наблюдать ее и не отождествляться с ней. Самая трудная вещь – это играть себя сознательно. Мы начинаем сознательно, а затем обычно отождествляемся.

В. Вы сказали, что человек не может изменить ни одного из своих «Я», так как он настолько хорошо сбалансированная машина, что нарушение этого равновесия принесет вред.

О. Да, но я имел в виду тех, кто пытается измениться сам, в одиночку, без знания, без плана или системы. Но если вы работаете по плану, такому, как эта система, то это совсем другое. Вот почему вам советуют делать определенные вещи, которые не могут принести вреда. Эта система – результат опыта. Кроме того, для реальной остановки выражения отрицательных эмоций, остановки воображения и тому подобных вещей, поначалу может быть сделано очень мало. Это больше для самонаблюдения. Вы думаете, что если вы решите что-то сделать, то можете достичь этого, но это не так. Вещи и дальше происходят автоматически, механически, и вы этого не замечаете. Но если вы начнете им сопротивляться, тогда вы начнете их замечать. Поэтому это нужно больше для самонаблюдения, чем для каких-то результатов. Не так легко получить результаты.

В. Если мы хотим остановить воображение, не должны ли мы иметь некий пункт, на котором можно сфокусировать ум?

О. Всегда достаточно пунктов, на которых можно сфокусировать ум, вопрос в том, можем ли мы это сделать? У нас есть способность наблюдения, но мы не можем удерживать свой ум на том, на чем хотим. Ситуация такова: мы подходим к самоизучению с различных сторон. Если мы сделаем немного в одном месте, немного в другом и немного в третьем, все это в совокупности произведет некоторый эффект и позволит сделать что-то легче в четвертом месте. Мы не можем делать сначала одну вещь, а затем другую – необходимо начинать со всех сторон.

Что касается борьбы с воображением, то она предлагается именно как борьба: это не значит, что мы можем его остановить. Для остановки воображения необходима значительно бóльшая энергия, нежели у нас есть, и поэтому мы способны только пытаться его остановить. Мы ничего не можем сделать, мы способны только пытаться что-то делать. Мы можем только начать что-то, и если мы начнем много вещей сразу, то получим некоторые результаты. С этой системой можно начать со многих сторон, и тогда появятся результаты.

В. Когда я пытаюсь себя вспоминать, я не могу думать о чем-то другом или делать что-то другое.

О. Да, это показывает, как это трудно. Поначалу, при первых попытках, которые вы делаете, чтобы себя осознать, вы должны использовать все свои умственные силы, так что ничего не остается в запасе. Но это не значит, что так будет всегда. Это не настоящее самовоспоминание, это только изучение того, как это делать. Позднее вы найдете, что сознание может существовать без мысли, что сознание есть нечто отличное от мысли. Вы применяете мысль только для того, чтобы дать толчок, а затем все начинает двигаться в этом направлении, и вы становитесь сознательным без мысли. Тогда вы сможете думать о чем угодно. Но поначалу вы, безусловно, должны использовать эту умственную энергию, ибо это единственная управляемая энергия, которая у вас есть (за исключением движений). Но вы не можете сделаться сознательными путем верчения колеса или бега, поэтому вы должны поначалу использовать мыслительную энергию. Это не значит, что вы должны будете это делать всегда – вы открываете дверь.

В. Почему эта система широко не известна и не популярна?

О. Она не может быть популярной по причине ее отрицательного характера. Мы изучаем путь не приобретения, но потери. Если бы можно было достичь чего-то сразу, эта система была бы популярной. Но обещать ничего нельзя. Трудно ожидать, что людям это понравится, потому что никому не нравится терять иллюзии. Люди хотят определенности, не понимая того, что возможно. Они сразу хотят знать, чего они могут достичь. Но поначалу они должны многое потерять. Идеи этой системы никогда не смогут стать популярными, если они не искажены, потому что люди не согласятся с тем, что они спят, что они машины, – люди, считающие себя важными, всегда будут противиться этой идее.

Система не хочет давать идеи людям, которым они не нужны. Если люди испытали другие методы и поняли их тщетность, они могут захотеть испытать эту систему. Эта система только для тех, кому она нужна. Необходимо понять положение человека, а также его возможности. Как я сказал, человек находится в тюрьме. Если он понимает, что он в тюрьме, он может захотеть бежать. Но он может бояться того, что если он убежит, то окажется в еще худшем положении, чем раньше, и поэтому может примириться со своим пребыванием в тюрьме. Если же он решает бежать, он должен понять, что необходимы два условия: он должен быть одним из нескольких людей, которые хотят бежать, потому что нужно рыть тоннель, а один человек этого не может, и, во-вторых, они должны иметь помощь тех, кто бежал раньше. То есть, во-первых, он должен понять, что он в тюрьме; во-вторых, он должен захотеть бежать; в-третьих, он должен иметь друзей, которые тоже хотят бежать; в-четвертых, он должен иметь помощь извне; в-пятых, он должен работать, чтобы прорыть тоннель. Никакое количество веры или молитвы не смогут прорыть для него тоннель. И он не знает, что его ждет, когда он выберется из тюрьмы. Есть много причин, по которым один человек не может бежать из тюрьмы. Но двадцать людей

могут. Каждому из них выгодна работа остальных. Что выигрывает один, то выигрывают все двадцать.

В. Мы прогрессируем скорее в процессе устранения, нежели построения?

О. Есть два процесса. Поначалу идет процесс устранения – многие бесполезные механические функции должны быть устранены. И затем идет процесс построения.

В. Вы сказали, что целью должно быть достижение самосознания. Но эта цель кажется слишком большой для меня, так как я не знаю, что такое самосознание. Как я могу лучше понять идею цели?

О. Вы должны уметь правильно понять вопрос цели – не обязательно уметь ответить на него. В общем, цель одна, большая или маленькая. Пытаясь изучать себя, вы, наверное, пришли к некоторому пониманию и на основе этого понимания уже, вероятно, можете сформулировать свою цель. Поставим вопрос в такой форме: можем ли мы сказать, что нашей целью является свобода, что мы хотим быть свободными? И можем ли мы сказать, что сейчас мы не свободны? Этого достаточно для начала. Если мы начнем с этой формулировки, мы всегда сможем увидеть, где мы находимся: мы сможем увидеть, как далеки мы от свободы и в чем становимся более свободными. Эта идея отсутствия свободы должна каждым изучаться индивидуально. Другими словами, каждый должен уметь видеть, каким образом он не свободен. Недостаточно помнить слова «Я не свободен», необходимо знать это точно. Нужно понять, что в каждый момент своей жизни вы решаете делать одну вещь, а делаете другую, хотите идти в одно место, а идете в другое, и так далее. Опять-таки, это не следует понимать буквально, нужно найти свою собственную форму недостатка свободы, свойственную только вам самим. Когда каждый из вас это поймет, говорить об этом будет легко. Тогда каждый будет понимать, что он раб, и увидит, что же на самом деле господствует над ним и управляет им. Тогда проще будет понять, что цель – свобода. Но пока это остается теоретическим, это не служит никакой полезной цели. Только если мы осознаем это рабство индивидуально, в своей собственной жизни, через свой собственный практический опыт, это послужит нашему пониманию того, чего мы хотим.

Каждый из нас должен найти, в чем он не свободен. Человек хочет знать – и не может знать; либо у него нет времени, либо, возможно, нет подготовительного знания. Он хочет быть, он хочет себя помнить, он хочет «делать» определенным образом, но вещи происходят иначе, не так, как он хочет. Когда он поймет это, то увидит, что его цель – свобода, а чтобы быть свободным, нужно быть сознательным.

В. Но свобода возможна лишь для немногих, не для всего мира?

О. Вы можете думать только о себе. Вы не способны дать мне свободу, поэтому – что пользы думать обо мне? Но, возможно, вы сумеете помочь другому человеку найти нечто, что поможет ему стать свободным, но только когда вы сами уже что-то получите, когда сами станете более свободными.

В. Как может человек быть свободным? Человек столь слаб, и так много сил противостоит ему!

О. Он может быть более свободным, чем сейчас, – более свободным относительно своего теперешнего состояния. Взгляните на это с личной точки зрения, не философски, тогда вы увидите, что можно быть более свободным или менее свободным, потому что в вашей жизни есть различные моменты, в какие-то вы менее свободны, а в другие более. Когда вы спите ночью, вы менее свободны, чем днем, и если случится пожар, когда вы спите, вы погибнете, так как не сможете убежать. Поэтому днем вы более свободны. Нужно смотреть на все просто, не философски. Конечно, если мы начнем думать философски, что нет такой вещи, как свобода, тогда не останется ничего другого, кроме как умереть.

В. Возможно ли определить те влияния в жизни, которые разрушают нашу свободу сильнее всего прочего?

О. Влияния, которые увеличивают наше рабство, это наши иллюзии, и в особенности та иллюзия, что мы свободны. Мы воображаем, что свободны, и это делает нас рабами в десять раз больше. Это именно то главное влияние, с которым мы можем бороться. Есть много других влияний, с которыми необходимо бороться, но это начало, это самое первое – наши иллюзии о нашем положении, о нашей свободе. Поэтому прежде всего необходимо пожертвовать этой иллюзией свободы, которая, как мы думаем, у нас есть. Если мы попытаемся пожертвовать этой иллюзией, тогда, может быть, мы придем к возможности стать более свободными на самом деле.

В. Какое значение имеют обычные ценности, такие как храбрость, бескорыстие и жизнерадостность, с точки зрения системы?

О. Иногда они имеют очень большое значение, иногда вовсе никакого. Нельзя рассчитывать на какое-то постоянное значение этих ценностей, это обычные взгляды всегда придают словам какое-то постоянное значение, в то время как они не могут его иметь.

В. Говорит ли эта система что-либо об идее греха?

О. Грех, в общепринятом определении, это «все, что излишне», но мы должны немного изменить это определение. Грех – это всегда результат слабости. Если мне нужно куда-то пойти, и я обещаю там быть в двенадцать часов тридцать минут и знаю, что если пойду быстро, то буду на месте вовремя, но вместо этого останавливаюсь на пути взглянуть на витрины магазинов, это будет грехом против моего обещания. Относительно того, что вы намереваетесь сделать в данный момент, все нужно рассматривать с точки зрения цели или решения. Если у вас есть цель в связи с работой, тогда все, что вы делаете против вашей работы, есть грех. Но это не будет грехом, если у вас нет цели. Остановиться у витрины магазина – это не грех, но если вы должны быть где-то в определенное время и из-за остановки опоздаете, тогда это грех. Мы можем понять грех и преступление тогда, когда поймем их по отношению к работе. Тогда мы сможем иметь несколько более широкий взгляд и думать о людях, которые только входят в работу, а затем о тех, кто может прийти, и так далее. Необходимо подходить к этой проблеме, представляя ее в виде концентрических кругов, и начинать с людей, которые находятся в работе или считают себя таковыми. Тогда все, что они делают против своего собственного понимания работы, будет, несомненно, грехом, так как они обманывают себя. И все, что они делают против других людей в работе – путем прямых советов или примера, – это грех, так как их цель в том, чтобы помогать, а не мешать. Поэтому для начала можно понять грех только по отношению к работе, а затем, позднее, увидеть его вне работы.

В. Что вы имели в виду, когда сказали, что грех есть результат слабости?

О. Видите ли, в этой работе требования растут, многие вещи постепенно становятся все труднее. Человек принимает определенные решения, и одно из первых – это делать усилия, идти против обычного течения, которое состоит в том, чтобы избегать усилий и делать все как можно более легким способом. Если человек пытается работать, он решает идти против этой тенденции и делать все более трудным способом. Опять-таки, если это остается только умственным решением, если это не ведет к какому-либо действию, то это бессмыслица и, конечно, грех против самого себя.

В. Можете ли вы перейти от слова «грех» к слову «раскаяние»? Должно быть, раскаяние есть нечто совершенно отличное от обычного понятия о нем?

О. В этой работе плохое вычеркивает многое хорошее, но хорошее не вычеркивает плохого. Последнее может быть вычеркнуто только раскаянием. Это вовсе не значит, что человек делает что-то, а затем кается и говорит самому себе: «Я больше не буду этого делать», потому что на самом деле он будет. Если человек что-то сделал, то от этого остается след, так что легко повторить сделанное, и это создает инерцию. Иногда человек способен остановить эту инерцию раскаянием, что означает страдание.

В. Это раскаяние истинно настолько, насколько оно останавливает инерцию?

О. Раскаяние может быть истинным, но недостаточно сильным, чтобы остановить инерцию. Но, если оно останавливает ее, тогда это настоящее «раскаяние». Искреннее раскаяние – большая сила в этой работе. Наши привычки всегда заставляют нас делать вещи, которые идут против работы. Они не обязательно принимают одну и ту же форму, что делает их трудноуловимыми. Я могу делать что-то в одной форме, а затем продолжать это по-иному, но в том же направлении. Но если я раскаиваюсь как нужно и в нужный момент, то я могу остановить эту тенденцию.

В. Тогда настоящее раскаяние с необходимостью означает изменение бытия?

О. Я не стал бы называть это изменением бытия, но просто остановкой тенденции.

В. Неужели нет способа, которым можно было бы помочь человечеству?

О. Мы всегда начинаем с идеи о том, что требуется исправление. Но предположим, кто-то получил власть и начал исправлять все подряд. Он настолько способен все испортить, что какая-то высшая сила должна будет вмешаться, чтобы исправить все еще раз, а это может означать разрушение Земли. Это объясняет другую вещь – трудность приобретения того, что мы можем назвать высшими силами. Это как если бы некий сознательный разум не позволял человеку приобрести высшие силы, потому что он немедленно захотел бы злоупотребить ими. Как будто мы могли бы получить эти силы только тогда, когда эти высшие умы или сознательные существа уверены, что мы не будем вмешиваться. Но нет никакого сознательного наблюдателя – есть законы, и они находятся в нас самих. Они – род автоматических тормозов, которые предотвращают наше вмешательство.

В. Какой смысл иметь эти силы, если нельзя ими воспользоваться?

О. По-видимому, в данный момент силы в мире должны довести борьбу до конца между самими собой, и высшие силы не хотят вмешиваться, очевидно, по какой-то определенной причине. Если положительная сторона – та, что противостоит хаосу, – достаточно сильна, то она победит. Если она слаба, она должна быть разрушена, а затем, возможно, появится что-то новое. Есть много намеков на эту идею в Библии – или, может быть, это только аллегории. Все это показывает, что борьба на каком-то уровне должна быть доведена до конца, – поэтому вмешательства быть не может.

В. Вы сказали, что человек не имеет воли. Тогда как вы называете то, когда человек делает весьма реальное усилие преодолеть привычку или не делать того, что ему хотелось бы сделать?

О. Это либо притяжение к чему-нибудь, либо отталкивание. Либо он боится чего-то или ему не нравится что-то, и это создает отталкивание, либо ему кто-то сказал, что он может что-то получить, и это создает притяжение. Это не в нем, это в вещах. Вещи либо притягивают, либо отталкивают его, но он называет это своей волей.

В. Значит, вы считаете, что она ничего не стоит?

О. Она механична и не имеет никакой ценности. Она может иметь объективную ценность в том смысле, что можно получить от нее нечто в материальном смысле. Но это не то усилие, о котором я говорю. Усилие начинается только с одной вещи – с усилия пробудиться.

В. Может ли человек развить сознание собственными усилиями?

О. Нет, он не может сделать это одними своими усилиями. Прежде всего, он должен иметь некоторое знание и некоторое объяснение методов, и есть много других трудностей помимо этого. Человек – это машина; машина, которая работает под внешними влияниями. Машина человека № 1, 2 и 3 не знает себя, но когда человек начинает себя узнавать, он становится уже другой машиной, – так начинается развитие. Но человек не способен получить необходимое знание сам по себе.

В. Вы говорите, что самонаблюдение есть путь к самосознанию – значит ли это, что мы должны наблюдать себя одновременно с переживанием некоторого опыта?

О. Настолько, насколько у вас это получается. Поначалу это может быть трудно, но очень скоро вы обнаружите, что это реально. Когда вы поймете, что способны думать одной частью своего ума и наблюдать другой, тогда не будет сложности или путаницы.

В. Будет ли первым шагом попытка полностью осознать, что мы вообще ничего не знаем?

О. Очень полезно, если вы сумеете, но мы этого не можем – мы слишком уверены во многих вещах.

В. Может ли это быть одной из наших целей?

О. Мы вольны ставить это своей целью сколько угодно, но мы никогда не сможем достичь этого обычным путем. Если мы узнаем новые вещи о самих себе, вещи, которых мы не знали раньше, тогда мы сможем сравнить то, что знали раньше, с тем, что узнали теперь. Без сравнения мы ничего не сумеем достичь.

* * *

В прошлый раз я объяснил деление человека на семь категорий. Это деление, связанное с идеей возможной эволюции человека, дает очень хороший метод для понимания различий или делений многих вещей. Например, для начала возьмем проявления человека в различных областях деятельности – в религии, науке, искусстве и так далее – и попытаемся взглянуть на них с точки зрения этого деления на семь категорий. Вы сразу увидите, что если есть семь категорий человека, то должно быть, соответственно, и семь категорий всего, что ему принадлежит. Мы не знаем о человеке № 5, 6 и 7, но мы знаем разницу между человеком № 1, 2 и 3, и поэтому мы легко можем понять, что религия человека № 1, какой бы она ни была, будет примитивной религией, упрощенной во всех смыслах. Боги просты, добродетели просты, грехи просты – все просто, так как человек № 1 не любит много думать. Сентиментальная, эмоциональная религия, полная иллюзий и воображения, будет религией человека № 2. А религия, составленная из теорий, слов и определений, будет религией человека № 3. Это те виды религии, которые мы знаем, хотя, если существуют люди более высоких уровней, должны быть также религия человека № 5, религия человека № 6 и религия человека № 7.

То же и с искусством – есть искусство № 1, искусство № 2 и искусство № 3, и кроме этого мы ничего не знаем. Но существуют некоторые произведения искусства, оставшиеся от очень старых времен, которые, очевидно, принадлежат людям более высокого сознания. Если мы встретимся с такими произведениями искусства, то увидим, что не понимаем их, они лежат за пределами нашего уровня. С этой точки зрения все обычное искусство, искусство человека № 1, 2 и 3, названо субъективным, так как основано исключительно на субъективном понимании и ощущении.

В науке понять эту разницу еще легче. Конечно, наука человека № 1, 2 и 3 – это все, что мы знаем. Она использует обычное состояние сознания и обычные функции как инструмент для получения определенных результатов. Наука человека № 4 начинается с улучшения инструментов. Если вы работаете в той или иной области науки, у вас есть определенный инструмент для этой работы, и вы получаете определенные результаты. Но допустим, вы можете иметь лучший инструмент – и вы немедленно получите лучшие результаты. Поэтому наука человека № 4 связана с улучшением инструмента познания, с улучшением функций и состояния сознания.

В. Не могли бы вы больше сказать о том, что значит человек № 1, 2 и 3?

О. Это относится к центру тяжести в моменты важных решений. Человек № 3 будет действовать, исходя из теории, человек № 2 – на основе эмоциональных симпатий и антипатий, человек № 1 – на основе физических симпатий и антипатий.

В. Чтобы понимать примеры сознательного искусства, нужно иметь знание, которого обычный человек не имеет?

О. Не только знание, но знание и бытие. Есть две стороны нас, которые должны быть развиты.

Говоря о знании и бытии, необходимо начать с самого начала. Попытайтесь подумать о том, как вы понимаете это сами, какое у вас было отношение к этим двум идеям до того, как вы встретились с этой системой. Все мы находимся в одинаковом положении. Мы хотим знания, но не понимаем, что в нас самих есть препятствия, которые мешают нам приобрести это знание.

Я начну с самого себя. До того, как я встретил эту систему, я много читал и экспериментировал. В результате экспериментов я получал интересные состояния, понял несколько законов, и я, естественно, хотел продолжения этих состояний. Но я увидел, что для этого необходимо иметь больше знания. Затем я встретился с этой системой. В ней особенное ударение делается на бытии. Согласно этой системе, никакое большее знание невозможно, пока не изменится бытие.

Вскоре после того, как мы услышали о знании и бытии, наши группы разделились на два лагеря. Первый думал, что весь вопрос был в изменении бытия, что с изменением бытия мы сможем больше извлечь из того знания, которое уже имеем. Второй лагерь (к которому, как мне кажется, принадлежал я один) говорил, что даже в нашем теперешнем состоянии бытия мы можем получить значительно больше знания, чем имеем, что мы не насыщены знанием настолько, что не можем впитать больше.

Позже я понял, что необходимо и то, и другое. Возьмем для примера двух людей: один знает четыре правила арифметики, а другой не знает. Естественно, что первый будет в лучшем положении, хотя их уровень бытия одинаков. Чем лучше человек разбирается в математике, тем лучше его положение в определенной профессии. То есть знание может увеличиваться даже при одном и том же бытии. И он может знать больше не только в математике, он может знать много других вещей, иметь больше психологического знания.

С другой стороны, вы заметите, что вы даете знание двоим людям (я говорю о психологическом знании), и один получает это знание, тогда как другой не может. Очевидно, его бытие не подготовлено. То есть в этом отношении люди не в одинаковом положении.

Отношение знания и бытия – это очень большой вопрос. Я хочу, чтобы вы подумали о нем в связи с тем, что я только что сказал. Попытайтесь найти свои собственные примеры. Знание может вести очень далеко. Вопрос в том, может ли человек его воспринять? Может ли его усвоить? Один вид знания мы способны получить, другой – нет, поэтому мы не можем говорить о знании в общем. Например, возьмем психологическое знание: такие, как мы есть теперь, мы способны узнать очень многое, и ряд вещей может стать гораздо яснее. Но в каждый момент знание человека зависит от его бытия. Это именно то, чего мы не понимаем. Человек может получить столько знания, сколько позволяет его бытие, иначе его знание будет просто словами. Если знание дается нескольким людям, один из них получает его, а другие не получают. Почему? Очевидно потому, что их бытие различно.

В. Я не вполне ясно понимаю, что такое «бытие».

О. Это вы сами, то, чем вы являетесь. Чем лучше вы себя знаете, тем больше вы знаете свое бытие. Если вы никогда не испытывали собственное бытие, то бытие всех людей будет для вас одинаковым. Если вы спросите человека, который никогда не слышал о самовоспоминании, может ли он себя помнить, он ответит, что может. Это одно бытие. Другой знает, что не помнит себя, – это другое бытие. Третий начинает себя вспоминать – это третье бытие. Это то, как нужно подходить к этому вопросу.

Мы понимаем различие между предметами, но в обычном мышлении не понимаем различия в бытии. Что мы узнаем в этой системе? Первое – что мы не едины, что у нас много «Я», что нет центрального управляющего «Я». Это состояние нашего бытия. Результатом является механичность – мы машины. Если мы сможем быть менее механичными, менее разделенными

в самих себе, если сможем в большей степени себя контролировать, это будет означать, что наше бытие изменилось.

Когда я встретил эту систему, она показала мне, что необходимо изменение бытия, так как мы не то, что о себе думаем. Если бы мы были тем, что о себе думаем, – если бы мы имели сознание, волю, если бы могли «делать», тогда необходимо было бы только знание. Но все мы думаем о себе нечто отличное от того, что мы есть на самом деле. И именно эта разница между тем, что мы есть, и тем, что мы о себе думаем, показывает, чего недостает в нашем бытии. Таким образом, необходимы две вещи: изменение знания и изменение бытия.

В. Но мы постоянно меняемся!

О. Нет, мы все время в одной комнате, бегаем из одного угла в другой, не меняясь. В одном углу мы думаем, что мы нечто одно, в другом – что мы нечто другое. Мы не можем измениться именно потому, что ходим из одного угла в другой. То, что кажется изменением, – это изменение через подражание, изменение условий, симпатий и антипатий.

Это состояние сознания, в котором мы теперь находимся, всегда движется вверх и вниз. «Вниз» означает, что мы находимся ближе ко сну, «вверх» означает, что находимся ближе к возможности пробуждения. Мы никогда не находимся точно в одном и том же состоянии, но эти небольшие изменения означают только отметки времени на одном и том же месте.

Таким образом, вы видите, что эволюция человека вполне возможна, но она возможна только путем изменения знания и изменения бытия, а изменение бытия означает достижения сознания. Она не может прийти сама по себе, этого не может «случиться».

В. Обретает ли человек знание себя посредством самонаблюдения?

О. Самонаблюдение связано с некоторыми определенными практиками. Если вы только начинаете наблюдение того, как все происходит, вы многое пропустите, но если вы попытаетесь бороться против некоторых вещей, которые видите в себе, например, против небольших привычек, то сразу увидите многое из того, чего обычно не замечаете. У каждого есть множество небольших привычек: привычка ходить, привычка двигать руками, привычка сидеть, стоять, говорить определенным образом. Эта борьба – не для каких-либо особых результатов, но просто для самонаблюдения. Возможно, позднее вы найдете, что должны отделаться от некоторых привычек, но поначалу эта борьба должна быть просто для самоизучения.

Вместе с тем, если мы хотим развить сознание и улучшить свои функции, почти с самого начала самонаблюдения нам советуют пытаться останавливать некоторые наши функции, которые не только бесполезны, но и предельно вредны. Например, при наблюдении себя, особенно при наблюдении эмоциональной функции, пытайтесь насколько возможно останавливать всякое выражение отрицательных эмоций. Жизнь многих людей практически состоит из этого, они выражают отрицательные эмоции в каждый возможный момент, по любому случаю – подходящему или неподходящему, они всегда и во всем могут найти что-то неправильное. Основная тенденция человека № 1, 2 и 3 – немедленно выражать все свои отрицательные эмоции. Если он делает усилие остановить это выражение, это даст ему материал для наблюдения, и он увидит себя с совершенно другой стороны. Если он делает усилие в этом направлении, то очень скоро убедится, что не имеет воли, потому что это самая трудная вещь – остановить выражение отрицательных эмоций. Но это необходимо.

Другая бесполезная функция – это разговоры. Мы говорим слишком много. Мы говорим, говорим и говорим и никогда не замечаем этого. Обычно мы думаем, что говорим очень мало, даже слишком мало, но как раз те люди, которые говорят больше всего, думают, что они никогда не говорят. Это очень полезный предмет для наблюдения. Вы увидите, как проходит ваш день, сколько механических вещей вы говорите в одних условиях и сколько других механических вещей в других условиях. Или вы заметите, что просто говорите и говорите потому, что это доставляет вам удовольствие или заполняет ваше время. Необходимо наблюдать это и

останавливать хотя бы некоторые из этих бесполезных разговоров. Разговоры, воображение, ложь и выражение отрицательных эмоций – это на самом деле наши главные функции.

Теперь, если вы хотите спросить меня о чем-то, я попробую объяснить. Мы должны пытаться не только изучать эти идеи в той форме, в которой они даются, но также применять их в связи с различными проблемами. Они дают хорошие ключи для решения многих из них.

В. Когда вы говорите о лжи, имеете вы в виду только слова или также и мысли?

О. Для начала вполне достаточно брать только произнесенные слова. Позднее мы должны будем изучать также и мысли – то есть ложь самим себе. Это одно и то же, но мы должны начинать с того, что мы говорим, и поначалу от нас потребуется некоторое усилие, чтобы обнаружить ложь. Это всегда разговор о вещах, которых мы не знаем. Мы не называем это ложью – в этом вся уловка, мы даем ей какое-то хорошее название и тогда способны принять ее.

В. Мне хотелось бы знать более точно, что подразумевается под бытием. Я понял, что это что-то более постоянное, в отличие от некоего набора сменяющих друг друга «Я».

О. Не нужно слишком усложнять. Все целое вас самих – это ваше бытие. Знание отдельно от этого. Вы можете отчетливо представить себе отдельно все, что вы знаете, но все, что вы есть, отдельно от того, что вы знаете, – это ваше бытие. В этом делении вы состоите из двух вещей: что вы знаете, и чем вы являетесь. С точки зрения развития, идея состоит в том, что работы над знанием без работы над бытием недостаточно. Знание ограничивается бытием. Если вы получите больше знания в том состоянии, в котором находитесь, вы не будете способны использовать его, понять, согласовать. Развития знания недостаточно, ибо в некоторый момент оно остановится, и вместо того, чтобы вести вас вперед, будет вести вас назад, ибо, если получение вами знания не сопровождается изменением бытия, все ваше знание искажается в вас. Тогда чем больше знания вы получаете, тем хуже для вас.

В. Какую роль играет бытие в приобретении знания?

О. Бытие – это ваше состояние. В одном состоянии вы можете приобрести некоторое знание, но если разовьется другое состояние, вы можете приобрести больше знания. Если вы разделены на различные «Я», которые все противоречат друг другу, то очень трудно приобрести знание, так как каждая часть будет приобретать и понимать его сама по себе, поэтому понимания у вас будет немного. Если вы становитесь единым, тогда, конечно, будет легче приобретать знание, помнить и понимать его. Бытие означает состояние, внутренние условия, все вместе, не отдельно.

В. Разве наше бытие не растет вместе со знанием?

О. Нет, бытие не может расти само по себе. Знание, даже очень хорошее знание, не может заставить бытие расти. Вы должны работать над знанием и бытием раздельно, иначе вы перестанете понимать то знание, которое приобретаете. Работа над бытием другая – необходимо совсем иное усилие.

Вообще говоря, мы больше знаем о нашем знании, нежели о нашем бытии. Мы знаем, как мало мы знаем о самих себе; мы знаем, как в каждый момент делаем ошибки во всем; мы знаем, как мы не можем предвидеть вещи, не можем понять людей, не можем понять вещи. Мы знаем все это и понимаем, что все это – результат недостаточного знания. Но мы не понимаем разницы между бытием людей. Полезно взять листок бумаги и записать, что составляет наше бытие. Тогда вы увидите, что оно не может расти само по себе. Например, одна черта нашего бытия в том, что мы машины; другая – что мы живем только в малой части нашей машины; третья – та множественность, о которой мы говорили в первой лекции. Мы говорим «Я», но это «Я» различно в каждый момент. У нас много «Я», все они на одном и том же уровне, но нет никакого центрального управляющего «Я». Это состояние нашего бытия. Мы никогда не едины и никогда не бываем одни и те же. Если вы запишете все эти черты, вы увидите, в чем могло бы состоять изменение бытия, и что можно изменить. В каждой отдельной черте есть

нечто, что может измениться, а небольшое изменение в одной черте означает также изменение в другой.

Чем больше вы себя знаете, тем больше вы знаете свое бытие. Если вы себя не знаете, вы не знаете своего бытия. А если вы остаетесь на одном и том же уровне бытия, вы не способны получить больше знания.

В. Чтобы работать над бытием, необходимо ли нам отдавать этому все наше время без остатка?

О. Вы начинаете с невозможного. Начните с возможного, начните с одного шага. Попытайтесь сделать немного, и результаты покажут вам. Всегда есть какой-то предел, вы не можете сделать больше, чем можете. Если вы попытаетесь сделать слишком много, вы не сделаете ничего. Но постепенно вы увидите, что необходимы правильное мышление, правильные отношения. Это требует времени, ибо так долго люди были во власти отрицательных эмоций, отрицательного воображения, лжи, отождествления, и тому подобных вещей. Но постепенно они исчезнут. Вы не можете изменить все сразу.

Вы должны думать всегда о следующем шаге – только одном шаге. Мы можем понять следующий шаг как бытие немного более собранное, чем сейчас. Когда мы это поняли, мы можем думать о нем как о бытии еще более собранном – но не полностью, не окончательно.

В. Будем ли мы способны судить об изменении нашего бытия, не обманывая себя?

О. Да, но прежде, чем вы будете способны судить об изменении, вы должны знать свое бытие прямо сейчас. Когда вы узнаете большинство черт своего бытия, вы сможете увидеть изменения. Мы можем судить об уровне своего бытия по непостоянству своего «Я» – того, что мы называем «Я», – так как в один момент одна часть нас говорит «Я», а в другой момент – другая часть. Если вы хорошо наблюдаете, вы увидите, насколько разными вы бываете даже в течение одного дня. В один момент вы решаете сделать одно, в другой момент – другое. Как раз это постоянное изменение даже в течение двадцати четырех часов показывает уровень нашего бытия.

В. В чем состоит различие в уровне среди обычных спящих людей?

О. В надежности. Есть более надежные люди и менее надежные. Это верно также и в работе. Ненадежные люди не могут много получить.

В. Начинаем ли мы все на одном уровне?

О. Более или менее, но есть различия. Основная вещь – это надежность.

В. Как можно развить свое бытие?

О. Все то, что вы узнали, все, что услышали о возможности развития, все это относится к бытию. Прежде всего, развитие бытия означает пробуждение, так как главное свойство нашего бытия в том, что мы спим. Делая усилия пробудиться, мы изменяем наше бытие – это первый пункт. Затем есть много других вещей: создание единства, отсутствие выражения отрицательных эмоций, наблюдение, изучение отрицательных эмоций, попытки не отождествляться, попытки избегать бесполезных разговоров – все это работа над бытием. Это верно, что таким образом вы приобретаете некое знание, но если это просто интеллектуальное знание, то оно остается отдельным. Бытие есть сила, сила «делать», а сила «делать» – это сила быть другим.

В. Я не понимаю этого различия между знанием и бытием в их взаимодействии. По-видимому, в самоизучении они столь смешанны, что трудно увидеть, что есть что.

О. Да, но в то же время это возможно. Мы знаем, что означает знание. Мы знаем, что знание относительно и зависит от наших способностей. На самом деле, мы можем получить достаточно знания, чтобы начать уже сейчас, но очень скоро мы увидим, что для получения большего знания, более глубокого или обширного, о вещах, которые мы действительно хотим понять, мы должны изменить наше бытие, так как наши нынешние способности к приобретению знания весьма ограничены. Поэтому даже с точки зрения приобретения знания мы при-

ходим к необходимости изменения бытия, иначе у нас будут только слова, и мы не будем знать, что они означают.

В. Имеют ли идеи системы какую-либо ценность с точки зрения изменения бытия?

О. Идеи сами по себе не могут произвести изменение бытия; ваши усилия должны идти в правильном направлении, и одна вещь должна соответствовать другой. Вы делаете усилие на одной линии – и вы должны делать усилие на другой. Вы ничего не можете изменить без некоторой системы, даже с системой это трудно.

В. Что подразумевается под «работой»?

О. «Работа» в том смысле, в каком мы используем это слово в системе, означает работу для приобретения знания и для изучения изменения бытия. Вам нужно иметь некую ясную цель и работать для нее, поэтому «работа» состоит в приобретении знания и самоконтроля для достижения цели.

В. Почему природа создала человека несовершенным, оставила его на полпути?

О. Это хороший вопрос только до тех пор, пока вы не поняли, чего человек способен достичь. Когда вы это поймете, вы увидите, что эти вещи могут быть приобретены только собственными усилиями. То, что может быть развито в человеке, это сознание и воля, и они могут быть развиты только в том случае, если человек осознал, что не имеет их. Когда он осознает это, он увидит, что они могут быть только приобретены, но не даны. Человек создан тем единственным образом, каким он может быть создан. Все то, что может быть дано, – уже дано, ничего больше дано быть не может. Иначе это было бы то же самое, что взять человека с улицы и сделать его генералом, – он не знал бы, что делать. Это не тема для дискуссии, эти качества не могут быть нам даны, мы должны заслужить или купить их. Это единственный способ их получить.

*** * ***

Реальное знание, объективное знание – это знание, которое приходит от высшего разума. Оно показывает нам, как изучать человека, как изучать Вселенную, а кроме того – как изучать одно по отношению к другому. С помощью объективного знания возможно узнать реальный мир путем применения принципов относительности и масштаба, а также путем знания двух основных законов Вселенной – Закона Трех и Закона Семи.

Путь к объективному знанию лежит через изучение объективного языка. Вы помните, я говорил, что осваивание этой системы начинается с изучения нового языка, и я дал вам несколько примеров: центры, деление человека на № 1, 2, 3, 4, 5 и так далее, отождествление, учитывание, самовоспоминание. Все это является выражениями такого языка.

Следующая ступень – изучение самого себя, изучение человеческой машины и понимание места человека во Вселенной. Таковое знание себя – одновременно и цель, и средство.

Но, как я сказал, если человек хочет развиваться, одного знания недостаточно – нужно работать и над изменением своего бытия. Этот процесс настолько труден, что был бы почти невозможен, если бы не существовало знания, долженствующего ему помочь. Поэтому знание и бытие должны расти вместе, хотя одно совершенно отделено от другого. Ни знание, ни бытие не способны дать правильного понимания по отдельности, так как понимание есть результат их одновременного роста.

Рост знания означает переход от частного к общему, от деталей к целому, от иллюзорного к реальному. Обычное знание – это всегда знание деталей без знания целого, знание листьев (или даже прожилок и зубцов листьев) без знания дерева. Реальное знание не только показывает деталь, но также место, функцию и значение этой детали по отношению к целому.

В. Если знание существует на различных уровнях, правда ли, что мы способны иметь только то, которое принадлежит нашему уровню?

О. Совершенно верно, но если бы мы имели все знание, которое возможно получить на этом уровне, он изменился бы. Но такого не происходит, поскольку знания у нас слишком мало.

В. Приходит ли знание только как результат этой работы?

О. С самого начала вам дают определенные идеи и говорят некие вещи о человеческой машине. Например, о четырех функциях, о различных состояниях сознания, о том факте, что наше состояние подобно маятнику: иногда мы ближе к самосознанию, а иногда ко сну. Когда вам говорят это, то советуют проверить это на самих себе. Если вы только слышите об этих вещах или читаете о них, они остаются просто словами. Но когда вы начинаете проверять их на себе, когда понимаете каждую функцию в себе и находите примеры из собственных чувств и ощущений, связанных с каждой из них, тогда это становится знанием.

Бытие есть нечто совершенно отдельное. Вы способны делать все возможные усилия в нынешнем состоянии и все же будете чувствовать, что из вашего знания можно получить больше, но вашего бытия для этого недостаточно. Поэтому необходимо работать над бытием, делать его более сильным, более определенным. Тогда из тех же слов вы будете способны извлечь больше знания.

В. Если понимание есть результат знания и бытия, я не вижу, каким образом они соединяются.

О. Всякий раз, когда вы что-то понимаете, ваше понимание – это комбинация вашего знания и бытия. Понимание есть результат опыта: некоторого опыта в бытии и некоторого опыта в знании.

В. Мне все еще не ясно, что вы подразумеваете под бытием и состоянием бытия.

О. Вместо того, чтобы искать определения, попытайтесь найти иллюстрации. Бытие человека – это все, чем он является. В бытие входят многие вещи. Вы можете быть более сознательным или более спящим, более разделенным или более цельным, более заинтересованным в одних вещах и менее заинтересованным в других; вы можете лгать больше или лгать меньше, не любить ложь или лгать без всякого смущения, быть более последовательным или менее последовательным, иметь чувство механичности или не иметь его; вы можете не иметь никаких больших противоречий в себе или можете состоять из одних противоречий, иметь сравнительно мало отрицательных эмоций или быть погруженными в них. В общем, состояние бытия означает большую или меньшую последовательность действий. Когда одна вещь противоречит другой слишком сильно, это означает слабое бытие. Мы не осознаем, что, если человек непоследователен, это делает его знание ненадежным. Развитие только одной линии – либо знания, либо бытия – дает очень плохие результаты.

Бытие включает в себя всю вашу силу «делать». Знание вспомогательно, оно может помочь. Но для того, чтобы изменить бытие – и это то, где входит знание, – мы должны сначала осознать и понять свое нынешнее состояние. Когда мы начинаем понимать состояние нашего бытия, мы видим, что нам с собой делать.

В. Что вы имели в виду, когда сказали, что развитие только одного знания или только одного бытия дает плохие результаты?

О. Возможно, вам поможет, если я расскажу, как впервые об этом услышал. Если знание развивается выше бытия, результатом будет «слабый йог» – человек, которые все знает и ничего не может делать. Если бытие развивается выше знания, результатом будет «глупый святой» – человек, которые может делать все, но не знает, что нужно делать.

Если вы сравните эту систему с другими, то поймете, что именно в той важности, которую она придает идее бытия, она отличается от других – философских и иных – систем. Другие системы занимаются знанием или поведением. Они предполагают, что такие, как мы есть, мы можем знать больше или вести себя по-другому. В религиозных системах обычно считается, что «вера» и «поведение» зависят от самого человека. Человек может быть хорошим или плохим – по своему выбору. Но эта система дает идею различных уровней бытия. На нашем

нынешнем уровне может быть только одно знание, одно поведение, одна вера – все это определяется бытием. Но сначала идет знание – как мало мы знаем. Вы начинаете себя изучать и понимаете, что являетесь машинами, но способны стать сознательными. Машина начинает на некоем уровне бытия. Все, что она может или не может делать, зависит от этого уровня. Попытайтесь осознать, что подразумевается под бытием, его уровнями и изменением. Система говорит, что все: силы, энергии, различные виды деятельности зависят от уровня бытия. Мы не можем знать больше, ибо ограничены этим уровнем. В то же время малейшая разница в уровне бытия раскрывает новые возможности для знания и «делания». Все наши силы определяются именно уровнем бытия.

В. Как я понял, все мы находимся на одном и том же уровне.

О. Да, по сравнению с человеком № 4. Но есть люди, которые дальше от уровня человека № 4, и другие, которые к нему ближе. Как и во всем другом, здесь есть степени. Между этими двумя уровнями большое расстояние, но есть и промежуточные состояния. То же самое касается нас: каждый способен быть разным в разные моменты.

Между людьми существует небольшое различие, но этого недостаточно для измерения бытия. Все нормальные люди рождаются на одном и том же уровне и имеют равные возможности. Никто не может родиться выше обычного уровня. Мы не сумеем достичь чего-то без специальной тренировки. Эти небольшие различия между людьми – различия в функциях, но реальное различие находится в бытии – различие в состоянии сознания. Различие в функциях – это одностороннее различие.

В. Можете ли вы подробнее объяснить те степени, которые существуют между нами и человеком № 4? Я хочу понять.

О. Это правильный вопрос. Вы можете понять необходимое путем наблюдения себя и других. Существуют люди № 1, 2 и 3, которые вообще не интересуются ни возможностью развития, ни приобретением знания, ни чем-либо подобным. Затем идут те, у которых есть некая возможность понимания, но их интерес не направлен, а движется от одного предмета к другому. Далее следует направленный интерес, начало магнетического центра, встреча с влиянием С и так далее. Поэтому люди № 1, 2 и 3 способны быть очень разными – они могут быть ближе к возможностям развития, дальше от них или вовсе без каких-либо возможностей.

В. Как можно понять знание других людей, если сам находишься на ином уровне?

О. Вы имеете в виду, кто может учить, кому можно доверять? На том уровне, где мы находимся, мы можем судить о знании людей, но не об их бытии. Мы способны безошибочно определять тех, кто знает больше. Но в бытии мы легко можем ошибиться. Допустим, вы встречаете кого-то, кто знает больше, чем вы, но вы подозреваете, что его бытие ниже. Вы ошибетесь, ибо не ваше дело судить о его бытии. Оставьте его бытие в покое и попытайтесь поучиться у такого человека. Мы не способны видеть более высокие уровни бытия. Мы можем судить об уровне бытия только с позиции собственного уровня, либо уровня, находящегося ниже. Важно помнить этот принцип.

В. Эта система является системой знания?

О. Не столько знания, сколько мышления. Она показывает, как думать иначе, что именно означает думать иначе, почему лучше так поступать. А это означает думать в других категориях.

Одна из вещей, которые стоят у нас на пути, – это то, что мы не знаем, что такое «знать». Мы должны постараться понять, что это значит, – и тогда это поможет нам осознать, как думать в новых категориях.

В. Каково происхождение системы?

О. Я буду говорить не о деталях, но о принципе – о том, каково должно быть ее происхождение в принципе. Чтобы служить полезной цели, иметь какой-либо вес, учение должно исходить от людей более высокого разума, чем наш, иначе оно не поможет, и мы останемся на

том же уровне. Если учение исходит из более высокого уровня, мы можем чего-то ожидать. Если оно исходит из того же уровня, что и наш, ожидать нечего. Мы имеем достаточно материала для оценки. Мы можем спросить себя: было ли оно изобретено на том же уровне, что и наш, или же на другом? Если количество материала, который мы имеем, не дает нам возможности судить, то мы должны ждать. Но только мы сами должны судить об этом. Если я скажу вам свое мнение, вы не сможете его проверить. Полезно подумать об этом. Вы должны найти собственные ответы.

В. Передавалась ли эта система через поколения в течение многих веков?

О. Как вы можете это проверить?

В. Я поверю вашему слову.

О. Вы не должны ничему верить.

В. Можете ли вы сказать нам, где искать ее происхождение и следы?

О. В самих себе. Дала ли она вам что-то, чего у вас не было раньше?

В. Скорее всего, невозможно понять эту систему, пока не достигнешь уровня, на котором она была создана.

О. Понимание относительно. Мы способны понять многие вещи на нашем уровне, только тогда мы можем двигаться дальше. Мы не вольны перескакивать через уровни. Несомненно, с помощью этой системы мы можем понять себя и жизнь лучше, чем с помощью любой другой известной мне системы. Если мы можем сказать, что получили от нее то, чего не могли получить на каком-то другом пути, мы должны продолжать изучать ее. Мы должны уметь ценить. Уже через очень короткое время можно судить. Лично я очень многому научился из этой системы в короткое время и с ее помощью начал понимать даже те вещи, которые встречал в других системах и не понимал. Например, возьмите «сон» в Новом Завете. Люди не замечают, что там постоянно об этом говорится: о том, что люди спят, но способны пробудиться, хотя это и невозможно совершить без усилий. Эта система объясняет не только саму себя, но и то, что истинно в других системах. Она объясняет, что, если люди хотят понять друг друга, это возможно только среди пробужденных людей. В обычной жизни все безнадежно запутанно, люди созданы вовсе не так, чтобы понимать друг друга. Если бы понимание было необходимо, то люди были бы созданы по-другому. Человек должен завершить свое развитие собственными усилиями. Осознать это мы можем, если осознаем природу воли и сознания. С этим связана и способность понимания. Если люди работают с целью достижения сознания и воли, они начинают понимать друг друга. В жизни, имея даже наилучшие стремления, мы совершаем грубые ошибки. Люди – машины, они не созданы для того, чтобы друг друга понимать.

В. Возможно ли понять причину этой неразберихи? С какой целью все устроено подобным образом?

О. Чтобы увидеть опасность и попытаться начать понимать существующую ситуацию. Люди никогда не понимали друг друга, но в наше время ситуация становится все более сложной и опасной. В то же время люди, такие, какие они есть, служат целям Луны и Земли. Но об этом мы поговорим позже.

Было бы ошибкой считать наше время похожим на любое другое. Сейчас существуют исключительные трудности и исключительно благоприятные условия.

В. Трудности, вероятно, будут увеличиваться со временем?

О. Да, но не дальше определенного предела – так как иначе теряется любая возможность. Важно осознать не в теории, но путем видения фактов, что люди не понимают друг друга, а ситуация становится все сложнее и сложнее. Если у людей есть пулеметы, это еще опаснее. А у них есть пулеметы во многих смыслах. Поэтому каждое неправильное понимание становится глубже и сложнее.

В. Каков же конец?

О. Неизвестно, ибо любое предположение будет только гаданием. Конечно, мы не можем ожидать от этого ничего хорошего.

Вы видите, все наши обычные взгляды на вещи ничего не стоят, они никуда не ведут. Необходимо мыслить иначе, а это означает видеть то, что мы не видим теперь, и не видеть того, что видим. И это последнее, быть может, труднее всего, так как мы привыкли видеть определенные вещи. Это большая жертва – не видеть то, что мы привыкли видеть. Мы привыкли думать, что живем в более-менее удобном мире. Конечно, существуют неприятные вещи, такие как войны и революции, но в целом это удобный и справедливый мир. Труднее всего избавиться от этой идеи – идеи справедливого мира. А затем мы должны понять, что вообще не осознаем положение дел. Мы видим, как в аллегории Платона о пещере, только отражения вещей, поэтому то, что мы видим, совершенно нереально. Мы должны осознать, как часто нами владеют и управляют не сами вещи, но наши идеи, взгляды и представления о них. *Именно это* – самое интересное. Постарайтесь поразмыслить на эту тему.

Глава III

Самоизучение и совершенствование. – Состояния сознания и функции. – Степени сознательности. – Разделение функций. – Самовоспоминание. – Механичность. – Изучение функций четырех центров. – Подразделение центров. – Внимание. – Формирующий аппарат. – Неправильная работа центров. – Четыре вида энергии. – Остановка утечек. – Отрицательные эмоции. – Остановка выражения отрицательных эмоций. – Изменение отношений.

В этой системе, которая изучает человека как незавершенное существо, особое ударение делается на самоизучении, и в этом смысле идея самоизучения обязательно связана с идеей совершенствования. Такие как мы есть, мы можем использовать очень небольшую часть своих сил, но изучение развивает их. Самоизучение начинается с изучения состояний сознания. Человек имеет право на самосознание – даже такой, какой он есть, без какого-либо изменения. Объективное сознание требует в нем многих изменений, но самосознание он способен иметь и теперь. Но он не имеет его, хотя думает обратное. Как возникла эта иллюзия? Почему человек приписывает себе самосознание? Он приписывает его себе потому, что это его законное состояние. Если он себя не сознает, то живет ниже своего законного уровня, использует только одну десятую собственных сил. Но пока он приписывает себе то, что является только возможностью, он не станет работать для достижения этого состояния.

Затем возникает вопрос: почему человек не имеет самосознания, если у него есть для этого все необходимые приспособления и органы? Причина этого – его сон. Пробудиться нелегко, так как для сна есть много причин. Часто задают вопрос: все ли люди имеют возможность пробуждения? Нет, не все: очень немногие способны понять, что спят, и сделать необходимые усилия для пробуждения. Во-первых, человек должен быть подготовлен и обязан понимать свое положение; во-вторых, он должен иметь достаточно энергии и достаточно сильное желание, чтобы суметь выйти из этого положения.

Во всей этой странной комбинации под названием «человек» может быть изменено только одно – сознание. Но сначала человек должен понять, что он машина, – и тогда он сумеет затянуть одни гайки, ослабить другие и так далее. Он должен изучать, именно здесь начинается возможность изменения. Когда он поймет, что является машиной, и когда узнает кое-что о своей машине, он увидит, что эта машина может работать в различных условиях сознания, и поэтому будет стараться дать ей лучшие условия.

В этой системе нам говорят, что человек имеет возможность жить в четырех состояниях сознания, но живет только в двух. Кроме того, нам известно, что наши функции делятся на четыре категории. Таким образом, мы изучаем четыре категории функций в двух состояниях сознания. В то же время мы понимаем, что случаются проблески сознания, а иметь большее их количество нам мешает то, что мы себя не помним, – ибо спим.

Первое, что необходимо понять при серьезном изучении себя, это следующее: сознание имеет степени. Вы должны помнить, что не переходите от одного состояния сознания к другому, но что они добавляются друг к другу. Это значит, что если вы находитесь в состоянии сна, то, когда пробуждаетесь, состояние относительного сознания или «бодрствующего сна» добавляется к состоянию сна; если вы начинаете себя осознавать, это состояние добавляется к «бодрствующему сну»; а если достигаете состояния объективного сознания, оно добавляется к состоянию самосознания. Нет резких переходов от одного состояния к другому. Почему так? Потому что каждое состояние состоит из различных слоев. Как во сне вы способны спать крепче или менее крепко, так и в состоянии, в котором мы находимся теперь, вы можете быть ближе к самосознанию или дальше от него.

Вторая вещь, необходимая при серьезном изучении самого себя, это изучение функций посредством их наблюдения, умение правильно их разделять и распознавать каждую из них.

Каждая функция имеет собственную профессию, собственную специальность. Они должны изучаться отдельно одна от другой. Необходимо ясно понимать их различия – с учетом того, что они управляются разными центрами или разумами. Очень полезно думать о наших различных функциях или центрах и осознавать, что они совершенно независимы. Мы не осознаем того, что в нас есть четыре независимых существа, четыре независимых разума. Мы всегда пытаемся свести все к одному разуму. Инстинктивный центр способен существовать совершенно отдельно от других центров, двигательный и эмоциональный центры могут существовать без интеллектуального. Мы можем представить себе четырех разных людей, живущих в нас. Тот, кого мы называем инстинктивным, – это физический человек. Двигательный человек тоже физический, но с другими наклонностями. Затем есть еще сентиментальный, или эмоциональный, человек, и теоретический, или интеллектуальный, человек. Если мы посмотрим на себя с этой точки зрения, то легче увидеть, в чем наша главная ошибка: мы принимаем себя за одного человека, всегда одного и того же.

У нас нет возможности видеть центры, но мы можем наблюдать функции; чем больше вы наблюдаете, тем больше материала будете иметь. Это деление функций очень важно. Контроль над любой из способностей может быть получен только с помощью знания. Каждую функцию можно контролировать только в том случае, если мы знаем ее особенности и скорость.

Наблюдение функций должно быть связано с изучением состояний сознания и степеней сознания. Необходимо ясно понять, что сознание и функции – совершенно разные вещи. Двигаться, думать, чувствовать, иметь ощущения – это функции; они могут работать совершенно независимо от того, сознательны мы или нет; другими словами, они могут работать механически. Быть сознательным – это нечто совершенно иное. Но если мы более сознательны, это немедленно увеличивает остроту всех функций.

Функции можно сравнить с машинами, работающими при различных степенях освещенности. Эти машины таковы, что способны работать лучше при свете, чем в темноте: как только становится больше света, машины работают лучше. Сознание – это свет, а машины – функции.

Наблюдение функций требует длительной работы. Необходимо найти много примеров каждой из них. При изучении мы неизбежно увидим, что наша машина работает неправильно. Некоторые функции верны, в то время как другие с точки зрения цели нежелательны. Мы должны иметь цель, иначе изучение не даст никаких результатов. Если мы понимаем, что спим, целью будет пробуждение; если понимаем, что мы машины, целью явится перестать таковыми быть. Если мы хотим стать более сознательными, мы должны изучить, что мешает нам себя помнить. То есть мы должны привнести некоторую оценку функций с точки зрения того, полезны они или вредны для самовоспоминания.

Таким образом, есть две линии изучения: изучение функций центров и изучение ненужных или вредных функций.

В. Метод данного изучения – наблюдение?

О. С его помощью можно найти многое, и оно может подготовить основу для дальнейшего изучения, но самого по себе его недостаточно. Одним самонаблюдением невозможно распознать наиболее важные деления в себе самом – как горизонтальные, так и вертикальные – ибо существует множество различных делений. Невозможно распознавать различные состояния сознания и разделять свои функции. Нужно знать главные деления, иначе вы будете ошибаться и не будете понимать, что именно наблюдаете.

Человек – очень сложная машина. Точнее говоря, он не машина, но большая фабрика, состоящая из многих разнообразных машин, работающих с различными скоростями, на различном топливе, в различных условиях. Так что это не только вопрос наблюдения, но и вопрос знания. Человек не может получить это знание из самого себя, так как природа не сделала это знание инстинктивным – оно должно быть приобретено разумом. Инстинктивно человек способен знать, что такое кислое, сладкое и тому подобные вещи, но на этом инстинктивное зна-

ние заканчивается. Поэтому человек должен учиться, и он должен учиться у того, кто учился прежде него.

Если вы станете прилагать серьезные усилия по наблюдению своих функций, то увидите, что, как правило, при всем, что вы делаете, думаете, чувствуете, вы себя не помните. Вы не сознаете, что вы присутствуете, что вы находитесь здесь. В то же самое время вы обнаружите, что если прилагаете достаточно усилий в течение продолжительного времени, то увеличиваете свою способность к самовоспоминанию. Вы начнете вспоминать себя чаще, вы начнете вспоминать себя глубже, вы начнете вспоминать себя в связи с большим количеством идей – идеей сознания, идеей работы, идеей центров, идеей самоизучения.

Но вопрос стоит в том, *как* вспоминать себя, как сделать себя более сознательным? Первый шаг – понять, что вы несознательны. Когда мы это поймем и станем наблюдать себя в течение некоторого времени, мы должны пытаться ловить себя на тех моментах, когда несознательны, и это постепенно сделает нас сознательнее. Это усилие покажет, насколько мало у нас сознания, так как в обычных условиях жизни очень трудно себя осознавать. Сейчас вы ставите себя в искусственные условия, вы думаете о себе: «Я сижу здесь» или «Я есть я», но даже так вы не сможете делать это долго. А в обычных условиях, когда вы о чем-то думаете, говорите или что-то делаете, вас все отвлекает, и вы не способны себя помнить. Выражение «помнить себя» взято намеренно, так как в обычном разговоре мы часто говорим «он забыл себя» или «он вспомнил себя вовремя». Мы употребляем это выражение только по отношению к крайним формам отрицательных эмоций, но в действительности мы забываем себя постоянно и, за исключением очень редких моментов, никогда не вспоминаем вовремя.

В. Самовоспоминание – это самое начало системы?

О. Самовоспоминание – суть начала, и оно должно продолжаться, должно входить во все. Это кажется невыполнимым, так как вы можете пытаться себя вспомнить, а затем обнаруживаете, что в течение продолжительных периодов времени это не приходит вам на ум; тогда вы опять начинаете вспоминать об этом. Но усилия такого рода никогда не теряются; кое-что накапливается, и, в определенный момент, когда в обычном состоянии вы были бы полностью отождествлены и погружены в вещи, вы находите, что можете стоять в стороне и контролировать себя. Вы никогда не знаете, когда и как это случится. Вы должны делать только то, что можете, – наблюдать себя, изучать и главное, пытаться вспоминать себя, затем в какой-то момент вы увидите результаты.

В. Как использовать память с целью самовоспоминания?

О. Самовоспоминание в действительности не связано с памятью, это просто выражение. Оно означает самоосведомленность, или самосознание. Необходимо себя осознавать. Это начинается с умственного процесса – с усилия вспомнить себя. Способность помнить себя должна быть развита, так как при самонаблюдении мы должны пытаться изучать свои функции отдельно одну от другой – интеллектуальную отдельно от эмоциональной, инстинктивную отдельно от двигательной. Это очень важно, но нелегко.

В. Вы имеете в виду, что мы должны практиковать наблюдение этих различных функций?

О. Да, в какие-то моменты дня мы должны стараться увидеть в себе, что думаем, как чувствуем, как движемся и так далее. В один момент вы можете сосредоточиться на интеллектуальной функции, в другой – на эмоциональной, затем – на инстинктивной или двигательной. Например, попробуйте выяснить, о чем вы думаете, почему и как вы это делаете. Попытайтесь наблюдать, что вы видите и слышите, свои физические ощущения (например, тепло и холод). Затем каждый раз, когда вы делаете движение, вы можете увидеть, как двигаетесь – сидите, стоите, ходите и так далее. Отделить инстинктивные функции нелегко, так как в обычной психологии они смешаны с эмоциональными. Требуется некоторое время, чтобы поставить их на правильное место.

В. Будет ли какой-либо смысл в нарушении некоторых привычных действий, таких, например, как ложиться спать в определенное время?

О. Механические изменения такого рода могут быть полезны в самом начале самоизучения, но не способны произвести какой-либо длительный эффект. Они могут помочь вам увидеть нечто, что вы не увидели бы иным путем, но сами по себе не способны ничего изменить. Изменение должно начинаться изнутри, с изменения сознания, с момента, когда вы начинаете себя вспоминать, или даже раньше, когда начинаете осознавать возможность самовоспоминания, и это по-настоящему важно. Только, к сожалению, часто случается так, что люди начинают хорошо, но затем теряют линию усилий.

В. Вредит ли механичности наблюдение за ней? Я подразумеваю физическую работу.

О. Без работы над сознанием все те наши стороны, которые способны быть сознательными, будут становиться все более и более механическими. Только очень однообразная работа без каких-либо изменений полностью механична. Если работа немного сложнее, тогда чем более она механична, тем хуже. Ни в какой работе механичность не полезна – нужно приспосабливаться, изменять методы, чтобы работать хорошо, а для этого каждый должен сознавать, что он делает. Быть умелым в физической работе не означает механичность. Тренировка не делает нас более механическими. Быть специалистом – это значит быть разумным в своей работе.

В. Кажется, что двигательный и инстинктивный центры работают равномернее и нормальнее, чем интеллектуальный и эмоциональный. Почему так?

О. Потому что иначе люди шли бы налево вместо того, чтобы идти направо, и никогда не приходили бы туда, куда хотели прийти. И если бы инстинктивный центр был таким же, каковы сейчас интеллектуальный и эмоциональный, то человек очень скоро отравил бы сам себя. Определенная степень нормальности обязательна для инстинктивного и двигательного центров. Другие центры могут сходить с ума без немедленного вреда.

Чтобы понять механичность человека, очень полезно научиться думать о нем как о машине, изучать функции этой машины и понять главные деления функций не только вообще, не только в теории, но изучать их в их деятельности, узнать, как они работают. Это деление на четыре функции – только предварительное деление, так как каждая из них делится еще раз. Все это нужно изучить и понять путем наблюдения, так как одно теоретическое изучение не дает того результата, не ведет к таким заключениям, не показывает той истины. Например, очень мало систем признают существование инстинктивного центра, или инстинктивного разума, и я не слышал, чтобы хоть одна система признавала существование независимого двигательного разума. Тем не менее, двигательный разум играет очень важную роль в нашей жизни, поэтому отсутствие такого деления в значительной степени портит результаты обычного наблюдения человека, особенно в современной психологии, ибо, поскольку этот факт не признается, многим вещам приписывается ложное происхождение. Очень важно изучать и наблюдать двигательный центр, так как, кроме движения в пространстве, он имеет другие функции, как, например, подражание, которое является очень важной функцией в человеке № 1. Кроме того, двигательный центр управляет снами, и не только ночными, но и снами в бодрствующем состоянии – грезами. А так как бóльшая часть нашей жизни проходит либо в реальных снах, либо в грезах, изучение двигательной функции крайне важно. Мы думаем, что интеллектуальная и эмоциональная стороны важнее, но на самом деле почти вся наша жизнь управляется инстинктивным и двигательным разумами. Так что двигательный центр имеет как много полезных, так и много бесполезных функций.

В. Существует ли связь между механическим поведением и двигательным центром?

О. Нет, двигательный центр означает только разум, законной функцией которого является управление движениями. Поэтому «двигательный» и «механический» – не одно и то же. Каждый центр может быть механическим, каждая функция может быть более или менее меха-

нической, более или менее сознательной. Конечно, в нас существуют некоторые механические процессы, которым нет необходимости становиться сознательными, – например, физиологические, которые организуются и управляются собственным разумом. Но наши действия в целом, как по отношению к себе, так и к другим людям, могут быть вредны, если предоставлены сами себе.

В. Всегда ли механичны разговоры? Я часто начинаю говорить прежде, чем успеваю остановить это.

О. В большинстве случаев. Это одна из первых вещей, которую нужно наблюдать и бороться с ней. Делать это очень трудно, но необходимо.

В. Я привык думать, что говорение о моих наблюдениях помогает мне формулировать их. Но теперь я чувствую, есть опасность того, что наблюдение испаряется в разговоре.

О. Разговоры могут быть очень разными – вы можете говорить только для того, чтобы говорить, или вы можете заставлять себя говорить, делать это с усилием. Разговор способен стать пробуждением, но он может быть и сном.

В. Существует ли способ делать больше усилий по наблюдению?

О. Если вы поставите себя в более трудное положение, например, если примете непривычную позу, вы не сможете остановить наблюдение. Мы себя не наблюдаем, потому что жизнь слишком легка. Если вы голодны, замерзли, устали, вы будете себя наблюдать. Но в условиях цивилизации нет сильных физических ощущений. Мы сглаживаем все прежде, чем оно достигает той степени, которая заставит нас наблюдать.

В. Это те виды наблюдения, которые нам следует практиковать? Я думал, что это наблюдение наших внутренних состояний.

О. Все полезно. Изучение машины так же необходимо, как и изучение психологической стороны. Нельзя изучать одну сторону без другой. Нужно знать, как работает машина.

В. Как можно проверить, сколько существует центров?

О. Путем наблюдения. Обычным путем вы можете наблюдать четыре различных функции, которые очевидно идут из различных источников, управляемых различными принципами. Самонаблюдение показывает это совершенно ясно, и спустя некоторое время вы не сможете их спутать.

В. Почему современные психологи не пришли к такому заключению?

О. Потому что они не знают об этом. Такое деление центров выглядит очень просто, однако тот факт, что оно неизвестно, показывает, что обычный ум не может его обнаружить. Обычный ум, если вы возьмете существующую психологию, чувствует нечто различное, но не может определенно сказать, что это одна вещь, а это другая. Эта идея идет из школ, точно так же, как идея о четырех состояниях сознания. Вы можете найти эту последнюю идею в литературе, но описание ее совершенно иное, то есть она также идет из школ и должна объясняться устно. Есть то, что можно описать в книгах, и есть то, что никогда не будет описано правильно.

В. То есть идея центров – это старая идея?

О. Она очень стара, но мы не способны узнать о ней до тех пор, пока нам о ней не скажут. Если нам скажут, мы можем понаблюдать себя и найти, что это верно, но сами по себе мы не способны о ней узнать. Это доказывают факты, так как она до сих пор еще не открыта.

В. Где расположены центры?

О. Это не имеет значения, так как каждый центр занимает все тело. Нет ни одной клетки в нашем теле, которая не управлялась бы всеми центрами. Это не следует принимать слишком буквально. Например, нельзя сказать, что интеллект управляет каждой клеткой, есть ограничения, но, вообще говоря, каждый центр управляет всем телом своим особым образом. Обычное наблюдение не поможет узнать физическую сторону, однако мы способны изучать функции, а это дает весь необходимый материал.

В. Значит, человек может наблюдать интеллектом?

О. Вы не можете делать ничего другого. Это единственная часть нас, которая находится до некоторой степени под контролем, поэтому мы можем использовать разум для наблюдения. Позже, возможно, вы сможете приучить к наблюдениям и другие центры, но на это потребуется время. Конечно, другие центры при этом не должны быть помехой. Например, если вы эмоционально отождествляетесь с чем-то, это будет мешать наблюдению – вы хотите думать об одном, но отождествление будет постоянно приносить другие мысли и ассоциации. Долгое время мы должны работать из интеллектуального центра, но при этом мы обязаны понимать, что не сможем пойти с ним далеко, так как он имеет определенные пределы. Он доведет до определенного пункта, после которого вы не сможете идти дальше, если не задействуете эмоциональный центр. Но эмоциональный центр сначала должен быть обучен. Вы должны учиться не выражать отрицательные эмоции, и только если вы делаете это в течение достаточно долгого времени, вам могут стать понятны другие вещи.

В. Нельзя позволять эмоциям руководить собой без участия интеллекта?

О. Мы могли бы позволить, если бы находились в нормальном состоянии, а так мы не знаем, куда они нас заведут. Нет гарантии, что они поведут нас тем путем, которым мы хотим идти, – мы можем хотеть попасть в одно место, а эмоции заведут нас в другое.

В. То есть эмоции должны развить собственный разум?

О. Я вполне согласен с вами, но что это значит? Это значит, прежде всего, что вы должны учиться контролировать выражение всех неприятных эмоций, только тогда вы сможете эмоционально знать, что делать дальше.

В. Вы говорите, что мыслительные и эмоциональные функции абсолютно разные. Но не слишком ли это трудно – увидеть их различие?

О. Нет, это совсем не трудно, необходимо только немного терпения и наблюдения; спустя некоторое время вы увидите совершенно ясно, что такое мышление и что такое чувство.

В. Эти три центра часто работают одновременно?

О. Да, но «одновременно» может иметь различные значения. Очень редко они одновременно работают над одним и тем же предметом. Все четыре функции способны работать и работают одновременно, но они могут работать над различными вещами. Примером одновременной работы всех четырех функций над одним и тем же предметом является художественное творчество.

Вследствие своей одновременной работы центры часто становятся очень смешанными, тем не менее, их можно различить. Это начало самонаблюдения и самопонимания: мы должны понять различные функции и затем начать разделять их.

В. Почему двигательный центр может остановить воображение? Например, я нахожу, что работа в саду или любая физическая работа помогают остановить его.

О. Это значит, что один и тот же центр занят и воображением, и работой в саду. Это только доказывает, что воображение есть функция двигательного центра.

В. Я не могу понять важности, придаваемой идее центров.

О. Очень важно видеть, что разум разделен на четыре разума, что в нас нет единства, что эти четыре разума, или функции, совершенно различны. Одно это дает нам совершенно другую картину самих себя.

В. Как можно различать эмоции и инстинкт?

О. Это очень важный вопрос, и он должен быть решен собственным наблюдением и изучением. Инстинктивные эмоции всегда связаны с чем-либо физическим. Так как современная психология не отличает инстинктивных эмоций от иных эмоций, есть некоторая трудность в понимании разницы. Но когда вы знаете, что они разные, то отличить их друг от друга возможно.

В. Существует ли что-либо, что может управлять непослушными органами или клетками?

О. Да, инстинктивный центр. Вы думаете, мы сможем прожить хотя бы полчаса, если инстинктивный центр не будет работать? Он знает правильную и неправильную работу каждого органа. Он всегда старается сделать так, чтобы они работали правильно. Мы думаем, что органы работают сами по себе, – это воображение. Они управляются инстинктивным центром. Это и есть «инстинкт» в самом реальном смысле по отношению к человеку.

В. Имеет ли качество интеллекта какое-либо отношение к приобретению сознания?

О. Да, потому что мы должны начинать с интеллекта. Интеллектуальный центр лучше развит, или больше находится под своим собственным контролем. Эмоциональный центр более безответственен. Поэтому, поскольку у нас больше власти над интеллектуальным центром, мы должны использовать его до тех пор, пока либо не станем более сознательными, либо не научимся применять другие функции эффективнее и управлять ими лучше, чем делаем это теперь. Сейчас у нас нет никакого контроля над инстинктивной и эмоциональной функциями – мы лишь отчасти контролируем двигательную функцию. Ими движут внешние влияния. Мы не можем быть довольными или сердитыми без причины, а причина означает нечто внешнее. Позднее работа должна проходить в эмоциональном центре, так как основная энергия находится именно в нем. Интеллектуальный центр – только вспомогательный, но на данный момент это все, что у нас есть.

* * *

Я хочу немного больше рассказать вам о центрах, это поможет понять ситуацию. Некоторые центры делятся на две половины – положительную и отрицательную. Это деление очень ясно в интеллектуальном и инстинктивном центрах. В интеллектуальном центре это «да» и «нет», утверждение и отрицание. Вся работа интеллектуального центра состоит из сравнения. Деление в инстинктивном центре вполне очевидно: удовольствие – боль. Вся инстинктивная жизнь управляется этим. На первый взгляд кажется, что эмоциональный центр тоже состоит из двух половин – приятных и неприятных эмоций. Но на самом деле это не так. Все наши гневные и гнетущие эмоции (да и вообще – бóльшая часть умственного страдания) имеют один и тот же характер – они не естественны, и наш организм не имеет реального центра для этих отрицательных эмоций, они работают при помощи искусственного центра. Этот центр – род опухоли – создается в нас постепенно с раннего детства, так как ребенок растет в окружении людей с отрицательными эмоциями и подражает им.

В. Разве инстинктивные эмоции не являются отрицательными?

О. Они могут быть отрицательны, но они законны. Все они полезны. Отрицательная половина инстинктивного центра – это сторожевой, предупреждающий нас об опасности. В эмоциональном центре отрицательные эмоции очень вредны.

Далее, каждая половина центра делится на три части: интеллектуальную, эмоциональную и двигательную (механическую). Двигательная часть каждого центра – самая механическая и наиболее часто используемая. Обычно мы задействуем только механические части центров. Даже эмоциональные части используются только изредка, не говоря уже об интеллектуальных. Это показывает, как мы ограничиваем себя, как мы используем только малую, самую слабую часть своего организма.

Очень легко различить эти три части, когда мы начинаем себя наблюдать. Механические части не требуют внимания. Эмоциональным необходим сильный интерес или отождествление, внимание без усилия или намерения, так как внимание привлекается и удерживается притяжением самого объекта. А в интеллектуальных частях вы должны управлять вниманием.

Когда вы приучитесь управлять вниманием, то сразу увидите, что я имею в виду. Для начала характер самого действия даст вам понять, в каком центре вы находитесь, а затем наблюдение за вниманием покажет вам часть центра.

Особенно важно наблюдать эмоциональные части и изучать вещи, которые привлекают и удерживают внимание, так как они дают начало воображению. Изучение внимания – очень важная часть самоизучения, и если вы начнете наблюдать это деление центров на части, в дополнение к делению на сами центры, это даст вам возможность различать более мелкие детали и поможет изучать внимание.

В. Возможно ли для нас таких, какие мы есть, уделить внимание чему-либо без отождествления?

О. Конечно. Только вы должны отличать внимание от отождествления. Вниманием можно управлять, отождествление механично.

В. Вы сказали, что у нас есть три вида внимания?

О. Нет. Внимание одно, нет никакого другого внимания. Но иногда вы можете действовать без внимания – вы способны совершать многие действия, даже нормальные логические действия, безо всякого внимания. В других случаях внимание привлекается и удерживается притяжением своего объекта, а в третьем случае вы сами управляете вниманием.

В. Я обнаружил, что если я управляю вниманием даже в течение короткого времени, то не могу запустить воображение.

О. Совершенно верно, так как воображение происходит в механических частях центров, безо всякого внимания. Если внимание на чем-то сосредоточено, воображение останавливается.

В. Управлять вниманием можно только в том случае, если помнишь себя?

О. Более-менее, но вместе с тем управляемое внимание возможно и в обычной жизни. Иногда люди способны управлять вниманием и выполнять интересную работу без какого-либо знания о самовоспоминании. Хотя управляемое внимание очень близко к самовоспоминанию, все же между ними есть разница. Внимание может быть только в одном центре, тогда как самовоспоминание требует работы трех или даже четырех центров.

В. Кажется, управляемому вниманию очень легко стать отождествлением.

О. Нет, они различны. Одно представляет собой максимум контроля, другое – его минимум. В отождествлении нет никакой возможности контроля.

В. Можно ли подтолкнуть интеллектуальный центр к работе?

О. Развивайте внимание. Вы увидите тогда, что это дает различные результаты. Думайте со вниманием. Не позволяйте себе думать механически. Механическое мышление превращается в воображение.

В. Какая разница между сознательным и намеренным деланием?

О. Мы не можем говорить о сознательном делании, так как мы не сознательны. Что касается намеренного делания – если вы делаете какую-то работу и должны уделять ей все свое внимание, то тогда, даже не замечая этого, часть вашего усилия будет связана с удержанием внимания на том, что вы делаете. Но если работа становится совершенно механической, то вы можете думать о чем-то другом, а ваши руки по-прежнему будут ее делать. Это и есть механическая часть центра. Если работа требует постоянного мышления, изобретательности, приспособления, то вам нужно работать интеллектуальными частями.

Механическая часть интеллектуального центра имеет особое название. Иногда о ней говорят как об отдельном центре, и тогда ее называют формирующим центром, или формирующим аппаратом. Большинство людей пользуются только этой частью, они никогда не используют лучшие части интеллектуального центра. Но идеи системы или подобные идеи вообще не могут быть поняты формирующим аппаратом. Он имеет вполне определенные пределы. Одна из его особенностей в том, что он сравнивает только две вещи, как будто в любой ситуации существуют только две стороны. Затем, формирующий центр любит мыслить в крайностях; например, либо он знает все, либо не знает ничего. Другая его особенность – немедленно искать противоположное. Можно найти много примеров формирующего мышления. Напри-

мер, если я говорю, что вы должны делать то или делать это, люди говорят: «Но вы сказали, что мы не можем делать!» Если я говорю, что это требует силы воли, они отвечают: «Как, если мы не имеем воли?» Если я говорю, что можно быть более сознательным или менее сознательным, люди возражают: «Но у нас нет сознания!» Все это примеры формирующего мышления.

В. Можете ли вы дать пример правильного использования формирующего аппарата?

О. Если интеллектуальный центр работает нормально, то есть если другие части выполняют свою работу, то и формирующий центр выполняет свою работу вполне правильно. Это регистрирующий аппарат. Нас беспокоит только его неправильная работа. Это относится не только к формирующему аппарату, но ко всем механическим частям центров. Они становятся опасными только тогда, когда начинают работать неправильно. Поэтому нет необходимости беспокоиться об их правильной работе. Прежде всего мы должны остановить работу неправильную. Механическая часть эмоционального центра желает выполнять работу высшей части, и то же самое с формирующим центром – он хочет выполнять работу интеллектуального центра, и в результате двигательная часть этого центра составляет всю интеллектуальную жизнь обычного человека.

В. Тогда как вы объясните то, что люди иногда бывают в высших частях центра? У человека иногда возникают идеи.

О. Некоторые комбинации идей могут «случаться», но нам нужен контроль, а не объяснение вещей, которые случаются сами собой. Один или два раза может случиться что угодно, но это не имеет никакой практической ценности или значения – так же, как раз или два можно найти деньги на улице, но прожить на это не получится.

В. Я не понимаю, что означает действовать механически, потому что человек, кажется, тратит половину своей жизни, делая что-то механически (например, пишет). Нужно ли все это разрушить?

О. Это двигательный центр, а я говорил не об этом. Многие вещи механичны и должны оставаться механичными. Но механические мысли, механические чувства – вот что необходимо изучить, вот что может и должно быть изменено. Механическое мышление не стоит ни гроша. Вы способны думать о многих вещах механически, но вы ничего не получите из этого. Механическим путем вы можете использовать только малую часть интеллектуального центра – формирующий аппарат, и на это не стоит тратить время.

Есть одна вещь, которую вы должны понять о частях центров. Интеллектуальные части отличаются одна от другой значительно меньше, чем другие части. Это деление на интеллектуальную, эмоциональную и двигательную части очень ясно и резко определено в низших частях центров, но оно становится значительно менее очевидным в высших частях.

В. Мешают ли работе друг друга только различные центры, или одна часть центра может мешать работе другой части этого же центра?

О. Может быть что угодно. Допустим, вы работаете двигательным центром – тогда может вмешаться инстинктивный или эмоциональный центр, или же другая часть двигательного центра. Либо, если вы чувствуете себя в одном центре, а затем начинаете говорить, вы переходите в другой центр и можете даже забыть, что хотели сказать.

В. Составляет ли сумма интеллектуальных частей различных центров интеллектуальный центр или они все отдельны?

О. Нет, все они могут работать отдельно, но, конечно, если бы человек мог управлять интеллектуальными частями всех центров и заставить их работать совместно, это был бы путь к высшим центрам. Интеллектуальные части сами по себе не составляют одного центра, но объединенная их работа гораздо лучше той, что они совершают по отдельности.

В. Ослабляет ли работа над собой функции механических частей центров?

О. Она будет ослаблять функции механических частей в том смысле, что она станет уменьшать механичность там, где полезны внимание и сознание. Механические части будут

выполнять ту работу, для которой они предназначены, и, возможно, выполнять ее лучше, чем теперь, так как сейчас они слишком заняты вещами, которые их не касаются. Это даст возможность работать лучшим частям центров.

В. Механичность нужно рассматривать как факт для наблюдения или как зло, с которым необходимо бороться?

О. Вы никогда не поймете механичность, если таким образом говорите о незначительных вещах. Но когда вы видите или отыскиваете в своей памяти, как совершенно механически вы способны совершить самые отвратительные поступки, о которых позже не можете понять, как вы вообще могли их сотворить, тогда вы узнаете, что такое механичность. Всю жизнь мы делаем механически то, чего никогда не сделали бы сознательно. Именно это мы должны понять. Если мы пересмотрим свою жизнь год за годом, месяц за месяцем, то увидим то, чего никогда не сделали бы сознательно. Или же увидим то несделанное, что непременно сделали бы, будь мы сознательны. Именно так нужно думать о механичности.

В. Будет ли формулирование правильной функцией интеллектуального центра?

О. Совершенно верно. Могут быть различные степени, но в настоящее время мы можем говорить только о формулировании и формировании. В этой связи очень важно понять правильное значение слова «формирование». Есть два метода умственных заключений – формирование и формулирование. Формирование – это заключение, достигнутое путем наименьшего сопротивления, путем избегания любых трудностей. Это легче, так как делается само собой – готовые фразы, готовые мнения, штампы. Обычно они недостаточны, за исключением наипростейших случаев. Формулирование – это заключение, достигнутое на основе всего доступного материала; оно требует усилия и иногда трудно дается, но ни на что лучшее мы не способны.

В. Разве мы можем формулировать? Ведь какие-то «Я» будут искажать факты?

О. Если они что-то и исказят, они исказят формулирование. Но необходимо научиться отличать формулирование от формирования. Формирование – это один беглый взгляд, иногда совершенно ошибочный, а формулирование, как я сказал, – это когда вы собираете все, что знаете о данном предмете, и пытаетесь сделать некоторый вывод.

В. Почему я иногда нахожу лекции интересными, а иногда нет?

О. Потому что вы находитесь в разных центрах. В одном центре вам это интересно, в другом нет. Допустим, вы находитесь в инстинктивном центре – он не может интересоваться эзотерическими идеями, он интересуется едой и прочими подобными вещами. Но если вы находитесь в интеллектуальном или частично в эмоциональном центре, то вам станет интересно. Вы знаете, что в нашем доме есть четыре комнаты, и наш интерес зависит от того, в какой комнате мы находимся.

В. Мне кажется, что когда человек печатает на машинке простой текст, то он делает это быстрее, чем при работе с каким-нибудь сложным интеллектуальным текстом.

О. Потому что во втором случае работают два центра. Сложная работа требует двух центров. Но даже в простом копировании участвует интеллектуальный центр. Двигательному центру нельзя много доверять – он управляет воображением и грезами. Поэтому, когда он работает, интеллектуальный центр наблюдает. Если человек работает одним только двигательным центром, он наполовину спит. Всякое сотрудничество центров – это некоторая степень пробуждения. Что означает засыпание? Рассоединение центров.

В. Речью управляют два центра, не так ли?

О. Даже больше. Вообще она частично инстинктивна, частично двигательна, частично интеллектуальна и может быть эмоциональной, так что она способна включать все четыре функции.

В. Является ли интеллектуальная часть каждого центра лучшей частью, той, которую следует развивать и поддерживать, в отличие от эмоциональной и механической частей каждого центра?

О. Все части одинаково необходимы, но каждая должна выполнять собственную работу. Части сами по себе не являются неправильными, каждая из них имеет свою функцию, но если они заменяют друг друга, их работа становится неправильной.

Видите ли, идея о том, что мы используем не весь мозг, но только часть его, не нова, но психологические системы не объясняют, что именно мы не используем, потому что части центров не находятся на одном и том же уровне – в действительности это разные машины. Эта система дает настоящую анатомию мозга и вообще всей ментальности. Поэтому это очень важный пункт, и если человек начинает наблюдать себя с точки зрения внимания, он способен понять различную ценность своих умственных процессов. В этом ключ к данным машинам.

В. Каково различие между двигательной частью интеллектуального центра и интеллектуальной частью двигательного центра?

О. Они совершенно разные. Интеллектуальная часть двигательного центра может управлять как всеми нашими самыми сложными движениями, так и теми ситуациями, когда мы должны изобретать новые движения. Допустим, кто-то придумал очень сложную машину или работает с очень трудной машиной, или выполняет очень запутанную ручную работу, которая требует непрерывного внимания или даже постоянного самовоспоминания, чтобы не сломать какую-то вещь, – это будет работа интеллектуальной части двигательного центра.

А двигательная часть интеллектуального центра – это регистрирующий или формирующий аппарат, картотека мозга. Он весьма полезен на своем месте, но часто используется для ошибочных целей. Предположим, что кто-то бросает эти карточки в воздух и пытается сделать выводы на основе того, как они ложатся при падении – это будет ошибочной работой формирующего аппарата. И это именно то, что мы обычно делаем.

В. Когда вы говорили об исправлении, имели ли вы в виду попытки заставить центры работать лучше? Что приведет их к такой работе?

О. Вся работа над собой – самоизучение, самопознание, самовоспоминание. Сначала нам нужно узнать машину, а затем научиться ею управлять. Нам необходимо исправлять функции так, чтобы каждая выполняла собственную работу. Бóльшая часть нашей деятельности заключается в том, что один центр выполняет работу другого. Наша неспособность достичь нормального уровня коренится в неспособности заставить центры работать правильно. Многие необъяснимые вещи, которые мы наблюдаем, происходят вследствие неправильной работы центров.

В. Означает ли неправильная работа центров вмешательство их в работу друг друга?

О. Есть две формы неправильной работы центров. Либо они вмешиваются, то есть один работает вместо другого, либо один центр берет у другого энергию. Иногда центрам приходится работать друг за друга. Если по какой-либо причине один центр перестает работать, его работу может какое-то время выполнять другой центр, чтобы избежать перебоев. Так устроена машина.

Первоначальная идея подобного устройства совершенно правильна, но в действительной жизни она стала причиной умственных и физических расстройств, потому что один центр не может по-настоящему работать за другой. А в состоянии отождествления центры любят делать чужую работу вместо собственной. Это стало плохой привычкой. Смешивая функции, центры начинают смешивать энергии, стараясь получить более мощные энергии, для которых они не приспособлены.

В. Мне трудно увидеть примеры неправильной работы центров. Единственное мое наблюдение – то, что я часто испытываю ощущение излишнего волнения.

О. Вы можете видеть примеры этого, когда люди становятся излишне эмоциональными в отношении к тому, что могло бы быть гораздо лучше сделано безо всяких эмоций.

В. Как можно остановить подобное вмешательство?

О. Функции обусловлены состоянием сознания. Возможны лишь небольшие отклонения: мы можем быть немного более сознательными, чем мы есть, – *немного* более или немного

менее. Это влияет на функции, так как если вы более пробуждены, функции производят лучшие результаты, если вы более во сне, они производят худшие результаты. Это мы можем наблюдать, но, как принцип, вы должны понять, что функции и состояния сознания не зависят друг от друга и существуют сами по себе. Состояние сознания влияет на функции, и возросшее сознание будет создавать новые функции. Полное, реальное пробуждение создаст новые функции, которых сейчас у нас нет.

В. Цель, к которой нужно стремиться, – это совершенное регулирование четырех центров?

О. Да, это отправной пункт. После этого человек может думать о создании высших состояний сознания – об осознании самого себя, а затем об осознании окружающего мира. Это будет соответствовать работе высших центров.

Один центр не может быть исправлен сам по себе. Все центры должны быть исправлены, должны прийти к нормальной работе. Видите ли, человеческая машина сделана очень искусно, и все в ней может быть употреблено для одной и той же цели. Но на обычном уровне работа центров не вполне скоординирована, они живут слишком независимо, но в то же время мешают друг другу и используют энергию друг друга.

Каждый центр создан для работы с определенным видом энергии и получает именно то, что ему необходимо, но все центры крадут друг у друга. И таким образом центр, которому необходима более высокая энергия, вынужден работать с более низкой энергией, а центр, предназначенный для работы с менее мощной энергией, использует более мощную, взрывную энергию. Это то, как машина работает теперь. Представьте несколько печей: одна работает на сырой нефти, другая – на дровах, третья – на бензине. Допустим, что в ту, что создана для дров, подан бензин – мы не можем ожидать ничего, кроме взрыва. А затем представьте печь, созданную для бензина, и вы увидите, что она не может нормально работать на дровах или угле.

Мы должны различать четыре работающие через нас энергии: физическая (механическая) энергия – она позволяет, например, передвинуть этот стол; жизненная энергия, которая позволяет телу поглощать пищу, восстанавливать ткани и так далее; психическая (ментальная) энергия, с которой работают центры, и наиболее важная из всех – энергия сознания.

Энергия сознания не признается психологией и научными школами. Сознание рассматривается как часть психических функций. Другие школы целиком отрицают сознание и все рассматривают как механическое. Некоторые школы отрицают существование жизненной энергии. Но жизненная энергия отлична от механической, и живая материя может быть создана только из живой материи. Всякий рост происходит посредством жизненной энергии. Психическая энергия – это энергия, с которой работают центры. Они могут работать с сознанием или без сознания, но результаты их работы будут различны, хотя и не настолько, чтобы легко заметить эту разницу у других людей. Можно знать сознание только в самом себе.

Для каждой мысли, чувства или действия (или для осознания себя) мы должны иметь соответствующую энергию. Если у нас ее нет, мы опускаемся и работаем с низшей энергией – живем лишь животной или растительной жизнью. Затем мы снова накапливаем энергию, снова имеем мысли, можем снова сознавать себя на короткое время.

Даже огромное количество физической энергии не способно создать мысли. Для мысли необходима особая, более сильная энергия. А сознание требует еще более быстрой, более взрывной энергии.

В. Если никакое количество психической энергии не способно создать сознательную энергию, то какая разница, как много психической энергии я применяю?

О. Психическая энергия необходима вам для совершенно других целей. Например, вы думаете посредством именно этой энергии.

В. Я нахожу, что попытки удерживать внимание неподвижно отнимают большое количество энергии. Означает ли это, что я что-то делаю неправильно?

О. Нет, вам нужно использовать энергию, чтобы удерживать внимание. Это работа, а работа требует энергии, хотя, с другой стороны, она сберегает энергию – она предохраняет от растраты энергии в другом направлении. Если вы делаете что-то без внимания, это будет означать значительно бóльшую потерю.

В. Почему так трудно управлять вниманием?

О. Недостаток привычки. Мы слишком привыкли позволять вещам случаться. Когда мы хотим управлять вниманием или чем-то еще, мы находим это трудным, так же как трудна физическая работа, если мы к ней не привычны.

В. Почему моменты сознания столь редки? Это вопрос энергии?

О. Нет, топлива. Если у вас нет электричества, а в вашем карманном фонарике слабая батарея, вы получите вспышку и все. Сознание – это свет, а свет есть результат некоторой энергии; если нет энергии, нет никакого света.

В. Весь секрет развития сознания состоит в сохранении и контроле энергии?

О. Нет, не весь, хотя сохранение и увеличение энергии очень важны. Но энергии самой по себе недостаточно, нужно знать, как ею управлять. Энергия – это механическая сторона сознания. Мы не можем начинать с идеи контроля. Чтобы контролировать одну маленькую вещь, мы должны знать всю машину. Во-первых, необходимо остановить потерю энергии; во-вторых, собирать ее путем самовоспоминания; далее требуется все отрегулировать. Мы не можем начать никак по-другому.

В. Можно ли запасать энергию?

О. Да, можно, если вы способны ее сохранить. Но поначалу вопрос стоит не в том, чтобы запасать, а в том, чтобы не терять. У нас было бы достаточно энергии для всего, что мы хотим делать, если бы мы не теряли ее на ненужные вещи. Например, причина того, что мы столь часто формируем, заключается в том, что мы слишком тупы, мы недостаточно чувствуем. Мы думаем, что мы чувствуем, но это иллюзия. И причина, почему мы так мало чувствуем, в том, что у нашего эмоционального центра недостаточно энергии.

Об утечках энергии уже говорилось, но хуже всего выражение отрицательных эмоций. Если вы сможете остановить выражение отрицательных эмоций, то будете сберегать энергию и никогда не почувствуете ее недостатка.

Мы можем надеяться стать сознательными существами, только если будем использовать правильно ту энергию, которая сейчас используется неправильно. Машина способна производить достаточно энергии, но вы можете растратить ее на состояние гнева, раздражения или чего-то подобного, и тогда ее остается очень мало.

Нормальный организм производит вполне достаточно энергии не только для всех центров, но и про запас. Производство в порядке, но расходование ошибочно. Эти утечки необходимо изучить, потому что с некоторыми видами утечек нет смысла идти дальше, пока они не остановлены, так как чем больше мы будем накапливать энергии, тем больше ее будет утекать. Это как лить воду в сито. Отдельные отрицательные эмоции создают именно такие утечки. В определенных ситуациях некоторые люди проходят через целый ряд отрицательных эмоций, столь привычных, что они даже не замечают их. Это может занимать только пять минут или пять секунд, но этого может быть достаточно, чтобы израсходовать всю энергию, которую их организм произвел за двадцать четыре часа.

Я хочу особенно привлечь ваше внимание к этой идее отрицательных эмоций и состоянию отрицательных эмоций. Это на самом деле второй по важности пункт; первый связан с сознанием – что мы не сознательны, но можем таковыми стать. Необходимо понять, что нет ни одной полезной отрицательной эмоции, полезной хоть в каком-то смысле. Все отрицательные эмоции – признак слабости. Далее, мы должны понять, что можем бороться с ними; их можно победить и разрушить, так как у них нет реального центра. Если бы у них был реальный центр, как у инстинктивных эмоций, то не было бы никакого шанса – мы бы навсегда остались во

власти отрицательных эмоций. Поэтому это наша удача, что у них нет реального центра; это работает искусственный центр, и его можно удалить. Когда это произойдет, мы будем чувствовать себя значительно лучше. Даже осознание того, что это возможно, – уже очень много, но у нас есть масса убеждений, предрассудков и даже «принципов» относительно отрицательных эмоций, поэтому очень трудно отделаться от идеи, что они необходимы. Постарайтесь подумать об этом, и если у вас есть какие-то вопросы, я отвечу на них.

В. Вы сказали, что у нас нет никаких положительных эмоций?

О. У нас нет положительных эмоций. Мы называем положительной только ту эмоцию, которая не может стать отрицательной. А все наши эмоции, даже самые лучшие из тех, что мы способны испытывать в нынешнем состоянии, в любой момент могут стать отрицательными. Кроме того, по своему масштабу имеющиеся эмоции слишком малы для положительных. Положительные эмоции включают в себя очень многое, тогда как наши эмоции очень узки. Поэтому на данный момент у нас нет никаких положительных эмоций, но есть отрицательные.

В. А если мы освободимся от отрицательных эмоций?

О. Тогда мы сможем иметь положительные. Некоторые отрицательные эмоции могут быть просто разрушены, но от других мы можем избавиться только путем трансформации их в положительные. Только это очень далеко от нас, мы не способны делать это теперь, мы можем только подготовить основание для этого – главным образом, путем создания правильных отношений, так как сначала идет умственная работа. Мы создаем правильные умственные отношения пониманием того, что отрицательные эмоции не служат никакой полезной цели, а также осознанием, как много мы теряем, позволяя себе удовольствие иметь их. Тогда, возможно, у нас будет достаточно энергии, чтобы что-то с ними сделать.

В. Что-то с ними сделать – то есть остановить их?

О. Мы должны начать с правильного понимания, правильного отношения. Пока мы думаем, что отрицательные эмоции неизбежны или даже полезны для самовыражения, пока мы мыслим нечто подобное, мы ничего не можем делать. Необходима определенная умственная борьба, чтобы понять, что таковые эмоции не имеют никакой полезной функции, но вся жизнь в то же самое время на них основана.

В нас есть много странных вещей. Во-первых, существуют вещи, которые могли бы быть сознательными, но они не сознательны. Во-вторых, мы портим свою жизнь отрицательными эмоциями, для которых природа даже не предусмотрела центра, так что мы должны создавать его искусственно. Что механично? То, что ненормально, что неестественно, то наиболее механично.

В. Всегда ли можно отличить отрицательную эмоцию от подлинной?

О. Вы можете узнать ее по отождествлению, потому что в отрицательных эмоциях всегда присутствуют две вещи – отождествление и отрицательное воображение. Без отрицательного воображения и отождествления таковые эмоции существовать не способны.

В. Когда находишься внутри отрицательной эмоции, такой как плохое настроение, нельзя ведь остановить ее одним мышлением?

О. Нет, но вы можете подготовить основание заранее. Если вы способны создать правильное отношение, то спустя некоторое время оно поможет вам остановить эту отрицательную эмоцию в самом начале. Когда вы находитесь внутри эмоции, вы не можете ее остановить – уже слишком поздно. Вы не должны позволять себе входить в плохое настроение, не должны оправдывать его.

В. Из того, что вы говорите, мне кажется, вы предполагаете, что есть какое-то одно «Я» выше других, которое может это делать.

О. Не выше, но некоторые интеллектуальные «Я» свободны от эмоционального центра и способны видеть вещи беспристрастно. Они могут сказать: «Я всю жизнь жил с этой отрица-

тельной эмоцией. Получил ли я от этого хотя бы грош? Нет. Я только платил, платил и платил. Это значит, что она бесполезна».

В. Есть ли у нас эмоции, которые не являются отрицательными?

О. Конечно, но это отнюдь не положительные эмоции. Они еще не отрицательны, но могут превратиться в таковые в любой момент.

В. Но мне кажется, есть обстоятельства, которые просто вызывают в человеке отрицательные эмоции!

О. Это одна из наихудших наших иллюзий. Мы думаем, что отрицательные эмоции создаются обстоятельствами, тогда как все отрицательные эмоции находятся *в нас, внутри нас*. Это очень важный пункт. Мы всегда думаем, что наши отрицательные эмоции возникают по вине других людей или обстоятельств. Мы *всегда* так думаем. Но отрицательные эмоции находятся в нас и создаются нами самими. Не существует абсолютно ни одной неизбежной причины, по которой чье-то действие или какое-то обстоятельство должны вызывать отрицательную эмоцию *во мне*. Это только *моя* слабость. Ни одна отрицательная эмоция не может быть создана внешними причинами, если мы не хотим этого. Мы имеем отрицательные эмоции потому, что допускаем их, оправдываем их, объясняем их внешними причинами и таким образом не боремся с ними.

В. Есть ли какая-то причина, почему мы так хотим их сохранить?

О. Привычка. Мы слишком к ним привыкли, мы жить без них не можем. Что делали бы многие люди без отрицательных эмоций? Эта привычка столь сильна, что необходима специальная работа, чтобы избавиться от отрицательных эмоций.

Но сначала работа над этими эмоциями будет двойной: изучение и попытка их не выражать. Настоящая работа над отрицательными эмоциями начнется позже. Вы не можете их изучать, если вы их выражаете. Но если вы пытаетесь остановить их выражение, тогда вы сможете видеть и изучать их.

В. Не явится ли изменение точки зрения одним из методов борьбы с отрицательными эмоциями?

О. Совершенно верно, но этого недостаточно. Настоящая борьба начинается с борьбы с отождествлением. Если вы разрушаете отождествление, отрицательные эмоции станут слабее сами по себе. Но, конечно, изменение точек зрения также весьма необходимо.

В. Я понял вас так, что бороться с отрицательными эмоциями бесполезно, но мы должны изучать и наблюдать их. Правильно ли это?

О. Борьба с отрицательными эмоциями требует многих усилий – привычка слишком сильна. Сперва вы должны просто изучать и пытаться бороться с выражением отрицательных эмоций. Если сейчас вы начнете бороться с одной эмоцией, взамен вы можете создать две других. Со временем, косвенным путем, можно приобрести власть над эмоциями. Но первый шаг – изучение.

В. Может ли человек иметь отрицательные эмоции и в то же время быть вполне здоровым?

О. С точки зрения этой системы слово «здоровье» нужно брать в более широком смысле. Мы не можем использовать его в общепринятом смысле физических проявлений – фактического отсутствия физической болезни – поскольку одним из первых условий здоровья является правильная работа центров. Люди, центры которых работают неправильно, не являются здоровыми. Идея здоровья должна быть расширена, ее нельзя брать узко.

В. По поводу правильной работы центров – я не вижу, как можно удержать эмоциональный центр от вмешательства в работу, которую пытаешься делать интеллектуальным.

О. Он вмешивается все время. Вы ничего и не сможете с этим сделать, пока не победите отрицательные эмоции и не избавитесь от отождествления. Когда вы перестаете отождеств-

ляться, отрицательные эмоции теряют силу, так как они работают только на основе отождествления.

В. Когда вы испытываете неприятную эмоцию, то почему необходимо ее не выражать?

О. Принцип тот же, что и в отношении к бесполезным разговорам. Спросите себя: полезно ли, необходимо ли их выражать? Идея в том, чтобы создать сопротивление, иначе мы не сможем наблюдать. И это создание сопротивления – введение в изучение эмоций. Без этого мы не можем их увидеть.

В. Почему, если пытаешься им сопротивляться, это приводит к полной остановке мысли?

О. Недостаток практики. Поначалу все останавливается.

В. Если не выражать отрицательные эмоции, полезно ли сдерживать их внутри?

О. Попытайтесь. Вы ничему не должны верить. Если вы находите, что выражать их хорошо, мы будем спорить. Тогда я скажу, что вы не можете контролировать это выражение, а если вы понаблюдаете, то обнаружите, что лучше их не выражать. Вопрос заключается в том, можете ли вы воздержаться от их выражения? Необходимо много времени и много других вещей, чтобы по-настоящему не выражать неприятные эмоции.

В. Почему выражение гнева или раздражения дает чувство облегчения?

О. В нас есть червь, который хочет себя выразить. Поэтому, когда он выражает себя, вы чувствуете облегчение, но за счет этого он становится сильнее и приобретает над вами все бóльшую власть. Когда вы поймете, что никто другой не ответствен за ваше раздражение, то постепенно начнете чувствовать по-иному. У нас значительно больше контроля над выражением отрицательных эмоций, чем мы думаем, и мы *можем* научиться их не выражать. Даже в обычной жизни мы не всегда выражаем отрицательные эмоции: мы знаем, что в определенных условиях это может быть опасно. И если мы способны контролировать выражение их в определенных условиях, то способны, если постараемся, контролировать их во всех прочих условиях.

В. Не будет ли воздержание от выражения отрицательных эмоций, обычно называемое «спуск пара», иметь вредное влияние?

О. В этом нет опасности. Мы не можем создать воздержание достаточно сильное, чтобы повредить себе. «Спуск пара» – это иллюзия облегчения. Это только потеря энергии. Выражение отрицательных эмоций всегда механично, поэтому оно никогда не может быть полезным. Но сопротивление ему – сознательно.

В. Если мы не должны иметь отрицательных эмоций, это уничтожит всю нашу эмоциональную жизнь!

О. Совсем наоборот. *Сейчас* у нас нет никакой эмоциональной жизни, есть только имитация. Вся идея в том, чтобы иметь эмоциональную жизнь. Реальные возможности знания находятся в эмоциональном центре.

В. Контролирование гнева истощает так же, как и его выражение. Что же я выиграю, стараясь его контролировать?

О. Это совершенно ошибочное предположение, что количество энергии то же, так как контроль увеличивает энергию. Быть может, вы должны затратить некоторое количество энергии, чтобы контролировать какую-то эмоцию, но в следующий момент, поскольку вы не расходуете энергию на эту бесполезную эмоцию, контроль увеличит вашу энергию. Таково химическое действие контроля.

В. По моему опыту, подавление выражения отрицательной эмоции вызывает усталость.

О. Вы можете устать, если вы лишь подавляете выражение. Но я никогда не говорил о подавлении, я говорил: «Не выражайте, найдите основания не выражать». Подавление не способно помочь, так как рано или поздно отрицательная эмоция все равно выскочит. Если вы просто подавляете, вы сохраняете отождествление и отключаете только внешнее выражение. Это вопрос нахождения оснований, вопрос правильного мышления, так как выражение отрицательной эмоции всегда основано на неком роде ошибочного мышления.

В. Мне хотелось бы получить больше помощи относительно работы с отрицательными эмоциями.

О. Это должно быть ваше собственное усилие, и прежде всего вы должны изучить свои отрицательные эмоции и классифицировать их. Вам нужно найти главные отрицательные эмоции и определить, почему они приходят, что их вызывает и так далее. Вы должны понять, что контролировать эмоции можно только разумом, но это не происходит немедленно. Если вы думаете правильно в течение шести месяцев, тогда это подействует на отрицательные эмоции. Если вы начнете думать правильно сегодня, это не изменит ваши отрицательные эмоции завтра.

В. Когда я думаю об отрицательных эмоциях, то ясно понимаю, что они коренятся в нас самих, и все-таки вскоре после этого продолжаю их выражать. Происходит ли это просто потому, что я не един?

О. Во-первых, потому что вы не едины, и, во-вторых, потому что вы не пытаетесь делать это правильным образом. Как я сказал, это вопрос длительной работы – это не может быть изменено сразу. Если у человека постоянные отрицательные эмоции, эмоции одного и того же рода, которые возвращаются, то такой человек всегда будет спотыкаться на одном и том же месте. Если бы он наблюдал себя лучше, то знал бы, что они приближаются или уже здесь; если бы он заранее мыслил правильно, то имел бы некоторое сопротивление. Но если у него нет правильного отношения, если он мыслит неверно, то он беспомощен, и отрицательные эмоции приходят снова в то же самое время, тем же самым образом. Это один из методов управления эмоциями при помощи интеллектуального центра. Но отношения должны быть созданы не в момент эмоциональной вспышки, а заранее. Тогда эмоциональные вспышки постепенно начнут переходить под контроль интеллекта. Мысли могут быть постояннее чувств, и таким образом мысли способны влиять на чувства. Вы можете создать постоянные мысли, постоянные отношения, которые со временем повлияют на чувства. Но прежде чем это станет возможным, необходимо ввести в эмоции определенную дисциплину и нужно приобрести определенное знание, чтобы работать над эмоциональным умом.

В. Я заметил, что почти совсем не имею эмоций или ярких переживаний. Это сон?

О. Отчасти сон, отчасти жизнь в двигательном и инстинктивном центрах. Тогда, точно как вы описываете, у нас едва ли есть какая-то яркость переживаний.

В. В некоторых случаях отрицательная эмоция страха кажется полезной, иначе люди пересекали бы улицу, не глядя по сторонам.

О. Вы говорите об инстинктивном страхе. Эмоциональный страх другой, он основан на воображении.

В. Оказывают ли отрицательные эмоции вредное влияние на другие функции?

О. Вы должны понять это для самих себя. Например, если вы возбуждены, раздражены или что-то вроде этого, то постарайтесь заметить другие вещи. Хорошо ли вы помните, думаете, работаете? Вы увидите, что все способности снизились. Это наблюдение само по себе покажет вам другие вещи для наблюдения.

В. Почему отрицательная эмоция в такой степени влияет на функционирование инстинктивного центра?

О. Отрицательные эмоции воздействуют на все центры. Центры так связаны, что нельзя иметь сильную отрицательную эмоцию – а при отождествлении они все становятся сильными – без воздействия на все центры. Вы не можете иметь отрицательную эмоцию и в то же время делать что-то правильно или даже думать правильно. Вы едите неправильно, дышите неправильно, ходите неправильно, работаете неправильно – все делаете неправильно.

В. Являются ли отрицательные эмоции неправильным использованием инстинктивного центра?

О. Нет, но все эмоции имеют свое происхождение в инстинктивном центре. У маленького ребенка центры не разделены. Отрицательные эмоции созданы из материала, взятого

из инстинктивного центра. Этот материал законно принадлежит инстинктивному центру и неправильно заимствуется у него. Мы находимся в очень странном положении, так как положительные эмоции принадлежат не нашему обычному эмоциональному центру, но высшему эмоциональному центру, а отрицательные эмоции принадлежат не обычному эмоциональному центру, но существуют в искусственном центре. Эмоциональный центр заимствует материал у инстинктивного, а затем, отрицательной частью инстинктивного центра, с помощью воображения и отождествления, создает отрицательные эмоции. Разрушение их – очень трудная работа, но вы должны понять, что до тех пор, пока отрицательные эмоции существуют, никакое развитие невозможно, потому что развитие означает развитие всего, что есть в человеке. Отрицательные эмоции не могут развиваться, было бы весьма губительно, если бы они были на это способны. Поэтому если человек пытается развить сознание, он должен в то же время бороться с отрицательными эмоциями, потому что либо вы сохраняете их, либо развиваетесь – нельзя иметь и то, и другое одновременно.

В. Будет ли одним из способов контролировать отрицательные эмоции попытка понять, почему вещи случаются? Попытка понять причины и следствия?

О. Это возможно в некотором частном случае, но сейчас вопрос не в разрушении или контроле – вопрос в изучении. Самый сильный метод контроля над отрицательными эмоциями – это учиться не выражать их. Поэтому мы в первую очередь должны бороться с выражением отрицательных эмоций, а затем уже с теми эмоциями, с которыми мы можем бороться. Когда мы научимся не выражать их, мы поговорим о следующем шаге. Нельзя контролировать отрицательные эмоции до тех пор, пока они имеют свободное выражение.

Я хочу, чтобы вы поняли: остановка выражения отрицательных эмоций и борьба с самими отрицательными эмоциями – это две совершенно различные практики. Сначала идет усилие остановить выражение. Если вы выражаете отрицательную эмоцию, то находитесь в ее власти и ничего не можете сделать в этот момент. Когда вы научились не выражать ее, вы можете попытаться не отождествляться, создать правильное отношение и помнить себя.

В. Иногда мне сначала удается не выразить отрицательную эмоцию, но она продолжает пытаться себя выразить.

О. Это значит, что вы остановили только внешнее проявление, а вы должны попытаться остановить ее причину. Я имею в виду не причину самой эмоции, но причину выражения. Здесь есть различие. Эмоция – это одно, а выражение – другое. Попытайтесь найти разницу.

В. Усилия контролировать отрицательные эмоции постепенно устраняют их?

О. Конечно, так как многие из них могут существовать, только когда нет контроля. Как только начинается контроль, многие из них можно легко устранить.

В. Если воспитание человека было таково, что для него естественно не выражать отрицательные эмоции, не будет ли это столь же механично?

О. Это академический вопрос. Необходимо проверить, можете ли вы делать это при всех обстоятельствах. Всякий может быть воспитан не выражать отрицательных эмоций при определенных обстоятельствах, но в других случаях эмоции окажутся выраженными.

В. Вся цель в том, чтобы не чувствовать неприятных эмоций?

О. Это приходит позже, это совершенно особый вопрос. Вы приходите к этому путем неотождествления.

В. Какими средствами мы можем проверить, откуда приходят неприятные эмоции, каковы их причины, и как нам преодолеть склонность обманывать себя? Это возможно только с помощью школы?

О. На данный момент не так важно знать, откуда они приходят, но важно останавливать их выражение. Многие вещи об отрицательных эмоциях можно изучить позже. Что касается их причин – отождествление является главной причиной всех отрицательных эмоций. Вы не можете бороться с ними без помощи – многие люди пытались. Если бы вы знали, как малы

наши возможности, вы бы поняли, что нам нужна любая возможная помощь, чтобы чего-то достичь.

В. Всегда ли отрицательные эмоции механичны?

О. Что противоположно механическому? Сознательное. Кому захочется иметь отрицательные эмоции сознательно? Зная о том, что от них можно избавиться, никто не захочет их иметь. Поэтому, несомненно, они механичны.

В. Можно ли узнать больше о правильном отношении как об оружии против отрицательных эмоций. Это должно быть нечто большее, чем просто неотождествление?

О. Конечно, это означает больше – это означает правильное мышление на определенную тему. Например, почти все наши личные отрицательные эмоции основаны на обвинениях: виноват кто-то другой. Если, упорно размышляя, мы поймем, что никто перед нами не виноват, а *мы сами* являемся причиной всего, что с нами случается, то это изменит вещи. Не сразу, разумеется, так как во многих случаях это понимание будет приходить слишком поздно. Но спустя некоторое время подобное правильное мышление, создание правильного отношения или точки зрения может стать постоянным процессом; тогда отрицательные эмоции будут появляться исключительно случайно. Именно благодаря своему постоянству этот процесс правильного мышления имеет власть над отрицательными эмоциями – он ловит их в самом начале.

В. Я нахожу, что бóльшая часть моего времени проходит в неком отрицательном состоянии, не очень определенном, и мне кажется, я не могу ничего с этим поделать.

О. Да, но вы должны понять, что это обычно связано с неким отождествлением или воображением. Когда вы находите различные проявления этого отрицательного состояния, вы можете с ним бороться, так как эта борьба – в уме. Вы способны отбросить некоторые точки зрения и принять другие, и очень скоро вы увидите разницу.

Это связано с очень большим вопросом, так как с одной точки зрения мы настолько механичны, что ничего не можем делать; но с другой существует несколько вещей, которые мы можем начать делать. В нас заложены определенные возможности, только мы их не используем. Это верно, что мы не можем ничего «делать» в том смысле, что не способны изменить то, что *чувствуем* в любой отдельно взятый момент, но мы можем заставить себя *думать* о каком-то предмете в любой отдельно взятый момент. Это начало. Мы должны знать, что возможно для нас, и начинать с этого, и тогда возможность сделать что-то вместо позволения вещам случаться будет постепенно увеличиваться.

Мы не осознаем того, какая огромная власть заложена в мышлении. Я не имею в виду философское понимание власти. Власть заключается в том факте, что если мы всегда правильно думаем о некоторых вещах, мы можем сделать это мышление постоянным – оно перерастает в постоянное отношение. Вы можете найти в себе склонность к неправильным эмоциональным проявлениям некого рода. В самом моменте вы ничего не можете сделать, вы воспитали в себе способность к такого рода реакциям неправильным мышлением. Но если вы начнете с правильного мышления, то спустя некоторое время вы воспитаете в себе способность к другим реакциям. Но необходимо понять этот метод, и это понимание должно быть достаточно глубоким.

Вы можете применять этот метод ко многим различным вещам. Это по сути единственная вещь, которую вы способны делать. Вы не можете «делать» ничего другого. Не существует способа бороться с отрицательными проявлениями напрямую, так как их невозможно уловить; и нет способа предотвратить их, кроме как подготовившись к ним заранее. Но кратковременное осознание того, что они неправильны, не поможет – оно должно быть очень глубоким, иначе при подготовке почвы для другого проявления вы должны будете снова проходить через такой же трудный процесс. Вы не представляете, как много теряете из-за этих самопроизвольных проявлений отрицательного характера. Они делают очень многие вещи невозможными.

В. Я обнаружил, что, даже когда я начинаю думать правильно, я могу начать подражать другим – например, когда слышу, как кто-то ворчит, начинаю делать то же самое.

О. Сам факт, что вы начнете думать правильно, ничего не изменит моментально. Необходимо правильно думать в течение долгого времени. Тогда результаты придут – но не сразу. Вопрос создания правильных отношений – это вопрос месяцев или лет. Созданием правильных отношений вы укрепляетесь в своем решении не давать хода отрицательным проявлениям. Мы не осознаем, как много мы в этом теряем. Мы теряем как раз то, что хотим получить.

Но прежде всего вы должны остановить привычку выражения отрицательных эмоций. Вот почему, в самых первых лекциях, когда вы слышите о самонаблюдении, вам говорят, что вы должны научиться не выражать отрицательные эмоции. Все знают, как не показывать то, что они чувствуют, – я имею в виду не исключительные, но обычные случаи. Вся отрицательность основана на отождествлении, воображении и на одной особой черте, а именно – на позволении себе выражать их. Вы всегда уверены, что не можете остановить их, и поэтому чувствуете, что вполне правильно будет показать, что вы чувствуете. Поэтому сначала вы должны освободиться от этой иллюзии. Вы *можете* остановить проявление отрицательных эмоций. Если вы скажете: «Я не хочу», я поверю вам, но я не поверю, если вы скажете: «Я не могу».

Я дал вам много возможных методов работы над эмоциями, таких как изучение, борьба с отождествлением, борьба с выражением отрицательных эмоций и правильное мышление о них. Четыре практики. Если вы действительно примените все это, то очень скоро увидите заметные результаты. Реальный контроль над эмоциональным центром требует самовоспоминания, нового состояния сознания, поэтому это дело будущего; теперь же мы должны применять вспомогательные методы. Самый важный из них в начале – правильное отношение.

Глава IV

Язык. – Различные деления, употребляемые в системе. – Сущность и личность. – Влияния A, B и C. – Магнетический центр. – Неправильный магнетический центр. – Заместитель управляющего. – Закон случая. – Закон судьбы. – Закон воли. – Закон причины и следствия. – Бегство от закона случая. – Центр тяжести. – Почему необходимы школы. – Для кого необходимы школы. – Что составляет школу. – Уровни школ. – Путь факира, путь монаха и путь йога. – Четвертый путь. – Различие между Четвертым путем и традиционными путями. – Все пути ведут к одной цели. – Уровень школы зависит от уровня обучающихся. – Внутренние круги человечества.

Изучение методов этой системы, с помощью которых человек может прийти к высшему сознанию, начинается с изучения нового языка. Этот язык основан на различных принципах, которых вы еще не знаете, но по мере изучения вы очень скоро начнете их понимать. С этим языком возможно подойти ближе к истине, возможно говорить с большей точностью, чем мы это делаем теперь, и двое людей, которые понимают этот язык, никогда не ошибутся в понимании друг друга в простых вещах. Вы уже слышали некоторые выражения этого языка, как, например, самовоспоминание, отождествление, учитывание и так далее. Очень важно понять различные деления, применяемые в системе, и составляющие часть этого языка. Человек очень сложная машина, и его можно изучать согласно этим делениям. В обычном языке мы не используем таковые деления, и поэтому люди не понимают друг друга.

Попытайтесь понять то, что я говорю, потому что выразить это довольно трудно. Допустим, город может быть разделен на север, юг, восток и запад; он может быть разделен на районы и кварталы и затем на различные улицы. Его также можно изучать с точки зрения населения, потому что в нем живут люди различных национальностей, различных профессий, принадлежащие к различным классам и так далее. Ни одно из этих делений не будет совпадать с другим, каждое нужно изучать отдельно. Невозможно составить общую карту, включающую все эти деления, – необходимо составить серию различных карт.

То же самое с человеком. Например, я уже дал вам некоторые деления. Первое – это деление центров или функций: каждый индивидуум состоит из четырех человек, и все они, со своими ассоциациями, симпатиями и антипатиями, живут собственной жизнью в одном и том же человеке. Затем я показал вам деление на различные «Я». Это очень полезное деление: человек не один, его много, он толпа, состоящая из незнакомцев, борющихся друг с другом. Это деление на множество «Я» было дополнено ролями, которые человек играет в различных обстоятельствах. Затем было деление на знание и бытие – что человек знает и что он есть. Я дал вам также деление человека на семь категорий: человек № 1, 2, 3, 4, 5, 6 и 7.

Теперь мы подходим к другому, совершенно особому делению, отличному от всех прочих, – это деление на сущность и личность. Сущность – это то, с чем вы родились, личность – это то, что вы приобретаете. Сущность – ваша собственная, личность – не ваша собственная. Вся внутренняя жизнь человека, все его восприятие и реакции делятся на эти две части. Есть некоторые вещи, которые рождаются вместе с вами, такие как определенные физические особенности, состояние здоровья, некоторые предрасположения, склонности, тенденции и так далее. Они принадлежат сущности. Личность – это то, что вы приобретаете в течение жизни: взгляды, мнения, слова. Разницу между сущностью и личностью легче понять, если вы найдете несколько примеров. Хотя обе они всегда смешаны в жизни, различить личность и сущность в других людях легче, чем в самом себе, поскольку личность очень часто трансформируется с переменой условий, сущность же остается той же самой. Это деление очень важно понять, потому что многие вещи в человеке, о которых мы говорим, относятся к сущности, тогда как другие следует отнести к личности.

В. Если сущность – это то, с чем мы родились, можно ли к ней что-либо добавить? Способна ли она расти?

О. Да, но это возможно только тогда, когда личность будет воспитана и перестанет давить на сущность. Личность слишком тяжела, слишком сильна; она окружает сущность, подобно скорлупе, так что ничто не может достичь ее, все должно проходить через личность. Сущность не способна расти в таких условиях, но если личность становится более прозрачной, впечатления и внешние влияния будут проникать через нее и достигать сущности, и тогда сущность начнет расти.

В. То есть сильная личность не дает впечатлениям достигать сущности?

О. Да, но что значит сильная личность? Она означает сильное влияние того, что не является вашим собственным, того, что вы приобрели, – слова, взгляды и теории других людей. Они могут образовать такую толстую корку вокруг сущности, что ничто не сможет проникнуть сквозь нее, чтобы достичь *вас*, достичь того, что вы есть.

В. Возможно ли пробить или разрушить эту скорлупу?

О. Прежде чем разрушать или разбивать эту скорлупу личности, необходимо подготовить другие виды защиты. Если по какой-то причине эта скорлупа отпадет, люди окажутся без какой-либо защиты против многих весьма трудных влияний, которые они не смогут контролировать. Личность охраняет вас от некоторых далеких влияний. Если вы ослабите ее, то окажетесь под многими влияниями, которые не могли достигать вас прежде, поэтому будете иметь даже меньше контроля, чем теперь. Но есть многие вещи, которые мы могли бы контролировать, но не контролируем. Данный образ мышления в этом случае правилен.

В. Можете ли вы привести пример подобных влияний?

О. Простым примером будут атмосферные изменения или смена времен года – они воздействуют на сущность весьма сильно, и если человек окружен личностью, он меньше подвержен воздействию. Смена времен года – это очень серьезная вещь для людей, сущность которых более открыта для влияний. Я даю вам это просто как пример того, чего люди не принимают во внимание и о чем они не имеют никакого представления. Есть и многое другое, например, старые книги по магии предостерегают людей о том, как это опасно, и как нужно быть подготовленным к этому заранее, и во многих случаях они правы: раскрытие сущности способно стать благом, но оно может сопровождаться и многими опасностями. Личность создается на многих ошибочных основаниях, но она также является в некотором роде защитой.

В. Возможно ли прожить всю жизнь, никогда не замечая сущности?

О. Это зависит от того, происходит ли это в работе или нет. В обычной жизни мы даже не знаем о существовании данных двух принципов. При самоизучении нам говорят об этом делении, но сущность и личность так смешаны, что в течение долгого времени это деление остается теоретическим, так как невозможно на основе наблюдения сказать, что есть что, за исключением крайне редких случаев. Затем, по мере работы, мы постепенно начинаем видеть, что одни вещи более укоренены, сидят в нас глубже, другие – меньше. Таким образом постепенно можно увидеть сущность. Все постоянные или относительно постоянные качества должны зависеть от сущности. Когда личность воспитана и становится менее тяжелой, многие качества приходят в сущность и становятся постоянными. Так развивается сущность. В личности вещи способны возникать и исчезать, но то, что приходит в сущность, остается.

В. Сущность – это примерно то же самое, что и бытие?

О. Нет, так сказать нельзя. Бытие – это жизнь, это процесс. Сущность же – это объект.

В. В ребенке сущность развита больше, чем личность?

О. В очень раннем возрасте сущность может быть сильнее, чем личность, но они обе неразвиты. Но, разумеется, есть разные дети и разные обстоятельства.

В. Как мы можем бороться против личности?

О. Это вопрос не борьбы, но исключительно контроля и воспитания. Личность не должна иметь слишком много свободы. Она должна быть воспитана определенным образом, действовать в соответствии с определенными принципами, работать в определенном направлении. Сейчас наша личность целиком неправильна. В ней слишком много лжи, самообмана, воображения, отрицательных эмоций. Все эти вещи должны быть исправлены; только тогда машина сможет работать так, как должна. Нам необходимо работать через личность – в течение долгого времени сущность не будет иметь практического значения. Если мы начнем работать над этим сознательно, некоторые вещи будут влиять на сущность, но не сразу.

В. Можем ли мы делать с личностью все что угодно?

О. Если вы работаете, если вы изучаете, вы будете постепенно изменять ее, и ваша работа над личностью будет отражаться на сущности. Либо вы контролируете личность, либо личность контролируется тысячами различных «Я», каждое из которых имеет собственные идеи, взгляды и желания. Мы должны понимать, какая огромная работа требуется, чтобы достичь единства, если у нас, таких как мы есть сейчас, одна часть решает работать, а другая понятия не имеет об этом или же на это не согласна. Когда вы воспитали личность, когда она послушна вашей цели и начинает служить ей, тогда она полезна и правильна. Но если в определенной части вас есть цель, а личность работает против нее, тогда, естественно, она неправильна.

В. Было сказано, что в личности есть свои хорошие стороны, так же как и в сущности, но я не могу найти в ней ничего полезного для моей конечной цели.

О. Что вы имеете в виду, когда говорите, что в личности нет ничего хорошего? Даже если вы наблюдаете и обнаруживаете вещи о самих себе, это хорошо. Это тоже личность. Та часть, которая желает знать, работать, изменять, – это часть личности. В нашей личности может быть много вещей, которые неправильны, и эти вещи должны быть изучены и удалены. Личность развивается путем изучения и уменьшения бесполезных функций. Благодаря этому она становится лучше и чище. В условиях школы сущность должна быть важнее личности, и если личность доминирует над ней слишком сильно, развитие становится невозможным, так как реальное развитие находится в сущности, но если личность слишком тяжело повисла на ней, сущность не может дышать. Однако личность также очень важна. Возможность изменения на самом деле очень сложна, так как состоит из множества вещей. В сущности должно быть в наличии некое определенное качество, но если этого качества нет, то все становится невозможным. Должен быть определенный материал, определенные приобретения в личности, а также определенного рода обстоятельства.

В. Личность должна сама отойти на второе место? Отступает ли она по собственной воле?

О. Она не отступает, но становится другой. Если она подавляет сущность, это ненормально. В нашем сегодняшнем состоянии личность патологична, нездорова. С работой она просто становится здоровой.

В. Я не понимаю, как личность может влиять на сущность, если сущность есть то, с чем мы родились.

О. Возьмем интеллектуальный центр: его содержание не родилось вместе с нами. Мысли, идеи, убеждения, мнения – все они приобретены. Что касается того, как личность способна влиять на сущность, то допустим, что в личности вы приходите к некому выводу, и при наблюдении себя вы увидели, что имеете какую-то привычку в сущности, скажем, какую-то неприятную эмоцию, которая всегда возникает в определенных обстоятельствах. Вы понимаете, что она не полезна ни в каком смысле, она расточает энергию и усложняет вашу жизнь. Как вы можете с ней бороться? Вы находите, что это отрицательное состояние питается самооправданием, что в вашем обычном состоянии вы всегда оправдываете его и думаете, что виноват кто-то другой, или говорите, что имели в виду не это, что люди не понимают вас, и тому подобное. Это дает ей право на существование. Если вы измените точку зрения, если перестанете оправ-

дывать ее и начнете вместо этого создавать в себе постоянную идею о том, что такая эмоция неправильна, что ей нет оправдания, то эта точка зрения может в итоге стать постоянной.

В. Имеет ли наследственность какое-нибудь значение для сущности?

О. Наследственность у человека практически не существует. Плохие качества могут быть наследственными, но хорошие качества не способны передаваться по наследству. Животные находятся под иными законами, чем человек: у них хорошие и плохие качества передаются одинаково, но у человека могут передаваться, помимо физических качеств, только признаки вырождения, больше передаваться нечему. Можно унаследовать физические черты, но не такие черты, как самосознание. Сущность не может быть унаследована.

В. Находится ли склонность к отрицательным эмоциям в сущности, или она целиком приобретается личностью?

О. Склонность может находиться и в сущности – как минимум, некоторая предрасположенность к ней, но мы должны принять, что все это относится к личности, потому что, если бы в сущности была по-настоящему сильная склонность к отрицательным эмоциям, это практически означало бы сумасшествие.

В. Если недостатки находятся в сущности, то можно ли их изменить?

О. Да. Но, как я сказал, личность должна измениться первой; сущность изменяется не так легко. Изменение черт сущности – это очень трудная работа, она требует знания и достаточной энергии, а мы слабы и не имеем знания. Это делается только тогда, когда это необходимо, и делается исключительно с помощью методов школы. Допустим, у человека ленивая сущность, но он желает пробудиться. В таком случае он может изменить ее после длительного периода самоизучения, но ему потребуется помощь, помощь школы. Так что это удача для нас, что работа над сущностью идет второй, что мы должны начинать с работы над личностью. Но, работая над личностью, мы уже в какой-то степени работаем над сущностью. Сон, пробуждение, сознание – все это не относится к личности, это характеристики сущности. Поэтому вы фактически работаете над сущностью с самого начала, а личность, изменяясь, будет оказывать некоторое давление на сущность и также способствовать ее изменениям.

В. Всегда ли человек рождается с сущностью?

О. Да, но часто сущность остается неразвитой, на уровне маленького ребенка.

В. Сущность – это та часть в нас, на которую можно положиться?

О. Даже в личности есть вещи, на которые можно или нельзя положиться. Например, на воображение положиться нельзя. Воображение о том, что вы можете плавать, когда вы на это не способны, и знание таблицы умножения – и то, и другое находится в личности, но на последнее можно положиться, а на первое нет.

В. Зависит ли уровень бытия от роста сущности?

О. Конечно, и в этом состоит отношение между ними. Но вы не можете измерять бытие этим способом, так как деление на сущность и личность для вас сейчас только теоретическое. Тем не менее, полезно помнить, что в вас существуют эти два принципа, потому что, как я сказал, если вы не знакомы с данным делением, это затруднит понимание некоторых вещей, которые вам еще предстоит услышать.

Одна вещь, которую вы должны понять относительно сущности и личности, это что сущность одна, тогда как личность состоит из нескольких групп «Я». То есть мы можем сказать, что имеем не личность, а личности, потому что в одном человеке есть пять, шесть, иногда даже десять личностей. Магнетический центр, например, тоже находится в личности, мы не рождаемся с ним – он создается в течение жизни. Это группа «Я», которая до определенной небольшой степени способна контролировать другие группы «Я». Какие-то из этих личностей вполне правильны, но другие всегда будут стоять у вас на пути и поэтому должны либо контролироваться, либо удаляться.

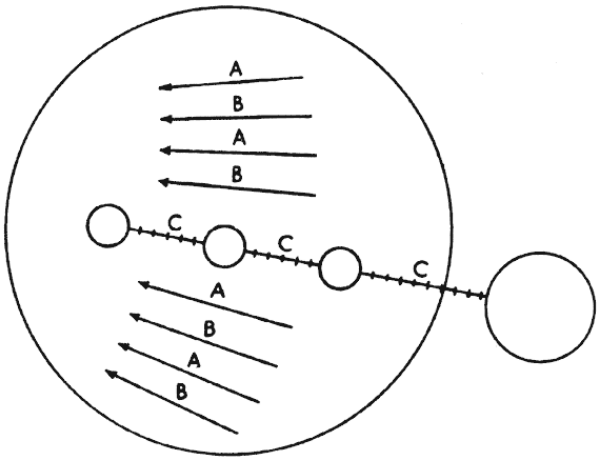
В. Как мы можем работать над личностью?

О. Ее можно контролировать умом. Это все, на что можно рассчитывать. В уме вы формулируете цель, а личность должна работать в соответствии с ней.

В. Как возникает желание пробудиться? Находится ли оно в сущности?

О. Это связано с магнетическим центром. Вы, наверное, помните, как в первой лекции я говорил о магнетическом центре и о различных влияниях, действующих на человека. Это приводит нас к вопросу о том, почему некоторые люди интересуются данными идеями, тогда как другие не интересуются ими. Что создает это желание знать, энергию поиска? Почему люди, живущие в одинаковых условиях, столь различны: один человек удовлетворяется готовыми теориями и клише, тогда как другой хочет сам найти истину? Что объясняет различие отношений к новым идеям? Ведь некоторые люди встречаются с возможностью получения нового знания и не интересуются этим, тогда как для других это может изменить весь ход жизни?

Люди приходят к этим и подобным идеям различными путями. Одни что-то понимают в них, другие воспринимают их на обычном уровне. Причина этого различия в том, что человек живет в механической жизни под двумя видами влияний. Что это значит? Это связано с идеей, объясненной в начале, что человек – это машина, управляемая внешними влияниями, вещами вокруг него. Он может быть восприимчив к влияниям одного рода и невосприимчив к влияниям другого. Большинство таких влияний создано в самой жизни, такими же людьми, как он сам. Но среди этих влияний есть и другие, которые не созданы в жизни, но поступают из другого источника, от людей высшего разума. Они приходят в форме религий, науки, философских систем, эзотерических доктрин, искусства, всякого рода учений и так далее. Внешне их нельзя отличить от влияний первого рода, поэтому от человека зависит, распознает он их или нет. Человек может жить только под влияниями А, то есть под влияниями первого рода, и игнорировать влияния В, совершенно ими не интересуясь. Но если он заинтересован во влияниях второго рода и впитал их в себя в достаточном количестве, то в нем начинается некоторый процесс. Результаты этих влияний В, память о них, собираются в специальном отделении и образуют то, что называется магнетическим центром. Магнетический центр – это комбинация определенных интересов и эмоциональных ассоциаций, заставляющих человека поворачиваться в некотором направлении. Это круг неких идей и эмоций. Таково происхождение интереса к идеям подобного рода.



В. Если мы только машины, можем ли мы заключить, что вы пытаетесь вести нас, машины, в каком-то желательном направлении, или же мы сами способны отличать истину от лжи? Если так, то с помощью чего?

О. С помощью магнетического центра. Люди *есть* машины, это факт, но они не аналогичны иным машинам (паровозу или чему-то еще). Вы уже слышали, что человек способен

жить в четырех состояниях сознания, но в обычной жизни он живет только в двух. Эти два других состояния сознания могут быть развиты в человеке, но они не способны развиться сами по себе, они должны быть развиты через знание и усилие. И именно магнетический центр помогает человеку понимать и распознавать.

Сейчас мы говорим о человеке до того, как он встречает школу. Он живет в обычных условиях. Они могут быть весьма различны, но в любом случае он живет под двумя видами влияний, о которых я говорил. Что такое влияния А? Все интересы жизни: борьба за существование, желания, волнения, имущество, богатство, развлечения и так далее. Они создаются не намеренно и механичны как по происхождению, так и по действию. Но в то же время человек живет под влияниями, первоначально созданными в школах, но брошенными в общий круговорот жизни. Эти влияния, влияния В, представляют собой отдельную жизнь. Они предназначены для определенной цели – служить «маяками на пути». Остальное зависит от самого человека. Все его интересы могут сосредоточиться исключительно на влияниях первого рода, или же часть его может продолжать интересоваться влияниями, созданными в жизни, тогда как другая часть способна интересоваться вторым видом влияний. Если человек замечает и изучает их, они способны в нем накапливаться. Память об этих интересах может начать собираться в нем с раннего детства и образовать некоторую группу «Я» среди многих других «Я», присутствующих в нем. Спустя некоторое время данная группа «Я», или магнетический центр, начинает контролировать и определять общее направление жизни и интересы (как минимум, некоторые из них). Магнетический центр означает поиски определенных вещей и бытие на уровне некоторых вещей.

Но если человек не замечает этих влияний, они не окажут никакого воздействия. Вот почему люди столь различны. Человек может быть интеллектуалом, может изучить философию, искусство и прочее, но при этом не будет иметь никакого шанса, если в нем нет магнетического центра. Если он и встретится со школой, то не узнает ее. А кто-то другой может быть недостаточно образован, не читал так много, не знает столько слов и, тем не менее, встретив школу, способен заинтересоваться моментально.

В. Что же создает в нас это различие?

О. Комбинация того, с чем мы родились, с внешними обстоятельствами – вот то, что делает нас тем, что мы есть; все это механическое и находится под законом случая. Бессмысленно отрицать, что люди рождаются разными, но этого мы не можем изменить, во всяком случае, поначалу. Мы должны допустить, что люди имеют разные способности, но не для пробуждения – вот где люди совершают ошибку. Пробуждение не зависит от того, что рождается, оно зависит от магнетического центра, а магнетический центр зависит от того, чем человек интересуется. Один человек интересуется одним, другой другим, но от чего *это* зависит, мы не знаем, и исследование этого вопроса нам не поможет, потому что это будут только теории. В нашем состоянии сознания мы можем знать только некоторые вещи, и мы должны сосредоточиться на том, что способны знать, не теряя времени на то, чего знать не способны.

В. Не зависит ли магнетический центр от механических причин?

О. Не совсем. Как я сказал, это некая комбинация интересов, и не только интересов, но также приобретенных идей, некоторого знания и понимания. Все это входит в магнетический центр. Он механичен, как и все остальное, но влияния В отличны по своей природе, хотя сначала они приходят механически. Это не важно. Важно лишь то, существует интерес к влияниям В или нет. Именно так из механичности возникает борьба с механичностью. Магнетический центр помогает человеку видеть, понимать и различать некоторые вещи. Без его помощи человек не способен по достоинству оценить различные идеи, он не может сказать, какая лучше и какая хуже, что ему подходит и что не подходит. Накопление знания не помогает создать магнетический центр; магнетический центр – это хороший вкус, с помощью которого человек способен по-новому оценить встречающиеся ему идеи. Задача в том, чтобы в потоке

жизни различать эти два рода влияний, чувствовать разницу между ними. Если человек ее не чувствует, если он воспринимает влияния В так же, как и влияния А, тогда они производят одинаковое действие, и магнетический центр не формируется.

Кроме того, существует множество опасностей, так как некоторые из этих идей, составляющих второй род влияний, столь искажены, что способны образовать ложный магнетический центр. Магнетический центр должен быть единым и очень здравым, чтобы вести куда-то, иначе это только блуждания и ничего больше.

В. Как можно узнать, находится ли человек под влияниями В?

О. Влияния В есть всегда. Первоначально они идут из внутреннего круга жизни, из той ее части, которая стала свободной от закона механичности, но они могут пройти через много ступеней, прежде чем достигнут человека. Вдобавок они бывают такими искаженными и замаскированными, что их трудно распознать – точно так же, как трудно распознать идеи эзотерического происхождения, которые приходят к нам в форме легенд, мифов, даже суеверий и тому подобных вещей. Иногда они имеют эзотерическое происхождение, и тогда это влияния В.

В. Но может быть, человек только воображает, что работает под влияниями В.

О. Человек не знает об этом и не «работает» под влияниями В. Он может интересоваться влияниями В только для собственной личной выгоды, профессии, репутации или чего-то подобного – тогда он теряет всю пользу, которую может получить от них. Но если человек ценит их как таковые, неэгоистично, не только для своей собственной выгоды, если ему интересен их смысл, тогда он может что-то от них получить. Определения очень трудны и большей частью ошибочны, так как наш обычный язык имеет так много различных ассоциаций, что иногда более точное определение портит возможность понимания. Например, можно сказать – хотя я не ручаюсь, что это всегда будет верно, – что главная особенность влияний А в том, что они всегда эгоистичны, тогда как влияния В неэгоистичны. Но люди понимают эти слова столь различно, что это мало о чем говорит. Можно также сказать, что влияния А требуют отождествления, а влияния В могут существовать без оного, и что если есть отождествление с влияниями В, это портит их. На самом деле, чем больше отождествление с влияниями В, тем больше они становятся влияниями А. Но всего этого недостаточно, чтобы объяснить разницу между ними.

В. Будет ли полное погружение во влияния В и полный отказ от влияний А правильным отношением к жизни? Можем ли мы обойтись без каких бы то ни было влияний А?

О. Почему мы должны это делать? Влияния А могут быть вполне законными интересами в жизни. Если вы не исчезаете в них, они совершенно безвредны. Человек должен принимать все, что приходит, но без отождествления. Влияния А не опасны сами по себе, опасно только отождествление. Поэтому вопрос не в том, чтобы обойтись, а в том, чтобы иметь некоторый интерес к влияниям В, в том, чтобы не быть всецело под властью влияний А. Если люди интересуются влияниями В, у них есть какой-то магнетический центр, если не интересуются, никакого магнетического центра нет.

Через некоторое время, с помощью магнетического центра, человек может найти школу, или, если он встречает ее, он способен ее узнать. Но если он не имеет никакого магнетического центра, он не заметит ее или не будет заинтересован. А если он встретит школу или человека, которые передают влияния другого рода, влияния С, магнетический центр поможет ему распознать это новое влияние и усвоить его. Если сначала он не усвоил влияний В достаточно и поэтому не имеет никакого магнетического центра; если его магнетический центр ложен или слишком слаб, человек не распознает влияния С. Или он может встретить ложную школу и воспринять ложное учение, и вместо того, чтобы стать лучше, станет хуже, а вместо того, чтобы приобрести, потеряет. Влияния С отличаются от влияний В тем, что они сознательны, а не механичны (как в своем происхождении, так и в действии), тогда как влияния В сознательны

в своем происхождении, но случайны или механичны в действии. Влияния С – это влияния школы.

В. Нужно ли быть взрослым, чтобы распознать влияния С?

О. Нет общего правила относительно возраста. Но нужно иметь достаточно опыта, достаточно искушений от влияний А и достаточно времени для накопления влияний В. Иначе влияния С будут играть роль влияний В – другими словами, будут выполнять работу более простого инструмента, не имея полной ценности. Когда люди уже пытались что-то делать и поняли, что обычные средства их не удовлетворяют, не дают того, что они хотят, тогда они ценят влияния С. Но если влияния С приходят раньше такого момента, люди воспринимают их на том же уровне, что и другие влияния, и влияния С теряют свою силу. Очень важно понять это.

В. Когда ты распознаешь влияния С, обязательно ли они будут теми, что нужны именно тебе?

О. Нет, нисколько. Вы способны быть правыми или ошибаться, это зависит от вашего магнетического центра. Если магнетический центр правилен, вы не сможете не распознать правильные вещи; если он ложен, вы можете найти совершенно ложную школу. Это происходит каждый день. Почему существует так много ложных школ, без какой-либо основы и без какого-либо материала? Потому что у людей ложный магнетический центр. Это происходит, например, когда человек с ложно сформированным магнетическим центром наталкивается на школу, которая претендует на связь с эзотерикой, тогда как на самом деле никакой связи не существует. В этом случае влияния, которые должны были стать влияниями *третьего рода*, превращаются во влияния первого рода, и значит – никуда не ведут.

В. Разве нет никакого способа распознать это?

О. Только по результатам. Но даже если люди имеют ложные результаты, если они имеют ложный магнетический центр, они убеждают себя, что результаты хороши. Человек способен обманывать себя в чем угодно.

Вообще говоря, есть очень мало шансов найти истинную школу и много возможностей найти ложную, потому что школа должна иметь влияния С, то есть идеи, идущие непосредственно от высшего разума. Что значит «непосредственно»? Это значит не через книги, не через обычное обучение, доступное каждому. Эти идеи должны идти из другой школы, а в эту школу – из другой школы, и так далее до первоначального источника. Если нет таких идей, то это только имитация школы. Это не значит, что школа должна быть непосредственно связана с источником, но она должна была когда-то получить такие идеи, и тогда люди сумеют с ними работать. Но если таковая школа не имеет идей, отличных от обычных, то это не школа. В лучшем случае она будет школой на уровне влияний В, то есть философской или научной. Ее можно назвать школой только в том случае, если через нее человек способен найти направление к тому, чтобы стать человеком № 4 (хотя гарантии достичь этого не существует). То есть через школу вы можете найти правильное направление только в том случае, если это истинная школа. Если вы приходите к ложной школе, вы теряете и то, чему способны научиться самостоятельно.

В. Что происходит с магнетическим центром, когда человек приходит в школу?

О. Мы можем сказать, что он становится той частью человека, которая интересуется работой в школе. Человек живет на влияниях В, но теперь он получает лучший материал, более концентрированное знание, нежели прежде. Кроме того, многие вещи, которым человек научился раньше, могут быть полезны для него, когда он присоединяется к школе, особенно после того, как он отбросил все бесполезное. В обычной жизни человек не знает, что изучать и что отбрасывать. Например, многие вещи, в которые люди верят, не имеют смысла, но человек часто не может увидеть этого и принимает их все на одном и том же уровне – как те, что имеют смысл, так и те, что его не имеют. Но при самоизучении согласно методам школы он учится распознавать в себе воображаемые ценности и, посредством этого, обнаруживать воображае-

мые ценности вне себя. А затем, значительно позднее, после длительной работы, группа «Я» или личность, которая была магнетическим центром, развивается в «заместителя управляющего».

Когда магнетический центр правилен, и человек встречается с истинными влияниями С, он начинает воздействовать на магнетический центр. И тогда, в этой точке, человек становится свободным от закона случая. Чем больше магнетический центр, тем свободнее человек от данного закона. Это значит, что он становится свободным от него только в той точке, через которую он связан с влияниями С.

В. Вы сказали, что после того, как магнетический центр приводит нас в контакт с системой, он становится заместителем управляющего. Является ли он семенем постоянного «Я»?

О. То, чем был магнетический центр до того, как вы встретили эту работу, может позже стать заместителем управляющего, что означает личность, которая побеждает другие личности и ведет их за собой, – но это не происходит сразу. Заместитель управляющего значительно выше, чем магнетический центр. Магнетический центр формируется из влияний В, тогда как заместитель управляющего создается из усилий. Магнетический центр есть семя, зародыш заместителя управляющего.

В. Что подразумевается под законом случая?

О. Жизнь человека-машины, человека, который не способен «делать», не имеет воли или выбора, она управляется случаем, так как вещи в обычной жизни происходят механически, случайно; в них нет никакого смысла. И точно так же, как внешняя жизнь человека управляется случайными внешними влияниями, так и его внутренняя жизнь управляется как внутренними, так и внешними влияниями, которые равным образом случайны. Вы поймете это, если осознаете, что это значит – «человек спит». Он не способен «делать», не может себя помнить. Вы поймете это, если подумаете о постоянном бессознательном течении мыслей в человеке, о сне наяву, об отождествлении и учитывании, о внутренних разговорах, которые продолжаются в нем, о его постоянном отклонении к линии наименьшего сопротивления. Люди думают, что случайности редки, но на самом деле большинство вещей, которые происходят с ними, случайны.

Что означает случай? Он означает комбинация обстоятельств, которые не зависят ни от воли самого человека, ни от воли другого, ни от судьбы (как, например, условия рождения и воспитания), ни от его предшествующих действий. Случай имеет место, когда две линии событий пересекаются друг с другом. Например, человек стоит под крышей дома, укрываясь от дождя, вдруг падает кирпич и ударяет его по голове. Это будет случай. Здесь можно проследить две разных линии причины и следствия. Возьмем линию движений человека и тот факт, что ему случилось остановиться под крышей этого дома; каждая малая вещь в этом имела причину, но кирпич не входил в данную линию причины и следствия. Допустим, кирпич был небрежно положен и дождь расшатал его, и в какой-то момент он упал. Нет ничего, что бы объединяло жизнь этого человека и кирпич. Две линии причины и следствия встречаются случайно.

В. Если случаи дергают за ниточки, то кто же создает случаи?

О. Другие случаи. Никто не создает случаи; возьмите это в простом обычном смысле.

Вещи происходят в жизни человека в соответствии с тремя законами.

1. Закон случая, когда что-то происходит безо всякой связи с видимой линией событий.

2. Закон судьбы. Судьба относится только к тому, с чем человек рождается: родители, братья, сестры, физические способности, здоровье и тому подобные вещи. Она относится также к рождению и смерти. Время от времени в нашей жизни что-то может происходить по закону судьбы, и иногда нечто очень важное, но такие вещи чрезвычайно редки.

3. Закон воли. Воля может быть двоякой – нашей собственной или волей других. Мы не должны говорить о собственной воле, так как такие, как мы есть, мы ее не имеем. Что касается

воли других людей, то, в целях классификации, каждое намеренное действие другого человека можно назвать результатом воли этого человека.

При изучении человеческой жизни становится ясно, что этих определений недостаточно. Возникает необходимость ввести между случаем и судьбой закон причины и следствия, который управляет некоторой частью событий в жизни человека, поскольку разница между событиями, управляемыми случаем в строгом смысле слова, и событиями, происходящими в результате причины и следствия, становится вполне ясной. С этой точки зрения мы видим значительное различие между людьми в обычной жизни. Есть люди, в жизни которых важные события всегда являются результатом случая. И есть другие, у которых важные события всегда являются результатом их предыдущих действий, то есть зависят от причины и следствия. Дальнейшее наблюдение показывает, что первый тип людей, то есть людей, зависящих от случая, никогда и близко не подходит к работе школы. Но если такое все же происходит, то эти люди очень скоро оставляют школу, ибо один случай их приводит, а другой легко может увести прочь. Только те люди могут прийти к этой работе, чья жизнь управляется законом причины и следствия, то есть те, кто уже в значительной степени освободил себя от закона случая, или те, кто никогда полностью под этим законом не находился.

В. Вы сказали, что человек – это машина, движимая внешними влияниями. Тогда где может войти контроль?

О. Контроля нет. Мы должны измениться, чтобы иметь контроль. События случаются повсюду вокруг и воздействуют на нас. В каждый момент наша жизнь пересекается другими линиями, так что случай управляет большей частью событий. Действие одной машины влияет на другую машину. Мы окружены возможностями случая – если не происходит один, то происходит другой.

Мы должны понять нашу ситуацию. У людей № 1, 2 и 3 нет никакого контроля, практически все в их жизни управляется случаем. Некоторые вещи есть результат их собственных действий, но все это находится на одном и том же уровне. Контроль начинается на другом уровне, и он начинается с нас самих: контроль реакций, состояний сознания, функций и так далее. Затем мы постепенно способны прийти к некоторой степени контроля в смысле избегания одного влияния и приближения к другому. Это очень медленный процесс.

В. Когда мы перестаем находиться под влиянием закона случая?

О. Когда развиваем волю. Полная свобода от закона случая очень далека, но между полной свободой и нашим положением есть различные ступени. В обычных условиях случаю противостоит *план*. Человек, который в тех или иных действиях поступает согласно плану, освобождается в эти моменты от закона случая. Но действия, следующие определенному плану, невозможны в обычной жизни, за исключением условий, когда случайно происходящие события совпадают с планом.

Причины, почему в жизни невозможно осуществить какой-либо план, это, прежде всего, отсутствие единства и постоянства в самом человеке, а также новые линии, которые беспрерывно входят в линию действий человека и пересекают ее. Это можно легко проверить, если человек попытается следовать плану в чем-либо, что не *случается* или противоположно общему направлению сил, действующих в его жизни, – например, если человек пытается вспоминать себя, бороться с привычками, наблюдать себя и так далее. Он увидит, что его план не выполняется, а результат совершенно отличен от задуманного. Или же он обнаружит, что все вообще останавливается, и даже первоначальный импульс и понимание необходимости и полезности совершаемых попыток исчезают. Но если человек продолжает себя изучать, делать усилия, работать, он увидит, что его отношение к закону случая постепенно меняется. Наша подвластность закону случая – это определенный факт, который невозможно полностью транс-

формировать. Такие, как мы есть, мы всегда будем подвержены некоторой возможности случая. Тем не менее, постепенно мы способны сделать случайные события менее вероятными.

Теория случаев очень проста. Они происходят только тогда, когда есть пустое место; если место занято, они произойти не смогут. Чем занято? Сознательными действиями. Если вы не можете произвести сознательного действия, то, по крайней мере, это место должно быть заполнено намеренными действиями. То есть когда работа и все связанное с ней поистине становятся центром тяжести чьей-то жизни, то такой человек практически освобождается от закона случая.

В. Что вы называете центром тяжести?

О. Идею центра тяжести можно истолковать многими различными способами. Это более-менее постоянная цель и осознание относительной важности всего прочего. Это значит, что некоторые интересы становятся важнее всего остального. Человек получает постоянное направление, он не идет сегодня в одном направлении, а завтра в другом, он идет только в одном и понимает, что делает.

Чем сильнее ваш центр тяжести, тем более вы свободны от случая. Когда вы меняете направление ежеминутно, то в каждый момент может случиться все что угодно, и каждый случай может повернуть вас на тот или иной путь. Но если ваша намеренная деятельность, такая, например, как самовоспоминание, становится столь определенной, столь интенсивной и столь непрерывной, что для случаев не остается никакого места, то вероятность случаев будет значительно меньше, так как случаям необходимо пространство и время. Поэтому мы должны добавить больше причин, которые будут давать результаты, и таким образом просто исключить случай, так как чем больше наше время занято сознательной работой, тем меньше пространства останется для случайных событий.

В. Если человек не отождествляется, не учитывает, не имеет отрицательных эмоций, будет ли это создавать новые причины?

О. Естественно. Но так как мы всегда отождествляемся, всегда учитываем и имеем отрицательные эмоции, мы не можем этого испытать. Мы должны увидеть, что иметь даже на одну отрицательную эмоцию меньше будет новой причиной.

В. Как возможно жить под влиянием двух столь различных законов, как закон случая и закон причины и следствия?

О. Я не вижу противоречия. Причина и следствие по отношению к законам, под которыми человек живет, означают результат ваших собственных действий, а «случай» означает нечто, случающееся с вами без связи с вашими действиями.

В. Можем ли мы уже сейчас формировать или направлять закон случая, или мы должны ждать, пока не станем полностью сознательны?

О. Нет никакого вопроса ожидания: если человек ждет, он никогда ничего не получит – в каждый момент нужно делать то, что возможно. В настоящий момент мы можем до некоторой степени формировать закон случая только путем формирования самих себя. Чем больше у нас контроля над собой, тем больше меняется закон случая, и, как я сказал, позже случаи могут даже практически исчезнуть, хотя их теоретическая возможность останется.

В. Как мы создаем новые причины? Означает ли это составление планов?

О. Нет, вы обычно составляете те же планы, что составляли всю жизнь, но при этом ожидаете новых причин.

В. Мне хотелось бы понять, как уменьшить влияние случая на работу? Когда я составляю план на день, он часто ломается неожиданно приходящими людьми.

О. Оставьте такие случаи в покое. Что важно, это люди или «Я» в нас, приходящие и останавливающие нашу работу. Например, приходит отрицательная эмоция и останавливает работу. Вот то, чему мы должны помешать.

В. Случай не обязательно бывает плохим? Он может быть и счастливым, не так ли?

О. Совершенно верно. Но наша цель в том, чтобы освободиться от случая, и спустя некоторое время, если мы работаем, мы можем стать свободными как от хороших, так и от плохих случаев. Спросите себя, будет ли так лучше. Попытайтесь понять, как много мы ожидаем от хороших случаев, и какая трудная жизнь настала бы, если бы мы должны были все «делать» и если бы ничего не «случалось».

В. Свободен ли частично от закона случая тот, кто находится в школе?

О. Нет, это было бы слишком просто. Одно пребывание в школе ничего не меняет. Я только что объяснял, что человек начинает выходить из-под влияния закона случая, если он приобретает то, что мы называем центром тяжести, что означает, что работа над собой становится особенно важной, достаточно важной для того, чтобы занять большое место в жизни человека. Это создает некоторого рода равновесие и постепенно освобождает от случая.

В. Имеете ли вы в виду, что если мы становимся сознательнее, то на нас больше не влияет закон случая?

О. Опять-таки, становление сознательным не делает этого само по себе. Когда в нас прекращаются случайности внутренние, это делает нас свободнее от случайностей внешних. В нас слишком много случайных вещей, и, как я сказал, мы можем избавиться от них только созданием центра тяжести, некоего постоянного веса – веса в том смысле, что он позволит нам сохранять равновесие. А для этого нам необходима школа.

В. Почему вы так уверены, что человек не способен развиваться иначе, чем через школу?

О. Существует очень много трудностей. Если вы попытаетесь их понять, то увидите, что без метода и без помощи, человек не может двигаться – он будет оставаться тем, кто он есть, или, скорее, будет опускаться, поскольку ничто не остается в одном и том же состоянии. Если человек не развивается, он опускается. В жизни, в обычных условиях, все опускается, или же одна способность развивается за счет другой. Все способности не могут развиться без помощи школы, так как необходимы система и метод.

Но прежде чем говорить о том, *почему* школы необходимы, надо понять, *для кого* они необходимы, потому как для большинства людей школы вовсе не являются таковыми. Они необходимы только тем, кто уже понимает недостаточность знания, собранного обычным умом, и чувствует, что сам по себе, собственными силами, не может ни разрешить окружающих проблем, ни найти правильный путь. Только такие люди способны преодолеть трудности, связанные с работой в школе, и только для них школы по-настоящему необходимы.

А чтобы понять, *почему* школы необходимы, нужно понять, что знание, идущее от людей высшего разума, может быть передано одновременно только очень ограниченному числу людей, и что для этого необходимо соблюдение целого ряда определенных условий, без которых знание не может быть передано *правильно*.

Существование этих условий и невозможность их не выполнять объясняют необходимость организации. Передача знания требует усилий как со стороны получающего, так и со стороны дающего. Организация облегчает эти усилия или просто делает их возможными. Эти условия не могут возникнуть сами по себе. Школа должна быть организована в соответствии с некоторым планом, разработанным и известным задолго до этого. В школах не может быть ничего произвольного и импровизированного. Но школы бывают различных типов, соответствующих различным путям. Об этом мы поговорим позже.

В. Нельзя ли объяснить, в чем состоят данные условия?

О. Они связаны с необходимостью одновременного развития знания и бытия. Как я уже говорил, развитие одного без соответствующего развития другого приводит к неправильному результату. Школы необходимы для того, чтобы избежать подобного одностороннего развития и связанных с ним нежелательных результатов. Условия обучения в школе таковы, что с самых первых шагов работа развивается одновременно по двум линиям – по линии знания и по линии бытия. С первых дней пребывания в школе человек начинает изучать механичность и бороться

против ее проявлений в себе, против непроизвольных действий, против излишних разговоров, против воображения, против выражения отрицательных эмоций, против грез наяву и против сна. Делая один шаг по линии знания, человек должен делать другой по линии бытия. Принципы работы в школе и требования, предъявляемые ученику, – все это помогает ему изучить собственное бытие и работать над его изменением.

В. Если не существует никакой надежды достичь высших состояний сознания без школы, значит ли это, что многие люди, безо всякой вины со своей стороны, никогда не войдут в контакт с истинной школой, несмотря на сильное желание развития?

О. Никто не может отвечать за это, потому что люди в большой степени живут под законом случая, и отдельный человек так мал и незначителен. Мы считаем себя очень важными, но на самом деле мы вовсе не важны. Чтобы таковыми стать, мы сначала должны стать чем-то, потому что такие, как мы есть, мы практически ничто. Кто может быть заинтересован в нашем развитии, кроме нас самих? Поэтому встреча со школой, которая соответствует вашему типу – ибо вы можете встретить школу, которая не соответствует вашему типу или вашему развитию, – это в большой степени вопрос везения.

В. Не может ли это быть случаем недостаточного желания, так как сказано: «Ищите и обрящете»?

О. За исключением очень трудных обстоятельств, когда судьба, случай, причина и следствие – все это идет против человека, если человек действительно ищет, он способен найти. Он будет искать школу с помощью своего магнетического центра, но если магнетический центр не сформирован, поиски даже не будут начаты.

В. Куда ведут школы?

О. Это интересный вопрос, так как ответ на него заключает в себе ответы и на другие вопросы – вопросы о различиях в людях. С помощью школы вы можете достичь желаемого, но сначала вы должны сформулировать, чего именно вы хотите. Раньше был задан вопрос о том, ведет ли школа машины к тому, что хорошо для них. Если это истинная школа, то машины она никуда не поведет, так как те имеют собственную судьбу во Вселенной, и никто ничего не может для них сделать. Но школа способна помочь людям, которые устали быть машинами; она может показать им путь к тому, как перестать быть машинами, и научить их, как это можно сделать. Это все, что может сделать школа, и без школы этого достичь невозможно.

В. Что составляет школу?

О. Вообще говоря, школа есть место, где человек может чему-то научиться. Существуют школы языков, школы музыки, медицинские школы и так далее. Но тот вид школы, о котором я говорю, нужен не только для обучения, но и для *становления другим*. Ранее объяснялось, что никто не может работать один, без школы. И вам уже должно быть ясно, что группа людей, которые решают работать сами по себе, никуда не придет, так как эти люди не знают, куда идти и что делать.

То есть мы можем сказать, что школа – это организация для передачи некоторому числу подготовленных людей знания, идущего от высшего разума. Это наиболее существенная характеристика школы. Другой очень важный фактор – это отбор учеников. Только люди с определенной подготовкой и уровнем понимания допускаются в реальную школу. Школа не может быть открыта для всех, она не может быть открыта для многих. Школы имеют весьма различный уровень, в зависимости от подготовки и уровня бытия учеников. Чем выше уровень школы, тем больше требования, предъявляемые к ученикам. Поэтому, с этой точки зрения, школы делятся на ступени. Есть школы, где люди № 1, 2 и 3 учатся тому, как стать человеком № 4, и приобретают все знания, которые помогут им в этом изменении. Следующая ступень – это школы, где люди № 4 учатся тому, как стать людьми № 5. Нам нет необходимости говорить о дальнейших ступенях, так как они слишком от нас далеки. Но даже в школах низшей ступени начало работы в школе уже означает определенную подготовку. Никто не может разом перейти

от абсурда обычной жизни к школе. Даже если школа делает все возможное, чтобы дать человеку что-то, а он не подготовлен и не знает, как взять это, то дать ему это невозможно.

В. Что значит быть подготовленным?

О. Прежде всего, необходимо быть готовым для того уровня, на котором вы можете начать, – не только с точки зрения знания, но также с точки зрения бытия. Необходимо осознавать свою ситуацию, знать, чего ты не можешь делать сам, понимать, что тебе нужна помощь, и многое другое. Это зависит от того, что именно нужно человеку в школе. Никому не нужна школа как таковая, но если человеку нужно что-то, то ему нужна школа, чтобы получить это. Быть подготовленным означает, что человек уже знает себя до некоторой степени, видит свою цель, понимает ценность собственных решений. И в нем уже должна быть определенная свобода от лжи самому себе – он должен быть способен на искренность с самим собой.

К сожалению, если люди приходят к школе неподготовленными, очень часто влияния С становятся влияниями В. Позже – может быть, спустя довольно долгое время, – такие люди могут услышать те вещи, которые уже слышали, когда только пришли, и открыть в них новый смысл. Тогда это становится влияниями С. Существует много идей, которые способны стать влияниями С, если они поняты правильно.

Кроме того, человек может попасть в школу только тогда, когда он уже утратил или готов утратить как минимум некоторую долю своеволия. Своеволие – это главное препятствие к вступлению в школу, так как школа означает не только обучение, но и дисциплину. А некоторые люди находят дисциплину скучной или излишней.

В. Есть ли какой-то экзамен, который нужно сдать, чтобы вступить в школу?

О. Экзамен практически непрерывен. Он идет все время не только до вступления в школу, но и в процессе обучения в оной.

В. Должна же быть какая-то причина того, что одни люди видят возможность изменения, а другие нет.

О. Да, причины есть. Это некая предварительная подготовка ума. Большинство людей имеют одинаковые возможности, но некоторые накапливают материал и готовы к изменению, а другие нет. Но даже если они готовы, им необходима помощь, и они должны делать усилия.

В. Могут ли люди желать измениться и найти это невозможным?

О. Иногда сопротивление слишком велико. Например, воображение может быть слишком сильным, и люди не способны от него отказаться. Или, как я сказал, порой магнетический центр сформирован неправильно. Есть люди с двумя или более магнетическими центрами, смотрящими в разные стороны. Они никогда не могут долго интересоваться одним и тем же. Но если человек имеет правильно сформированный магнетический центр, все эти интересы становятся связанными, и это может быть очень сильная вещь.

В. Вы говорите, что, если люди не подготовлены, влияния С становятся для них влияниями В. Это потому, что у них нет ничего, чтобы судить об этом?

О. Не только из-за этого. Это потому, что они не ценят идеи, они воспринимают их на одном и том же уровне.

В. Мешают ли отрицательные эмоции воспринимать влияния С?

О. Если отрицательных эмоций много, они образуют облако, которое мешает доходить не только влияниям С, но даже влияниям А.

Очень давно было установлено, что, хотя влияния С и существуют, человек не может получить их сам по себе. Это означает, что существует нечто, что человек должен преодолеть для того, чтобы начать понимать, а чтобы понимать больше, он должен преодолеть что-то еще. Вот почему необходима школа. В школе вы не сумеете себя обманывать, и вам могут объяснить, почему вы не понимаете.

Как я сказал, есть много ступеней школ. Школы, которые начинают на обычном уровне жизни, элементарны. В них обязательны определенные правила и условия. Если человек забывает или находит причины не выполнять их, то он не может считать себя учеником школы.

В. Можно ли быть дисциплинированным в жизни в школе, не будучи дисциплинированным в обычных условиях?

О. Дисциплина школы основана на понимании – она совершенно иная.

В. Нет ли опасности принять дисциплину как бегство от ответственности?

О. Тогда человек не будет иметь успеха.

В. До какой степени можно развить бытие без школы?

О. Никакое реальное развитие бытия невозможно без школ, или, вернее, оно возможно до некоторой степени, но обычно несовершенно. Правильное развитие бытия невозможно без школ, так как человек не способен сам следить за собой, не может быть достаточно к себе строг. И вопрос не только в том, чтобы быть строгим, – человек просто не сумеет помнить вещи в нужный момент, он будет забывать или облегчать. Если бы самостоятельная работа была возможна, школы бы являлись потерей времени, а системы были бы не нужны. Но поскольку они существуют, это значит, что без них обучение невозможно. Человек сам по себе не может иметь никакого плана, никакой системы. Как можно развиваться без плана или системы? Как можно выполнять какую-либо работу? Как может человек получить необходимое знание, понять свое положение, узнать, что делать? Он не способен получить даже предварительного знания, с которого можно начать.

В. Обязательно ли школы включают в себя людей более высокого сознания?

О. Не включают, мы не можем ожидать этого, но, как я сказал, школа не может начаться без знания, идущего от людей более высокого разума.

В. Поможет ли мне школа принимать решения, которые будут влиять на будущее?

О. Все, что я могу сказать, это следующее: сегодня создает завтра, поэтому завтрашний день зависит от сегодняшних действий. Вы способны изменить будущее *сейчас* – вот что необходимо понять. В обычной жизни вы не можете ничего изменить, но когда вы начинаете знать больше, то появляется бóльшая власть изменять.

*** * ***

Не все школы одинаковы. Для одного рода людей необходима школа одного типа, для другого рода людей существуют школы другого типа. Не может быть универсальной школы для всех типов людей. Это приводит нас к теме различных путей. Но прежде чем говорить о путях, необходимо осознать, что тысячи лет назад люди пришли к идее, что человек способен измениться, что он может приобрести что-то, чего у него нет. То, что он может приобрести, было выражено по-разному и рассматривалось с различных точек зрения, но общая идея всегда была одной и той же: человек способен развиться, он может приобрести что-то новое. Так были образованы три пути, соответствующие делению на человека № 1, 2 и 3.

Первый путь – путь факира. Это долгий, трудный и ненадежный путь. Факир работает над физическим телом, над преодолением физического страдания.

Второй путь – это путь монаха. Этот путь короче, надежнее и яснее определен. Он требует некоторых условий, но больше всего он требует веры, ибо если нет веры, то человек не может быть истинным монахом.

Третий путь – это путь йога, путь знания и сознательности.

Когда мы говорим о трех путях, мы говорим о принципах. В реальной жизни они редко встречаются в чистой форме, большей частью они смешаны. Но если вы знаете принцип, то, изучая практики школы, сумеете различить, какая практика какому пути принадлежит. Когда мы говорим о йоге, мы на самом деле берем только джнана-йогу и раджа-йогу. Джнана-йога –

это йога знания, йога нового способа мышления. Она учит мыслить в иных категориях, нежели в категориях пространства, времени и причинности. А раджа-йога – это работа над бытием, над сознанием.

Хотя во многих отношениях эти пути весьма эффективны, для них характерно то, что самое трудное в них – это первый шаг. С самого первого момента вы должны отказаться от всего и делать то, что вам говорят. Если вы сохраняете хотя бы одну небольшую вещь, то не сумеете следовать ни одним из этих путей. Поэтому, хотя эти три пути и хороши во многих других отношениях, они недостаточно гибки. Например, они непригодны для современного образа жизни. Факир – это крайняя форма человека № 1 с сильным преобладанием инстинктивно-двигательного центра. Монах – это крайняя форма человека № 2 с развитым эмоциональным центром, но с недоразвитыми остальными. Йог – это крайняя форма человека № 3 с развитым интеллектуальным центром и недостаточно развитыми остальными. Если бы существовали только эти пути, нам некуда было бы деваться, так как для них мы слишком хорошо образованны. Но есть и Четвертый путь – совершенно особый путь, не являющийся комбинацией трех других. Он отличается от них прежде всего тем, что в нем нет никакого внешнего отказа от вещей, поскольку вся работа внутренняя. Человек должен начинать работу в тех условиях, в которых находится, ибо эти условия и есть для него наилучшие. Если он начинает работать и изучать в таких условиях, он может чего-то достичь, а позже, если это будет необходимо, окажется способен изменить их, но не раньше, чем увидит необходимость этого. То есть поначалу человек продолжает жить той же жизнью, что и прежде, в тех же условиях, что и прежде. Во многих отношениях этот путь оказывается более трудным, чем другие, потому что нет ничего тяжелее, чем изменить себя внутри без изменения внешнего.

Первый принцип Четвертого пути таков, что человек ничему не должен верить, но должен учиться, то есть вера не входит в Четвертый путь. Человек не должен верить тому, что он слышит, что ему советуют, он должен для всего находить доказательства. Если человек убежден в истинности чего-то, он может поверить этому, но не раньше. Это краткое описание различия между четырьмя путями.

В. Почему верить неправильно?

О. Люди верят или не верят тогда, когда слишком ленивы, чтобы думать. Необходимо выбирать, вы должны быть убеждены. Вам говорят, что вам нужно вспоминать себя, но будет неправильно вспоминать себя только потому, что вам так сказали. Сначала вы должны осознать, что вы себя не помните. Вы должны понять, что это означает. И только потом, если вы действительно осознаете, что вам это необходимо, что вы хотели бы вспоминать себя, вы будете делать это правильно. Если вы осуществляете это просто из подражания кому-либо, то это неправильно. Вы должны понять, что делаете это *для себя*, а не потому, что кто-то вам это сказал.

В. Четвертый путь предназначен для некого особого типа человека?

О. Да, если угодно, – он предназначен для человека, который не может идти другими путями.

В. Занимает ли Четвертый путь намного больше времени?

О. Он может быть самым коротким из всех, потому что в него входит больше знания. Четвертый путь иногда называют путем «хитрого человека». Хитрый человек знает о трех традиционных путях, но он знает и больше. Допустим, люди на всех путях работают для того, чтобы войти в определенное состояние, необходимое для некоторой особой работы, которую они должны сделать. Хитрый человек обычно создает это состояние в самое короткое время, – но он должен знать, как это сделать, он должен знать секрет.

В. Какое значение придается словам «хитрый человек»?

О. Что вы понимаете под хитростью?

В. Отсутствие прямоты.

О. Да, многие вещи нельзя получить прямо. Эта идея очень широко используется в Новом Завете, только там это не называется быть «хитрым». Существуют ситуации, которые настолько трудны, что невозможно идти прямо, необходимо быть «хитрым».

В. Любой ли человек может идти Четвертым путем?

О. Нет, так как это требует понимания и усилий. Человек должен быть подготовлен к совершению усилий.

В. Как можно судить, правильный ли ты выбрал путь?

О. По результатам. Вы встречаете систему и начинаете работать. Спустя некоторое время вы должны быть способны сказать, получили ли вы что-нибудь от нее или нет. Это не особенно трудно. Конечно, в большинстве случаев сначала это будет выглядеть как интеллектуальные приобретения, так как вы получите новые идеи, новое знание. Но так устроено, что приобретение новых идей в этой системе связано с определенным изменением в понимании, во внимании, в воле и так далее. Невозможно правильным образом получить новые идеи без определенного изменения.

В. Если четыре пути ведут к одной и той же цели, то какой фактор, или главное качество, будет общим для них?

О. Что сходно на всех путях – это возможность изменения бытия. Если вы подумаете обо всем, что составляет бытие: неправильная работа центров, отождествление, учитывание, отрицательные эмоции, отсутствие единства и так далее, – то поймете, что все это может быть изменено на каждом из четырех путей: на пути факира – путем преодоления физической боли, на пути монаха – путем создания религиозной эмоции, на пути йога – путем приобретения знания и работы над сознанием. Пути одинаковы, но люди различны. Человек, который способен идти по одному пути, не сумеет идти по другому. В наше время существуют четыре определенные категории людей, в соответствии с которыми пути и разделяются. Я не говорю, что это всегда было так, но это определенно так в наше время. Это деление связано не столько с тем, что есть люди № 1, 2 или 3, сколько с тем, что существуют люди с одним центром, люди с двумя центрами, люди с тремя центрами, люди с четырьмя центрами. Это означает людей, у которых один центр развит полностью, в то время как другие не развиты, или два центра развиты, а другие не развиты, или три центра развиты, а четвертый недоразвит, или четыре центра развиты более-менее одинаково. Это создает деление на четыре пути.

В. Эта система и есть Четвертый путь?

О. Это неправильная формулировка. Вы можете спросить себя: «Принадлежит ли эта система пути факира, пути монаха или пути йога? Нет, но она может принадлежать Четвертому пути». Нельзя сказать, что эта система и есть Четвертый путь; Четвертый путь очень велик, а эта система в сравнении с ним чрезвычайно мала.

В. Магнетический центр действует только по отношению к школам?

О. На религиозном пути необходим особый магнетический центр. Магнетический центр, который приводит в школу йоги или в монастырь, отличен от магнетического центра, направляющего в группу, которая, возможно, ведет к школе Четвертого пути. С таким магнетическим центром люди не смогли бы здесь работать: они не имели бы достаточной инициативы. На религиозном пути они должны повиноваться. На этом пути люди должны иметь более широкий ум, они должны понимать. В школах йоги и на религиозном пути можно долгое время двигаться без понимания, просто делая то, что говорят. Здесь же результаты пропорциональны пониманию.

В. Магнетические центры различных людей могут быть привлечены к различным идеям? Отправной пункт зависит от этого?

О. Да, они могут быть очень разными, но в этой системе должна быть некоторая схожесть магнетических центров, чтобы люди могли работать вместе; поскольку в определенный период

времени, общественном классе и уровне образования люди имеют более или менее одинаковый материал.

В. Охватывает ли Четвертый путь три остальных пути?

О. Нет, это неправильное описание, так как Четвертый путь не имеет многого из того, что входит в первые три пути, но в нем есть то, что в них не входит. Идея Четвертого пути состоит в том, что он отбрасывает из трех путей все, что не является в них необходимым, так как кроме необходимого они имеют и то, что остается в них исключительно традиционно, из подражания и по другим схожим причинам.

На Четвертом пути все стороны, которые могут развиваться, развиваются одновременно, и это отличает его от других путей, где вы развиваете сначала одну сторону, а потом идете назад и развиваете другую, затем опять возвращаетесь и развиваете третью. На Четвертом пути все четыре центра должны быть более или менее живыми, на поверхности, открытыми для получения впечатлений, в противном случае необходима длительная предварительная работа по их открытию прежде, чем человек сможет начать.

В. Не есть ли Четвертый путь на самом деле самый трудный из всех – вследствие постоянной необходимости выбора, возникающей в условиях максимальных внешних отвлечений?

О. Это зависит от того, что вы называете самым трудным. Другие три пути требуют очень важного решения в самом начале, когда вы на самом деле ничего не знаете. Вы должны отказаться абсолютно от всего. Если вы способны это сделать, и если у вас есть другие необходимые качества, вы можете пойти по пути монаха или по пути йога, если сумеете найти таковую школу. Но если вы не знаете таких школ, и если вы находите, что не можете отказаться даже от малых вещей, тогда, конечно, это единственно возможный для вас путь. Это не вопрос более трудного, это вопрос более возможного. Тогда, если вы подумаете, вы поймете, что возможен только один путь.

В. Есть ли что-либо в школах Четвертого пути, равное состоянию молитвы, и если да, то приходит ли это с самовоспоминанием?

О. Да, на всех путях каждый должен пройти через одни и те же опыты, только в различной последовательности. Несомненно, самовоспоминание, неотождествление и некоторые другие практики будут давать точно такие же личные ощущения, как высокие эмоции религиозного или интеллектуального порядка. Вы помните, как мы сравнили человека с домом из четырех комнат. Что означает развитие? Оно означает работу в четырех комнатах, только порядок комнат, в которых человек работает, на различных путях будет разным. На Четвертом пути работа делается сразу во всех четырех комнатах.

В. Является ли эта организация школой?

О. Это интересный вопрос. Можем ли мы называть себя школой? До некоторой степени ответ положительный, так как мы приобретаем некоторое знание и в то же время учимся тому, как изменить свое бытие. Но я должен сказать в отношении этого, что в начале нашей работы в Петербурге в 1916 году нам дали понять, что школа, в полном смысле слова, должна состоять из двух ступеней, то есть в ней должны присутствовать два уровня: первый, где люди № 1, 2 и 3 учатся, как стать № 4, и второй, где люди № 4 учатся, как стать человеком № 5. Если школа имеет два уровня, она имеет больше возможностей, так как двойная организация такого рода может дать большее разнообразие опыта и сделать работу быстрее и надежнее. Поэтому, хотя в некотором смысле мы можем называть себя школой, лучше использовать этот термин для более крупной организации.

В. Правильно ли я понял из того, что вы сказали, что это не школа в точном смысле слова?

О. Для некоторых людей она может быть школой, для других нет. Это всегда так. Это нельзя точно определить, и это не может быть одинаковым для всех.

В. Если она еще не готова к тому, чтобы называться школой, что может сделать ее таковой?

О. Только работа ее участников над собственным бытием, понимание принципов работы в школе и определенная дисциплина. Если мы хотим создать школу, так как пришли к заключению, что не способны измениться без нее самостоятельно, мы должны участвовать в построении школы. Это и есть метод Четвертого пути. На религиозном пути школы уже существуют, но здесь, если мы хотим школу, мы должны принять участие в ее создании. Но сначала необходимо обучение. Когда вы узнаете достаточно, вы будете знать, что делать.

В. Вы сказали, что можно научиться побегу только у тех, кто бежал прежде?

О. Совершенно верно – в аллегории о тюрьме. И это значит, что школа может начаться только от другой школы. Система может иметь ценность, только если она идет от высшего разума. Если же у нас есть основание считать, что она идет от обычного разума, подобного нашему, она не может иметь никакой ценности, и нам нечего от нее ожидать. Тогда лучше сесть и написать собственную систему.

В. Будет ли возможно в школе каждому развиваться от № 4 к № 5, или это верно только для немногих?

О. В принципе, ограничений нет. Но вы должны понять, что между человеком № 4 и человеком № 5 существует громадная разница. Человек № 4 – это человек, который приобрел постоянный центр тяжести, но во всем остальном он вполне обычный человек. Но человек № 5 – это совершенно другой человек. Он уже имеет единство, постоянное «Я», третье состояние сознания. Это значит, что он пробужден и способен помнить себя всегда, когда ему это нужно. Кроме того, в нем работает высший эмоциональный центр, что дает ему много новых способностей.

В. Оказаться не в состоянии продолжать работать с системой – это хуже, чем вовсе не начинать?

О. Если вы начали, никто не может остановить вас, кроме вас самих.

В. Как можно примирить это с вашими словами, что гарантии нет?

О. Это зависит от вашей работы. Как могу я гарантировать вашу работу? То, что мы способны получить, зависит от наших усилий, и каждый должен работать на собственный риск. Но спустя некоторое время человек начинает видеть: «Я получил то, чего у меня не было раньше». Так постепенно можно стать более уверенным.

В. Что изучает школа?

О. Она изучает возможность развития внутренних качеств в человеке. Она начинает с идеи, что не все качества могут быть развиты в равной мере. Чтобы могли развиться определенные качества, другие должны быть сдержаны и ограничены, а некоторые должны исчезнуть. Допустим, у вас есть сто качеств. Из них, скажем, тридцать могут развиться, а семьдесят на это не способны. Тогда вы должны ограничить те семьдесят, чтобы могли развиться эти тридцать. И в школах есть определенное знание о том, какие качества могут, а какие не могут развиться, какие условия благоприятны, как ограничить некоторые качества, как развить другие. Каждая школа обучает по-своему. Например, школа этого типа говорит просто: развивайте только сознание, а все остальное приложится. И для этого нужно бороться с отрицательными эмоциями, ложью, отождествлением, учитыванием, воображением и так далее.

В. Вы сказали, что мы должны все проверять, но если мы можем знать только то, что испытали сами, не замыкает ли это нас в очень маленьком мире?

О. Мы знаем не только то, что испытываем сами, мы знаем и то, что испытали другие люди. Вся идея школы состоит в том, что нужно учиться на опыте других людей – не таких людей, как мы, но людей высшего разума, иначе не может быть никакой школы. Если школа ограничена только тем, что мы знаем сами, тогда это не школа.

В. Разве не вера в существование чего-то за пределами того, что мы знаем, побуждает нас искать?

О. Существует много вещей за пределами, но мы должны понимать, что возможность знания, реального знания, весьма ограничена в настоящих условиях. Мы способны формулировать проблемы, умеем создавать теории, но не можем находить ответы на них, или же находим только теоретические ответы, так что один ответ так же хорош, как и другой. Но мы должны надеяться и ожидать, что если мы изменим состояние сознания и усовершенствуем свое внутреннее устройство, то, возможно, будем знать больше.

В. Смысл школы – в самопосвящении?

О. Что значит самопосвящение? Все это слова. Что означало бы быть посвященным в китайский язык? Это значило бы изучить его, быть обученным. Вы не можете быть посвященным в китайский язык путем возложения рук. Посвящение – это работа. Двое людей могут находиться в одной и той же школе, и для одного это будет школа одного уровня, а для другого – школа совсем другого уровня. А для третьего она может вообще школой не являться. Это зависит от того, насколько глубоко человек в ней находится. Самая высокая школа может быть на очень низком уровне, и одна и та же школа способна быть на различных уровнях, в зависимости от людей в ней. Это требует работы и памяти о цели.

В. Если школы столь важны, почему они не имеют в мире большего влияния?

О. Школы способны действовать только через людей, которые в них заинтересованы. Они не могут сделать ничего, если окружены равнодушными людьми. Возможность школ влиять на жизнь обусловлена общим к ним отношением. Чтобы оказывать влияние, школы должны иметь людей, которые заинтересованы и будут подчиняться. Но это должно идти снизу, это не может создаваться школами. Школы способны бросить в мир влияния В, но если люди не заинтересованы в них, школы ничего не могут сделать. Они не могут применять насилие.

В. Может ли школа потерять, давая знание?

О. Школа может потерять различными путями. Мы придем к этому вопросу позже. Это зависит от того, кому она дает. Если она дает только в общем и ничего не получает, она, конечно, теряет. Если у человека есть деньги, и он начинает давать их всем, заслуживают они того или нет, то, конечно, он их потеряет.

В. Вы сказали, что если нам нужна школа, мы должны участвовать в ее создании. Как мы можем это делать?

О. Вы должны помнить, что уровень школы зависит от уровня бытия людей, которые ее составляют. Если нет достаточного числа людей с магнетическими центрами, то не может быть и школы. Но просто приходить на лекции и принимать то, что слышишь, еще не показывает присутствия магнетического центра.

В. Будет ли распространение идей школы и ее языка среди других людей какой-либо помощью с точки зрения школы?

О. Идеи не могут быть распространены в правильной форме – это важно понять. Было бы очень хорошо, если бы это можно было сделать, но это невозможно. Слова остались бы, но сами идеи были бы другими. Если бы достаточным было просто их распространить, зачем тогда нужны школы? Язык распространится сам, может быть, даже при нашей жизни, но идеи вошли бы в общее употребление в неправильной форме. Например, не было бы различения между «деланием» и «случаем».

В. Мы говорим о школах и различных уровнях. Не слишком ли это запутанно? Что означают более высокие уровни?

О. Почему вы находите идею о более высоких уровнях запутанной? Например, мы можем взять эту идею уровней очень просто в отношении к самим себе: со всеми своими умственными способностями мы способны думать только до определенного уровня, но если бы мы могли использовать высшие центры (например, высший эмоциональный центр, который уже требует более или менее полного самовоспоминания), тогда, конечно, о том же предмете мы думали бы совершенно по-другому и нашли значительно больше связей в вещах, которых не

замечаем теперь. Это показывает различные уровни мышления, и иногда мы на самом деле имеем проблески более высокого уровня мышления, так что можем иметь некоторый материал для наблюдения, потому что даже теперь способны думать по-разному об одном и том же предмете.

Что же касается различных уровней людей, то мы встречаемся с результатами работы людей, явно принадлежащих к более высоким уровням; мы не можем сказать, что опыт обычной жизни ограничивается результатами работы людей, подобных нам самим. Возьмите, например, Новый Завет, и есть также произведения искусства, эзотерические рукописи, христианская литература и все прочее, что очевидно не может принадлежать обычным людям. Существование людей более высокого развития – не воображение, не гипотеза, но реальный факт. Поэтому я не понимаю, в каком смысле это может запутывать; я не вижу, как можно мыслить, не признавая данного факта. Это определенный факт, что люди живут не только на том уровне, на котором находимся мы, но могут существовать и на иных.

С этой точки зрения человечество можно рассматривать как разделенное на четыре концентрических круга. Три внутренних круга именуются Эзотерическим, Мезотерическим и Экзотерическим. Четвертый – это внешний круг, где живут люди № 1, 2 и 3. Школы действуют как ворота, через которые может пройти человек № 4, находящийся между внешним и Экзотерическим кругом. Человек № 5 принадлежит к Экзотерическому кругу, человек № 6 – к Мезотерическому, и человек № 7 – к Эзотерическому, или самому внутреннему кругу. Внешний круг называется также кругом смешения языков, потому что в нем люди не способны друг друга понимать. Понимание возможно только во внутренних кругах.

Все это означает, что существуют степени. Человек, живущий во внешнем круге, находится под законом случая, или, если он имеет сильно выраженную сущность, его жизнь больше управляется законами его типа или законами судьбы. Но когда человек начинает работать над развитием сознания, он приобретает направление. Это означает изменение, возможно, неощутимое, но, тем не менее, изменение в космическом смысле. Только индивидуальное усилие может помочь человеку перейти из внешнего круга в Экзотерический. То, что относится к человеку внешнего круга, не относится к человеку, начинающему работать. Он находится под другими законами, или, вернее, другие законы начинают затрагивать человека, начинающего работать. Каждый круг находится под различными законами.

Глава V

Возможность дальнейшего развития человека. – Недостаток сознания. – Познание истины. – Изучение степеней сознания. – Самовоспоминание и самонаблюдение. – Невозможность определения самовоспоминания. – Самовоспоминание как метод пробуждения. – Подход к самовоспоминанию через интеллектуальный центр. – Перестройка мыслей. – Остановка мыслей как метод привнесения самовоспоминания. – Вспоминание себя в эмоциональные моменты. – Невежество и слабость. – Отождествление и борьба с ним. – Внешнее и внутреннее учитывание. – Отрицательные эмоции. – Спокойное место в себе.

Было бы хорошо, если бы время от времени вы пытались суммировать в уме то, что слышали до сих пор, поскольку через некоторое время посещения лекций и бесед человек начинает забывать хронологию идей, а важно помнить порядок, в котором они даются.

Из всего, что вы слышали, наиболее важна идея того, что с определенным знанием и усилиями человек способен развиться, способен завершить себя. Развитие человека, если это процесс (что вовсе не обязательно), проходит через определенные стадии и ступени. Если вы обратитесь к началу, то вспомните, что было сказано об отсутствии сознания в человеке и том факте, что, когда человек понимает это, это понимание дает ему возможность приобрести сознание. И вы увидите, что это и есть направление, в котором человек способен развиваться. Пока он не осознал, что является просто машиной, и все его процессы механичны, он не может начать изучать себя, так как это понимание и есть начало самоизучения. То есть изучение должно начинаться таким образом: мы должны понять, что не обладаем самосознанием, что не можем осознавать себя в моменты действия или мысли. Это первый шаг. Второй шаг – понять, что мы не знаем себя, мы не знаем нашей машины и того, как она работает. И следующий шаг – это понимание того, что мы должны изучать методы самоизучения. Мы наблюдаем себя всю свою жизнь, но не знаем, что значит самонаблюдение. Реальное самонаблюдение должно быть основано на фактах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.